

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПАМЯТЬ
И СЛАВА

MEMORIA ET GLORIA

Альберт
Николаевич
ЕЛСУКОВ

К 80-летию
со дня рождения

МИНСК
БГУ
2016

УДК 81(476)(092)Елсуков А.Н.
ББК 81(4Бей)Елсуков А.Н.
П15

Серия основана в 2003 г.

Редакционная коллегия:
*А. Н. Данилов (отв. ред.), Д. К. Безнюк, А. М. Бобр,
Н. А. Елсукова, Д. Г. Ротман, А. В. Рубанов*

Использованы фотоматериалы
из семейного архива *А. Н. Елсукова*,
личного архива *А. Н. Данилова*

Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со
П15 **дня рождения / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск :**
БГУ, 2016. – 279 с. : ил. – (Memoria et Gloria).
ISBN 978-985-566-330-1.

Книга посвящена научной и педагогической деятельности А. Н. Елсукова (1936–2014) – заслуженного работника БГУ, доктора философских наук, профессора. Представлены материалы, знакомящие с жизнью и деятельностью ученого, его научным и педагогическим наследием, воспоминания коллег, родных и близких, друзей и учеников.

УДК 81(476)(092)Елсуков А.Н.
ББК 81(4Бей)Елсуков А.Н.

ISBN 978-985-566-330-1

© БГУ, 2016

MEMORIA ET GLORIA

III ак называется серия, посвященная ученым Белорусского государственного университета, внесшим большой личный вклад в развитие науки и образования. Это дань памяти тем, кто прославил нашу альма-матер, нашу страну, оставил значительный вклад в истории отечественной науки. Задачи серии «MEMORIA ET GLORIA» – познакомить с научным наследием, педагогической деятельностью, воссоздать живой портрет ученого по воспоминаниям коллег, учеников.

И здание посвящено замечательному белорусскому ученому, педагогу и настоящему подвижнику на ниве образования – философу и социологу, доктору философских наук, профессору Альберту Николаевичу Елсукову (1936–2014), создателю философско-экономического факультета, кафедры социологии, заслуженному работнику Белорусского государственного университета.

К нига знакомит с жизнью и деятельностью А. Н. Елсукова, научным наследием ученого, воспоминаниями его коллег, родных и близких, друзей и учеников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый раз, когда встречаешься с первокурсниками, видишь их горящие глаза, радость и огромное счастье быть студентом Белорусского государственного университета – ведущего в стране вуза, понимаешь, как важно передать каждому из них свои знания, традиции, университетский дух и высочайшую ответственность за авторитет своей альма-матер в будущем. Это – наша смена, им продолжать творить историю, наполняя ее новыми свершениями. Преемственность поколений держится на подвигниках, которые своим талантом, трудолюбием, любовью к избранной профессии, всей своей жизнью заслужили высочайший авторитет и признание современников.

Белорусский государственный университет открыл немало ярких имен, которые обогатили науку и производство, образование и культуру своими достижениями. В их ряду и известный белорусский ученый, педагог, философ и социолог Альберт Николаевич Елсуков – доктор философских наук, профессор, отличник образования Республики Беларусь, заслуженный работник Белорусского государственного университета, лауреат премии им. В. И. Пичеты. Ему много пришлось в жизни пройти испытаний, чтобы зажглась на научном небосклоне его звезда. И он достойно прошел свой жизненный путь, оставил о себе добрую память, создал научную школу в области истории социологии и методологии научного познания, подготовил достойных учеников, которые успешно продолжают дело своего учителя.

Эта книга родилась по инициативе коллег, друзей и учеников Альберта Николаевича Елсукова как знак признания его больших заслуг в развитии гуманитарных и социальных наук, институционализации социологического образования в Беларуси. Альберт Николаевич – выпускник исторического факультета (1963 г.), а с 1973 г. вся его жизнь была неразрывно связана с Белорусским государственным университетом. В недрах Минской методологической школы, созданной профессором В. С. Стёпи-

ным, которая успешно функционировала в университете в 1970–80-е гг. и благодаря достижениям которой БГУ стал всесоюзным центром по изучению проблем методологии науки, А. Н. Елсуков сформировался как крупный ученый и организатор науки.

Альберту Николаевичу часто приходилось быть первым, браться за совершенно новое дело, начинать все в буквальном смысле слова с нуля... Так было с открытием в 1989 г. нового философско-экономического факультета и кафедры социологии. Ему доверили, он взялся... И победил! Профессор А. Н. Елсуков навсегда вошел в летопись Белорусского государственного университета как первый декан философско-экономического факультета, создатель и первый заведующий кафедрой социологии. Здесь сполна раскрылся его уникальный талант руководителя, тонко понимающего молодежь и разбирающегося в людях. Он был сторонником «мягкого» решения самых острых административных вопросов, всегда высоко ценил и любил своих коллег, дорожил дружбой, любил работать со студентами и пользовался среди них большим авторитетом и искренним уважением.

Классический университет по своему предназначению не только дает фундаментальные знания, но и готовит молодых людей к жизни, учит не бояться трудностей, а преодолевать их... Профессор А. Н. Елсуков – настоящий философ, крупный ученый, глубокий мыслитель и подвижник. Помор из архангельских, в роду которого были представители всех сословий, он взял от своих предков лучшее: трудолюбие, мастеровитость, сдержанность, талант труда и мудрой любви к человеку. Не в характере Альберта Николаевича хандрить или унывать, жаловаться на болезни и невзгоды, впустую транжирить время. В любой компании был замечен, оригинален и неповторим.

Жил Альберт Николаевич с выдумкой, находя для себя все новые и новые увлечения. Водный туризм, велосипедные прогулки, афоризмы, поэзия... И никогда не считал их хобби – это и была его жизнь, которую нельзя было разделять на рабочее и свободное время, основное и второстепенное, главное и неглавное. Точно с него писал любимый им поэт Роберт Рождественский: «Надо б, наверное, жить по-другому! // Но по-другому // я не умею...», «Надо бы, // надо бы остановиться! // Не успеваю. // Не успеваю...», «Отдвигаю и планы, и сроки. // Слушаю притчи // о долготерпенье. // А написать // свои главные строки // не успеваю! // И вряд ли успею...». В жизни он успел многое...

Содержание данной книги строго выдержано в логике университетской серии «Память и слава», где есть и представление о человеке, оценка его вклада в науку и образование, труды самого ученого, воспоминания родных, коллег и учеников, интересные фотографии разных лет, а еще – афоризмы и стихи из архива ученого.

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто помогал словом и делом в создании этой книги.

А. Н. Данилов,
заведующий кафедрой социологии

ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

А. Н. Данилов, Д. К. Безнюк

Альберт Николаевич Елсуков прожил большую, счастливую и интересную жизнь, очень многое успел сделать... Судьба к нему благоволила, но создал себя он сам, пройдя путь от рабочего до известного, признанного ученого – философа, социолога, историка, заведующего кафедрой, декана ведущего в стране Белорусского государственного университета.

Люди, которым довелось родиться в первой трети XX в., стали свидетелями и участниками действительно глобальных перемен. На их глазах развернулось невидимое ранее строительство нового мира – масштабный социальный эксперимент, который в основе своей был призван построить государство равных и счастливых людей. Но практика упорно сопротивлялась возвышенным мечтаниям кремлевских романтиков. На практике чаще было совсем не так, как в планах: все больше побеждал и укреплялся приоритет силы власти, оттесняя человека на второй план. Волна за волной сменялись правители, а вместе с ними и лозунги: господство тоталитарной системы сменила хрущевская «оттепель», затем брежневский «застой». Пока, наконец, горбачевская перестройка не завершила глобальный социальный эксперимент полным крахом – распадом системы социализма. Для Альберта Николаевича это была не теория, а правда жизни: период военных скитаний, потери близких, постоянный недостаток и неустроенность, трудное послевоенное детство в разрушенной белорусской столице, когда приходилось много работать и одновременно учиться, неустанный поиск своего места в жизни.

Его дорога к своему Олимпу была долгой и тернистой. Родился Альберт Николаевич Елсуков 9 декабря 1936 г. в городе Архангельске (в городе мореплавателей). Многие в его жизни объяснялось кодексом чести северного русского народа, сложившейся веками: на судьбу не ропщет, трудолюбив, мастеровит, выдержан, большой жизнелюб. Дедушка Альберта Николаевича преподавал Закон Божий в женской гимназии, после

революции он служил священником в небольшом сельском приходе. После его гибели бабушка с пятью детьми вынуждена была покинуть город и, скрывая свое происхождение, переселиться в деревню. Отец будущего философа работал в мостостроительной организации, а мама после окончания бухгалтерских курсов – счетоводом. Перед самой войной семья Елсуковых переехала в Киев, откуда эвакуировалась в Челябинск, а затем в Ташкент. После войны Елсуковы уже окончательно осели в разрушенной белорусской столице.

Жить было трудно. Кругом развалины, работы особенно не было, но люди радовались, что остались живы, а энтузиазма особенно в молодости им было не занимать. У юного Альберта почему-то чувствовалась тяга к творческо-писательской деятельности. Но действительность диктовала свои требования и приоритеты. После окончания 7-го класса вместе со своим другом поступал в автомеханический техникум. Не хватило баллов. Пришлось продолжить учебу в 8-м классе. Материальные трудности не позволяли учиться дальше, поэтому поступил в Минскую профессионально-техническую школу столяров-краснодеревцев. Окончив ее в 1955 г., работал столяром на мебельной фабрике им. Димитрова в г. Минске. Среднее образование получил в вечерней школе (которая размещалась в помещении дневной школы № 42 по улице Комсомольской) и поступил в 1958 г. (со второй попытки) на исторический факультет Белорусского государственного университета – старейшего белорусского университета, колыбели высшего образования и фундаментальной науки в Беларуси. Менялась «погода в доме», но прочные университетские конструкции выдержали испытание временем, сохраняя и по сей день сформированные еще на заре своего становления авторитетным профессорским сообществом традиции фундаментальности знаний, направленности на подготовку высококвалифицированных специалистов. В его стенах со времени основания была создана в какой-то степени уникальная интеллектуальная среда, которая царит и до сих пор, формируя творческую и научную элиту страны, ее настоящее и будущее.

В 1958 г. молодой столяр в приемной комиссии БГУ раздумывал о выборе будущей специальности. Соблазнов было много. Уже появились его первые публикации в республиканской газете «Советская Белоруссия», где он со знанием дела ставил вопросы перед Белпромсоветом. Заметка так и называлась: «Почему качество мебели низкое?» («Советская Белоруссия» от 13 ноября 1957 г.). Послевоенный Минск постепенно возвращал-

ся к жизни, восстанавливались разрушенные войной предприятия, жилые дома, возводились новые проспекты и микрорайоны. Алик Елсуков, динамичный, трудолюбивый, веселый юноша, активно тянулся к знаниям, его увлекало творчество, поэзия, музыка, жизнь наполнялась романтикой молодости. Точно как у Бориса Пастернака: «Во всем мне хочется дойти // До самой сути. // В работе, в поисках пути, // В сердечной смуте...».

Выбор исторического факультета был и случайным, и одновременно желанным, но понимание этого пришло чуть позже, в процессе учебы. Его окружала совершенно новая, неведомая ему ранее обстановка, много незнакомых молодых сверстников, и каждый с интересной судьбой, целеустремленный и талантливый. Из 45 человек их курса только трое были выпускниками средней школы, а остальные – либо как он – с трудовым стажем, либо отслужившие в армии, т. е. люди уже взрослые и с жизненным опытом. А. Н. Елсуков с головой окунулся в учебу. Стал собирать философскую библиотеку, с интересом слушал лекции Л. С. Абецедарского, И. М. Игнатенко, Г. М. Лившица, Р. А. Никольского, Т. И. Притыцкой, В. М. Сикорского, Л. М. Шнеерсона. Особый интерес у него вызывали лекции по истории философии, которые читал профессор Иван Михайлович Лущицкий, и лекции по диалектическому материализму профессора Петра Федоровича Протасени.

В университетских аудиториях тогда часто можно было видеть, когда представители естественных и гуманитарных наук горячо спорят в поисках истины, где прав не тот, у кого больше прав, а тот – на чьей стороне более весомые аргументы. А с чем может сравниться университетское братство? Во все времена, как и в пору молодости Альберта Николаевича, студенты также спорят, шутят, засиживаются в читальных залах общежитий за полночь, клянутся в вечной любви и мечтают об успехе. Так было и так будет всегда. Как неистребимо племя студентов-романтиков и класса профессоров, их обучающихся.

Как вспоминал Альберт Николаевич, хватало время на все: и для учебы, и для занятия общественной работой. В студенческие годы ему очень хотелось везде успеть, во всем поучаствовать, все попробовать самому. Он пел в академическом хоре Дворца культуры профсоюзов, активно занимался спортом (был членом сборной команды БГУ по фехтованию, имел первый спортивный разряд), все каникулы работал в пионерских лагерях вожатым и старшим пионервожатым, был участником студенческих строительных отрядов, на общественных началах работал руководителем лек-

торской группы Минского горкома комсомола. Университет подготовил Альберта Николаевича к самостоятельной жизни, научил не бояться житейских трудностей, поэтому он довольно спокойно принял свое распределение учителем в сельскую школу.

Может быть, самый счастливый период жизни Альберта Николаевича – работа по распределению в средней школе поселка Опса Браславского района Витебской области. Здесь он самоутвердился в профессии, нашел верных и надежных друзей, обрел настоящее семейное счастье, а его романтическая натура оказалась сполна востребованной местной интеллигенцией. Он увлекался сам и как магнит притягивал окружающих в сферу своих интересов. Где был А. Н. Елсуков – там без приключений, розыгрышей, веселья не обходилось. Такой вот был человек-праздник.

Жизнь Альберта Николаевича складывалась относительно успешно, и свою птицу счастья он крепко держал в руках. После возвращения в столицу бывший молодой учитель сельской школы преподает философию в Белорусском политехническом институте и серьезно задумывается о продолжении образования. В 1966 г. А. Н. Елсуков подает документы в аспирантуру философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и, пройдя все испытания, зачисляется на дневное отделение по кафедре диалектического материализма. «Таким образом, мое философское образование и работа, – вспоминал Альберт Николаевич, – приобретали все более отчетливый профессиональный характер». После успешной защиты кандидатской диссертации «Проблема объяснения в социально-историческом исследовании» (1969, научный руководитель – В. И. Швырев, оппоненты – Г. М. Андреева и В. И. Столяров) А. Н. Елсуков вернулся в Минск на кафедру философии Белорусского политехнического института, где работал до 1973 г. преподавателем, доцентом.

После 1973 г. вся дальнейшая жизнь А. Н. Елсукова связана с Белорусским государственным университетом. Первой его кафедрой стала кафедра марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов, которая образовалась в этом же году путем деления общей философской кафедры на две – естественных и гуманитарных факультетов. Руководителем был приглашен научный сотрудник Института философии и права Академии наук БССР профессор Георгий Петрович Давидюк. С его приходом кафедра сделала крен в сторону социологии: на историческом факультете была учреждена специализация по прикладной социологии, был

создан сектор прикладной социологии, сформировалась хоздоговорная группа социологов-прикладников, работающих по договорам с предприятиями республики. В секторе прикладной социологии активно участвовал и А. Н. Елсуков, участвуя в разработке научной тематики, подготовке программ исследования, выезжал в командировки на предприятия республики с опросами, писал научные отчеты, докладывал на конференциях полученные результаты.

С утверждением Вячеслава Семеновича Стёпина заведующим этой кафедрой начала формироваться и в последующем была широко признана научной общественностью Минская научная школа по философии и методологии науки. На кафедре стали регулярно проводиться международные конференции, междисциплинарные семинары, появляться серьезные научные публикации, подготовленные совместно с ведущими учеными Москвы и Ленинграда, стран ближнего зарубежья. Научная школа пополнялась все новыми учеными, успешно защитившими диссертации в русле заданной тематики. В этот период (1985 г.) А. Н. Елсуков защитил докторскую диссертацию на тему «Методологические проблемы формирования научного факта» (научный консультант – В. С. Стёпин, оппоненты – профессор А. Ф. Зотов, М. В. Попович и В. Ф. Берков).

С переездом в 1987 г. В. С. Стёпина в Москву, где он возглавил Институт истории естествознания и техники, а вскоре был избран директором Института философии АН СССР, членов кафедры распределили по другим университетским структурам. Заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов был избран А. И. Зеленков, А. А. Михайлов возглавил кафедру истории философии и логики. Альберту Николаевичу Елсукову было предложено руководство коллективом кафедры марксистско-ленинской философии естественных факультетов. Он, как всегда, полностью погрузился в новую работу, наладил отношения с другими факультетами, много писал, активно работал со студентами, аспирантами, продолжая развивать лучшие традиции своих предшественников.

В 1989 г. руководство Белорусского государственного университета принимает решение об открытии нового факультета – философско-экономического и кафедры социологии. Первым деканом назначается профессор А. Н. Елсуков. В этом же году была сформирована кафедра социологии, первым заведующим которой также был назначен Альберт Николаевич. Эти назначения ко многому обязывали, но Альберт Николаевич был готов к такому повороту судьбы. Весь его предшествующий опыт,

научные достижения и знание кадрового потенциала республики, умение работать с людьми говорили о том, что он должен справиться с новым для себя уровнем ответственности. Не случайным он был человеком и в социологии, его работа под руководством профессора Г. П. Давидюка в секторе прикладной социологии, многочисленные исследовательские проекты, совместные командировки, хорошее знание научных кадров в сфере гуманитарных наук только подтверждали правильность сделанного выбора.

Альберт Николаевич вспоминал: «Откровенно говоря, я не боялся ответственных поручений, так как вся моя сознательная жизнь (от школы до кафедры) была связана с выполнением тех или иных руководящих функций. Передо мной был хорошо усвоенный пример моих предшественников руководителей, умение хорошо разбираться в конфликтных ситуациях, природное чувство «мягкого» решения административных вопросов, умение подбирать кадры...». После того как было принято решение об открытии нового факультета и кафедры социологии, Альберта Николаевича вызвали в ректорат, а затем – в партком, и через несколько дней был отдан приказ о его назначении на должность декана и заведующего кафедрой. Все пришлось создавать с нуля. Никакой материальной базы под это не отводилось, просто выделили одну небольшую аудиторию в корпусе химического факультета, которую пришлось переоборудовать под помещение деканата и кафедры. Но так или иначе, а летом 1989 г. был проведен набор на новый факультет (куда входили три отделения: философии, политэкономии и социологии), и с сентября этого года факультет начал отсчитывать свою историю. Таким образом, фактически произошла окончательная институционализация социологической науки и образования.

Если отделения философии и политэкономии продолжали работать по ранее созданным планам, то работу отделения социологии, несмотря на теоретико-методологический фундамент, заложенный профессором Г. П. Давидюком и его учениками, приходилось начинать как бы с «чистого листа». В эту работу входило: составление учебных планов, подбор и подготовка дидактических материалов, обеспечение курсов соответствующими специалистами, составление программ курсов, экзаменационных вопросов, организация практик и многое другое. В сущности, эта работа осуществлялась все пять лет, по мере того как студенты первого набора приближались к своему выпуску. Постепенно расширялся и штат работников кафедры, подготавливались соответствующие дидактические материалы. Именно в этот период по инициативе и под руководством про-

фессора А. Н. Елсукова вышли первые учебные пособия по общему курсу социологии и по истории социологии. Так, в нем соединились интересы историка, философа и социолога, а объединяющим моментом был интерес к методологическим проблемам научного познания.

Среди безусловных достижений профессора А. Н. Елсукова в области научного познания нельзя не отметить его основополагающий вклад в организацию гуманитарного образования в Белорусском государственном университете, который является методологической и учебно-методической базой для всей системы высшего образования Беларуси. Главным делом его жизни стало создание и организация работы философско-экономического факультета в Белорусском государственном университете, первого в Беларуси социологического отделения и кафедры социологии. Здесь в полной мере пригодился его опыт предыдущей работы, знание кадров, их научного и педагогического потенциала, проявился его уникальный талант подбирать профессиональные кадры и сплачивать их в единый коллектив.

Альберт Николаевич как натура творческая и любознательная, несмотря на большую загруженность организационными вопросами, учебным процессом, постоянно работал как ученый. Ежегодно из-под его пера выходили новые книги, научные статьи, он был организатором и постоянным участником научных форумов разного уровня, для чтения лекций приглашался в вузы Болгарии и Израиля, принимал участие в работе международных конференций, проводимых научными учреждениями Польши, Германии, Англии, Франции, Турции. Являлся председателем секции философии и социальных наук научно-методического центра учебной книги и средств обучения Министерства образования Республики Беларусь.

Научные интересы профессора А. Н. Елсукова – это творчество социального мыслителя. С каждым годом расширялись горизонты проблем, которые его интересовали. Проблемное поле ученого вбирало в себя историю и методологию научного познания, теорию и историю социологии. Альберта Николаевича в науке всегда отличали основательность и строгость советского философствования и свобода мысли постсоветского периода с его методологическими и информационными новшествами. Его исследовательские интересы распространялись на многие проблемы, но неизменным оставалось стремление к фундаментальному, философскому их осмыслению. В работах ученого с годами наметился методологический крен в сторону антропологизации проблем, появилось требование обязательного учета антропомерности и антропоразмерности социальных процессов современности. Это хорошо иллюстрируют два замечательных факта:

1) дискуссия с коллегами о наличии/отсутствии научных школ в белорусской социологии и 2) дискуссия с профессором Л. А. Гуцаленко по поводу центральной идеи его монографии «Человек – мера добра и зла» (2011).

Научно-исследовательский путь Альберта Николаевича, на котором сказалась его карьерная траектория, можно было бы представить как смену трех этапов:

- *первый* характеризуется интересом к гносеологии, методологии научного и философского познания;
- *второй* – историко-социологический – наполнен рядом исследований в области истории социальной мысли, анализа творчества Платона и О. Конта, проблем становления и развития белорусской социологии;
- для *третьего* характерна разработка конкретных социологических и культурологических сюжетов (нация, страх, стигматизация, критика и пр.).

А. Н. Елсуков как мыслитель начинает формироваться в лоне гносеологической проблематики (это естественно, так как научная среда, в которой он находился, была средой академика В. С. Стёпина – видного специалиста в области философии и истории науки). Проблемное поле его научных интересов – пространство феноменов науки, рационального познания, теории. В этот период выходят его первые значительные работы (монографии): «Методы научного познания» (1974) в соавторстве со В. С. Стёпиным, «Эмпирическое познание и факты науки» (1981), «Познание и миф» (1984), «Теория и эксперимент» (1989) в соавторстве с В. Я. Воробьевым. Эти работы посвящены широкому спектру проблем:

- методологии научного познания;
- специфике и структуре научного знания;
- особенностям и соотношению теоретического и эмпирического в науке;
- феномену научного факта;
- методам научного исследования, их сочетанию и роли;
- специфике мифологии как «противоречивого единства истинного и ложного».

Красной нитью в исследованиях А. Н. Елсукова этого периода проходит мысль о том, что высшей формой законченного рационального знания выступает научная теория. Движение от мифа к логосу – это движение к научной теории, движение посредством научного метода.

Профессор А. Н. Елсуков, в 1989 г. придя на кафедру социологии и открыв социологическое отделение, становится активным и последователь-

ным участником развития отечественной социологической науки и социологического образования. В учебной и научной литературе тех лет, созданной под научной редакцией А. Н. Елсукова, он настаивает на необходимости синтеза социальной философии и социологической теории: в творчестве Платона видел основы социологической логики, а О. Конта реконструировал как социального философа. Детальному анализу он подвергал творчество классиков европейской социологии Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето.

В 2003 г., покинув должность заведующего кафедрой, Альберт Николаевич получил возможность больше времени уделять непосредственно научной деятельности. Его внимание захватили возможности социологического и социально-философского анализа социальных феноменов и практик – он публикует серию статей, посвященных проблемам истории белорусской культуры и национальной идентичности; работу «Социология критики»; изучает процессы стигматизации в структурах коммуникативного действия; печатает тезисы о парадоксах социального прогресса.

Своеобразным итогом творческих исканий ученого и мыслителя А. Н. Елсукова стало вышедшее незадолго до его кончины юбилейное издание книги «Философско-социологический бриколаж» (2011). Эта монография дает представление и о широте интересов исследователя, и о его способности неординарно взглянуть на классические, казалось бы, уже давно известные вещи и сюжеты. При этом неизменным оставалось всегда одно – строгость и дисциплина мышления, отличающие высококлассного методолога.

А. Н. Елсуков сумел реализовать свои возможности творческого роста, колоссальный опыт педагогической и научной деятельности, направить его на создание научной школы, развитие гуманитарной науки. В последнем своем интервью он констатировал: «...пришло время говорить о белорусской социологии как о самостоятельной научной школе». Только под его научным руководством было успешно защищено более двух десятков диссертаций. Он никогда и никому не отказывал в помощи и консультациях, любил преподавательскую работу самозабвенно, и даже когда тяжело болел, старался использовать всякую возможность, чтобы не пропустить занятие и обязательно встретиться со студентами, своими коллегами, курсовиками, дипломниками, аспирантами. Они ведь не догадывались, что он с ними прощался...

А. Н. Елсуков – Отличник образования Республики Беларусь (2006), лауреат премии им. В. И. Пичеты за учебник «Социология», который сам создавал, составлял и редактировал (2009).

По жизни профессор А. Н. Елсуков был для нас, его коллег, человеком, неподвластным влиянию времени: активен, но не суетлив, выдержан, быстр на подъем, артистичен, всегда по-спортивному подтянут. Был человеком творческим, увлекающимся, веселым и доброжелательным. Ценил в людях юмор, понимал шутку, любил и мог пошутить сам. Вывести его из равновесия практически было невозможно, был всегда галантен и невозмутим.

Альберт Николаевич по-настоящему любил природу, водный туризм, велосипедные и пешие прогулки... Он высоко ценил жизнь во всех ее проявлениях. Постоянно собирал и сочинял сам все новые афоризмы, записывал крылатые слова, любил поэзию и баловался стихами... Гордился своей небольшой книжечкой «Философия жизни в афоризмах и стихах» (Минск, 2000), постоянно ее пополнял новыми изречениями, прекрасно пел лирические песни и романсы. Он любил жизнь... Таким он нам и запомнится... навсегда, собравший нас в одну семью – кафедру социологии в Белорусском государственном университете... А традиции, которые им заложены, продолжают другие, всегда добрым словом вспоминая Отца-основателя, грамоту с таким званием мы ему в шутку вручили, когда кафедре исполнилось двадцать лет. Также учредили орден А. Н. Елсукова трех степеней, которым награждаются лучшие из лучших...

Память о нашем коллеге, друге и учителе жива в делах и помыслах благодарных учеников. В годовщину со дня смерти Альберта Николаевича его именем была названа одна из лучших аудиторий на его родном факультете, где собраны документы и фотографии профессора, его личная библиотека. В этой аудитории проходят заседания кафедры социологии, которую он создавал, научные форумы, проходят занятия со студентами социологического отделения, презентации новых книг, различные мероприятия. 80-летию юбилею профессора А. Н. Елсукова была посвящена одна из секций на ежегодной студенческой научной конференции «Человек. Культура. Общество», в конце года планируется открытие первых юбилейных чтений его памяти, готовятся к изданию книги, научные статьи, учебные пособия и энциклопедические издания, где будет увековечена память об этом прекрасном Человеке, Ученом и Педагоге, докторе философских наук, профессоре, заслуженном работнике Белорусского государственного университета – Альберте Николаевиче Елсукове.

*И*ЗБРАННЫЕ
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ПРОФЕССОРА
А. Н. ЕЛСУКОВА

- Елсуков А. Н.* К вопросу о возникновении и основных этапах развития социологии // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 195–206.
- Елсуков А. Н.* Контовский позитивизм и зарождение социологии // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 217–225.
- Елсуков А. Н.* Был ли Спенсер позитивистом? // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 226–238.
- Елсуков А. Н.* Новое обоснование объективности социологического познания в учении Э. Дюркгейма // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 266–275.
- Елсуков А. Н.* Включение психологизма в методологию научного познания М. Вебером, его учение о «понимающей социологии» // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 276–290.
- Елсуков А. Н.* История формирования понятия «факт» в качестве методологической категории // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 327–343.
- Елсуков А. Н.* Социология критики // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 344–355.
- Елсуков А. Н.* Стигматизация социально-духовных объектов в структурах коммуникативного действия // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 355–367.
- Елсуков А. Н.* Социология в тени теоретических предрассудков // Социология. 2011. № 3. С. 43–52.
- Елсуков А. Н.* Социологический анализ отечественной истории (роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян и в формировании белорусской народности) // Социология. 2012. № 3. С. 9–19.
- Елсуков А. Н.* Правящие элиты и народные массы Восточной Европы в период утверждения княжеской власти (историко-социологический анализ) // Социология. 2013. № 1. С. 51–65.
- Елсуков А. Н.* Можно ли доверять маскам? Критико-методологический анализ теории социального взаимодействия Ирвина Гофмана // Социология. 2013. № 2. С. 75–83.
- Елсуков А. Н.* Диалектика или эклектика? К вопросу о теоретико-методологических новациях Вильфредо Парето // Социология. 2013. № 3. С. 69–75.
- Елсуков А. Н.* Процедуры выделения смысла в структурах коммуникации и их роль в омассовлении информации // Философия и социальные науки. 2013. № 2. С. 73–79.
- Елсуков А. Н.* Страх и политика: опыт историко-социологического анализа // Социология. 2014. № 1. С. 55–61.
- Елсуков А. Н.* Тезисы о парадоксах социального прогресса // Философско-социологический бриколаж. Минск : Книж. дом, 2011. С. 382–286.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Вопрос о зарождении социологии и основных этапах ее развития имеет большое методологическое, методическое и дидактическое значение. От его решения во многом зависит отбор и последовательность рассмотрения материала истории социологии, характер его изложения и объяснения. Особое значение в этом плане имеют вопросы о времени возникновения социологии, о месте ее возникновения, об основоположниках этой науки, об этапах ее развития и многое другое.

Считается, что социология – относительно молодая наука. Ее возникновение связывают с творческой деятельностью французского философа, основоположника позитивизма Огюста Конта, который жил в конце XVIII – первой половине XIX века. Именно этот период традиционно и рассматривается как время зарождения социологии. Однако эта хрестоматийная истина нуждается в своем уточнении как с временной, так и с авторской точек зрения.

Дело в том, что вопросы, интересовавшие Конта, рассматривались в философии еще задолго до него. Истоки этого интереса прослеживаются уже в античной философии, в трудах Платона и Аристотеля. Элементы социологических идей без труда обнаруживаются в произведениях Н. Макиавелли, Ш. Монтескьё, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля и у многих других представителей философской мысли, творивших до Конта.

Нельзя не учитывать еще и то, что Конт был не единственным основоположником позитивизма, с которым связывают возникновение социологии. Не меньшую роль в этом плане сыграл идейный вдохновитель социальных идей Конта, его мэтр, сторонник идей индустриального общества – Сен-Симон. Свой вклад в возникновение позитивизма и социологии параллельно с Контом внесли А. Кетле, Дж. Милль и Г. Спенсер. Известен и такой факт, что сам Конт не очень охотно пользовался термином «социология» (который имел уже хождение в научных кругах до него, в част-

ности он использовался Кустелетом – бельгийским статистиком) для обозначения новой науки об обществе, предпочитая называть ее «социальной физикой». Только после работ Г. Спенсера этот термин все чаще и чаще стал использоваться для обозначения новой науки об обществе, а труды Конта долгое время в самой Франции строго запрещались как явно ненаучные. Тем не менее традиция есть традиция, и Конт в настоящее время считается если и не единственным, то одним из первых философов, стоявшим у истоков социологии. Поэтому в целом возникновение социологии можно отнести к первой половине XIX в.

Возникнув, социология (как и другие науки) начала дифференцироваться по отраслям и уровням исследования, наряду с теоретическими работами в ней стал выделяться слой эмпирических (прикладных) исследований, который особенно ярко проявил себя в американской традиции в конце XIX – начале XX в. Формирование этого слоя социологических исследований поставило ряд новых методологических проблем, разработка которых придала новый импульс развитию социологии.

Накопление эмпирического материала, необходимость его теоретического и методологического оформления привели к тому, что в социологии сформировался еще один слой теоретического знания. Социологи стали называть его «теориями среднего уровня». В рамках этого слоя специалисты нацеливались не на изучение общества в целом, а на изучение его отдельных институтов, структур и подструктур. Складываются самостоятельные отрасли социологического изучения экономики, политики, семьи, религии, города, деревни и т. д. Эти социологические теории среднего уровня имеют свою собственную историю, методологию и этапы развития, о чем свидетельствует многочисленная научная и учебная литература.

На основе сказанного можно заключить, что социология как сложное научное образование имеет разные даты своего происхождения, которые имеют свое значение для определения периодов ее развития. Во-первых, социология тесно связана с социальной философией и имеет возраст, сопоставимый с самой философией. Во-вторых, она конституируется как самостоятельная теоретическая наука об обществе, начиная с работ О. Конта, А. Кетле, Дж. Милля и Г. Спенсера, труды которых появились и стали постепенно осваиваться в научном мире в первой половине XIX в. В-третьих, социология реализует свой потенциал как сугубо прикладная наука в начале XX в. с соответствующей теоретико-методологической проработкой методов эмпирического исследования. Наконец, в середине XX в. начина-

ют складываться отраслевые разделы социологического знания (или социологические исследования среднего уровня), количество которых постоянно увеличивается вплоть до наших дней.

Таким образом, социальная философия, теоретическая социология, прикладная социология и социологические теории среднего уровня (или отраслевая социология), характеризуя определенные этапы становления и развития социологического знания, одновременно выражают и ее структурную организацию. Все эти проявления социологической мысли имеют место в современной социологии. Поэтому складывается весьма специфическая ситуация в осмыслении социологического знания. С одной стороны, социологическая проблематика в философии начинает выкристаллизовываться тогда, когда еще не существовало науки под названием «социология». С другой стороны, когда это название появилось, то под ним начали выступать самые различные проявления научной мысли, претендующие на это название, что привело к некоторому размыванию четких границ этой науки. Наконец, не следует забывать еще и то обстоятельство, что название новой науки об обществе зародилось в недрах позитивистской парадигмы, которой с самого начала противостояла марксистская концепция истолкования природы общества и законов его развития, основанная на принципах материалистического понимания развития общества и отвергавшая все варианты духовно-психического (или идеалистического) объяснения этого развития. Однако сложилось так, что постепенно и материалистическое понимание истории стали отождествлять с термином «социология». А раз так, то приходится расширять список ее основоположников. Одним словом, вопрос о том, что такое социология и как она возникла, до сих пор представляет собой проблемный характер.

Прежде всего возникает проблема соотношения социальной философии и теоретической социологии. Грань между этими областями познавательной деятельности очень подвижна. Дело в том, что многие философские концепции развития общества, так или иначе, рассматриваются как проявление теоретической социологии, и наоборот, работы теоретико-социологического плана имеют свой философский смысл. Поэтому начинать рассматривать историю теоретической социологии с трудов О. Конта и Г. Спенсера только потому, что в них стал употребляться термин «социология», а в предшествующих философских работах он отсутствовал, было бы не вполне справедливо. Не следует забывать, что работы самих этих авторов имеют сугубо философский смысл. Не отходя от истины, можно, видимо, утверждать, что первоначально понятие «социология» было

всего лишь новым названием социальной философии, которая к моменту возникновения социологии приобрела чрезмерно абстрактный характер (особенно, в трудах немецких философов) и нуждалась в большей конкретизации. Лишь постепенно, по мере накопления опыта конкретно-социологических и эмпирических исследований, социология стала обретать черты классической науки, освобождаясь от излишних спекуляций (которых, кстати сказать, достаточно было и в трудах самих позитивистов). Так или иначе, границы между философией и теоретической социологией были и остаются весьма условными.

Это замечание необходимо для того, чтобы конкретизировать вопросы о начале социологии и основных этапах ее развития; о том, что входит в понятие классической и современной социологии; каковы критерии формирования и типологизации исторического материала социологии, что считать историей социологии, а что предысторией и т. д. Все эти вопросы отнюдь неоднозначно интерпретируются как в зарубежной, так и в отечественной литературе, хотя имеют большой историко-методологический и дидактический смысл.

В свое время (а именно, еще в 60-е годы прошлого века) известный французский философ и социолог Р. Арон обозначил эту проблему, обратив внимание на трудности ее разрешения. В частности, он сформулировал следующие вопросы: «С какой даты начинается философия? Какие авторы достойны считаться родоначальниками и основателями социологии? Какое определение социологии принять?» [1, 24].

Поставив эти вопросы, он не без основания полагал, что весьма непросто «написать историю социологии и определить, где начинается и где заканчивается социология» [1, 24]. Свое исследование по истории социологии он начинает с творчества Ш. Монтескье. Упомянув при этом, что и Аристотель мог бы быть причислен к основателям социологии [1, 25].

Характерно, что еще задолго до Р. Арона русский исследователь, один из основоположников российской социологии Н. И. Кареев столь же однозначно высказывался о творчестве Ш. Монтескье. В частности, он писал: «Мы не можем не признать, что, если кто-то имеет право на имя социолога, когда не было еще социологии, то это право принадлежит, конечно, Монтескье» [3, 7].

Важной методологической проблемой является и вопрос о периодизации развития социологического знания, т. е. выделение как хронологических рамок тех или иных периодов, так и их содержательного определе-

ния. В этом вопросе также существует определенный произвол и широкий разброс мнений.

Так, английский социолог Элан Свинджвуд предваряет текст своего учебного пособия по истории социологии общей схемой периодизации исторического материала. В этой схеме он выделяет три основных периода: истоки (или основания) социологии, классическая социология и современная (или новая) социология [8, IX]. В каждом периоде выделяются два подпериода. Первый период делится на социологические идеи XVIII в. (включает в себя творчество Дж. Вико, Ш. Монтескьё, А. Смита, А. Фергюсена и Ж.-Ж. Руссо) и социологические идеи XIX в. (это позитивизм О. Конта, эволюционизм Г. Спенсера и теория общественного развития К. Маркса). Классический период подается как два направления критики предшествующих теорий. Позитивизм критикуется со стороны М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Парето и Э. Дюркгейма с описанием их собственных идей, а марксизм подается через критику со стороны А. Лабриолы, А. Грамши, Ж. Сореля и Дж. Лукача.

Основными теориями новой (современной) социологии (следует иметь в виду, что книга Свинджвуда впервые была издана в 80-е годы прошлого столетия), по мнению автора, являются социологические идеи А. Шюца, З. Фрейда, Дж. Мида, К. Мангейма, Т. Парсонса, Э. Гидденса и Ю. Хабермаса.

Хотя автор самим названием работы дает понять, что его изложение истории социологии носит краткий характер, тем не менее некоторые общие выводы можно сделать и на основе этого краткого изложения. Во-первых, видно, что истоки социологической мысли связываются не только с творчеством Ш. Монтескьё, а предполагают еще более ранний период, который связан с творчеством итальянского мыслителя XVIII в. Дж. Вико. Упоминается и целый ряд других авторов этого периода.

Творчество О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса также относится лишь к предпосылкам социологии, т. е. к ее предыстории.

Интересна и трактовка классического периода социологии. Этот период интерпретируется как утверждение критических начал в социологии, как стремление преодолеть позитивизм и марксизм и на этой основе выработать новое видение социальных явлений, утвердить новые методологические принципы познания развития и функционирования общества.

Наконец, новая, или современная, социология представлена идеями феноменологизма, функционализма и структурализма. Она включает в себя большой спектр различных социологических концепций, начиная от теорий О. Мертона, Т. Парсонса и З. Фрейда до идей Ю. Хабермаса,

Э. Гидденса, М. Бахтина и Р. Барта. Интересной особенностью этого пособия является и то, что идеи марксизма рассматриваются на всех этапах развития социологии, выступая основным лейтмотивом развития идей теоретической социологии. Поэтому марксизм не привязывается к какой-либо отдельной национальной школе или к какому-либо периоду.

Анализ данной работы (в целом весьма интересной) показывает, насколько специфичным может быть как определение общих рамок истории социологии, так и обозначение отдельных этапов ее развития, интерпретация этих этапов и оценка творчества каждого отдельного автора.

В настоящее время и в русскоязычной литературе вышло большое количество работ, посвященных истории социологии. Анализ некоторых из них также наталкивает на ряд проблем, требующих своего методологического и методического обсуждения.

Фиксируя основную проблему периодизации истории социологии, известный российский социолог А. И. Кравченко в своем учебном пособии «История зарубежной социологии» (2005) пишет: «В эволюции представлений об обществе можно выделить три периода: *донаучный, классический и современный*» [5, 165].

Анализ историко-научной литературы показывает, что подобное обозначение этапов развития какой-либо науки было весьма характерным для XIX века. В настоящее время пафос такого деления несколько поослаб в силу того, что термины «донаучный», «классический» и «современный» весьма условны и не могут служить в качестве долговременного принципа классификации.

Возникает, в частности, вопрос, что обозначает термин «донаучный». Обозначает ли он некий ненаучный подход или же имеет сверхнаучный (т. е. философский) характер? Если сверхнаучный, тогда он должен иметь свою рациональность и свой смысл в возникновении последующих идей позитивного характера. Если же он ненаучный, т. е. лишенный всякой рациональности, то тогда возникает вопрос, зачем его вообще упоминать в общем строю эволюции науки.

Кроме того, не ясно, сразу ли преодолевается ненаучность с возникновением классики или же она продолжает существовать некоторое время и в рамках классики. Не является строгим в своем значении и само понятие классики. В частности, возникает вопрос, можно ли какой-либо большой период в развитии науки считать собственно классическим. Может быть, правильнее было бы классику фиксировать в каждом из таких периодов. Тем более что само содержательное наполнение социологической класси-

ки весьма различно у разных авторов. Выше мы познакомились с тем, как трактует классику в истории социологии А. Свинджвуд. Сам же А. Кравченко трактует этот период весьма оригинально. В классику у него включаются идеи от Платона и Аристотеля до О. Конта. Период же донаучный хотя и оговаривается, но никак не интерпретируется.

В целом можно отметить, что вопрос о классике и современности (модерне) в истории социологии приобрел какой-то весьма хаотичный характер. Так, В. А. Бачанин в своем академическом курсе «Социология» выделяет два основных периода в развитии социологии – это «классика» и «модерн». Классика начинается с идей софистов, Сократа, Платона и Аристотеля и заканчивается творчеством немецких философов Л. Фейербаха и М. Штирнера. Модерн же (или современная социология) включает в себя всю историю социологии от Конта до Э. Фромма. Таким образом, у этого автора вся философская литература от Античности до XIX в. вошла в фонд социологической классики.

Если же взять книгу В. П. Култыгина, то она, будучи посвящена истории социологии от Сен-Симона до современной американской социологии, всю эту историю подводит под понятие классики, что следует из самого ее названия – «Классическая социология» (М., 2000).

Очевидно, что само понятие «классика» применительно к развитию социологии нуждается в серьезном методологическом обосновании.

Неустойчивым является и понятие современности. И хронологически, и содержательно это понятие весьма неопределенно. То, что сегодня представляется современным в наш динамический век, уже через несколько лет представляется весьма далеким прошлым и утрачивает «дух» современности, или модерна. Эта ситуация часто приводит к теоретическим тупикам. Суть этих тупиков состоит в том, что необходимо либо расширять хронологические рамки современности, либо каждый раз по-новому характеризовать содержание современности, до бесконечности умножая их число, либо вводить какие-либо новые термины для обозначения современности, например, такие, как «неомодерн», «постмодерн» или даже «постпостмодерн». Но и эти «нео» и «пост» не спасают положение, так как и они быстро уходят в прошлое, поэтому все время приходится придумывать что-то новое для обозначения самой последней современности, как это делает, например, Э. Гидденс, разбивая современность на такие этапы, как «радикальная», «высшая» и «поздняя».

На проблемность этого вопроса указывает известный американский исследователь Дж. Ритцер, который, в частности, пишет: «По мере того

как мы вступаем в XXI в... нас все в большей степени занимает вопрос: подверглось ли общество, а также теории о нем ярким трансформациям? Одна из позиций представлена творчеством группы теоретиков (например, Юргена Хабермаса и Энтони Гидденса), полагавших, что мы продолжаем жить в обществе, которое правильнее всего называть современным и в отношении которого мы можем строить теории тем же способом, который социальные мыслители использовали на протяжении многих лет. Иной точки зрения придерживается другая группа мыслителей (например, Жан Бодрийар, Жан-Франсуа Лиотар и Фредрик Джеймсон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно ином, постмодернистском обществе. Более того, они доказывают, что об этом новом обществе необходимо размышлять новыми способами» [7, 104]. Интересно, что и книга самого Ритцера, в название которой входит термин «современный», со временем утрачивает этот дух современности, так как в основном описывает теории уже минувшего XX века. Получается, что понятие «современный» имеет смысл только для людей, живущих в самой этой современности, и утрачивает этот смысл для новых поколений. Для теоретиков, видимо, остается только одно – описывая тот или иной период исторического развития, просто фиксировать его хронологические рамки, тогда и отпадет необходимость использовать чисто качественные термины модерна или постмодерна, ибо и они со временем утратят свой дух современности.

А с другой стороны, нельзя не отметить и такой факт, что классика, в какой бы исторический период она ни появилась, всегда сохраняет дух современности. В этом плане работы Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, Маркса, Дюркгейма, Вебера в одинаковой степени и классичны, и современны. Более того, многие классические теории, возникнув в далеком прошлом, продолжают развиваться в работах современников, как бы постоянно подпитываясь свежей кровью. Поэтому такие проявления философской мысли, как неоплатонизм, неокантианство, неогегельянство или неомарксизм, не такое уж редкое явление в современной духовной жизни каждого исторического периода. На этой основе размывается само понятие развития социологии как линейного процесса, так как прошлое вторгается в современность. В современных теориях есть много из того, что уже разрабатывалось в прошлом, но только в новом терминологическом оформлении. Этим объясняется тот факт, что многие современные теоретики отказались от таких терминов, как «эволюция», «развитие», «прогресс», заменив их идеологически нейтральными терминами «изменение»,

«традиция» или «модерн», причем не только по отношению к теоретическому знанию, но и по отношению к развитию общества в целом.

Показательна в этом отношении книга Р. Коллинза «Четыре социологических традиции» (русский перевод. – М., 2009). Автор отходит от идеи кумулятивного развития социологической науки, а выбирает иной путь, объединяя родственные идеи в особые блоки (традиции), в которых прошлое и настоящее сливаются в некое единое классическое воплощение ключевых идей при весьма разной их трактовке различными авторами. Свою исследовательскую задачу он формулирует следующим образом: «Я постараюсь показать, что существуют фундаментальные направления мысли, которые тянутся от классиков социологии к современным теориям» [4, 12]. Для этого им используются не столько хронологические, сколько тематические рамки исследования, определяемые понятием «традиция».

Таковыми традициями, с его точки зрения, являются: теории конфликта (от Маркса, Энгельса и Вебера до Зиммеля и Козера), теории утилитарно-рационалистической направленности, в которых социология сближается с экономикой (от А. Смита и Дж. Милля до теорий обмена и рыночных сетей), третья традиция, названная автором дюркгеймовской, включает также весьма широкий перечень теорий собственно социологического характера (от Монтескьё, Конта и Спенсера до Дюркгейма, Мертон и Парсонса), в рамках четвертой объединяются теории микроинтеракционистского характера (от Кули и Мида до Шюца, Гарфинкеля и Гофмана). Эти четыре традиции, по мнению автора, и выражают общую структуру современной теоретической социологии, что является примером оригинальной реконструкции развития социологического знания и хорошим примером синтеза классического и современного в рамках этого знания.

Если попытаться объединить этот подход с временным подходом, то можно выделить три основных периода развития социологии. Первый период можно определить как предьсторию социологии, который связан с формированием социально-философских идей от Платона до Сен-Симона. Второй период – это период зарождения социологии как науки в XIX в. от Конта до Дюркгейма. Третий период – это социология XX в. от Дюркгейма до теоретиков конца этого века, в том числе и ныне здравствующих.

В каждом из этих периодов существует большое количество разнообразных теорий и концепций. В рамках этих теорий по-своему определяются природа общества, особенности его функционирования, изменения и развития, что помогает понять не только некоторое единство этих теорий (что и пытался доказать Коллинз), но и глубокое их расхождение

и острый дух критицизма, который является неотъемлемой частью многих теоретических построений в социологии. Постигание не только сути теорий, но и их критическое осмысление являются необходимой предпосылкой понимания особенностей развития социологии как науки.

Библиографические ссылки

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
2. Бачанин В. А. Социология. Академический курс. СПб., 2004.
3. Кареев Н. И. Введение в изучении социологии. СПб., 1897.
4. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009.
5. Кравченко А. И. История зарубежной социологии. М., 2005.
6. Култыгин В. П. Классическая социология. М., 2000.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
8. Swingewood A. A Short History of Sociological Thought. L., 1991.

КОНТОВСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ

Исторически сложилось так, что термин «социология» как название новой науки об обществе впервые стал использоваться именно в рамках позитивистской парадигмы. Основоположником позитивизма считается французский философ-самоучка Огюст Конт (1798–1857), который в своих основных работах («Курс позитивной философии» и «Система позитивной политики») изложил основные принципы позитивизма и социологии. Возникновение социологии означало то, что общество достигло такой стадии своего развития, основные характеристики которого не вписывались в те теоретические принципы традиционной социальной философии, которые сложились в предшествующие эпохи. Возникла необходимость нового теоретического осмысления такого сложного объекта, каковым было общество. Само определение этого понятия потребовало выработки новых объясняющих аргументов.

В учении Конта общество полностью отождествляется с понятием «человечество», т. е. понимается как некое всемирное сообщество. С точки зрения положительной философии, считает Конт, «человек в собственном смысле не существует, существовать может только человечество, так как всем нашим развитием, в каком бы отношении его не рассматривать, мы обязаны обществу» [1, 66]. В таком определении отчетливо проступа-

ет не только своеобразное истолкование общества, но и дух социального реализма, к которому явно тяготеет учение Конта.

Так постепенно человек с его личностными характеристиками (воспетыми мыслителями Возрождения и Просвещения) постепенно уходит в тень такого социального объекта, как общество, понимаемого предельно широко. Такое понятие стало господствующим в общественном сознании европейцев после того, как географические открытия XVII–XVIII вв. значительно расширили представления людей о географии земли и о жизни туземных народов. Значительные успехи были сделаны исторической наукой, которой стали доступны материалы истории древнего мира. Простое сравнение всех этих данных позволило значительно расширить как представления о масштабах общества, так и конкретизировать картину его развития, что, в свою очередь, вело к формированию теорий эволюции и прогресса.

Конт в этом плане не был исключением. Однако в его интерпретации понятия «общество» были и свои смысловые оттенки. Это понятие общества он не только расширял до границ человечества, но и включал в него ряд цивилизационных признаков. Оно включает у него не только людей и их различные объединения, но и элементы культуры – материальные и духовные (вторые для Конта более значимы). А с этими элементами в понятие общества (человечества) включаются не только настоящие, но и все предшествующие этапы развития. Прошлое и настоящее сливается в единое целостное образование под названием «общество (человечество)». По времени прошлое во много раз превосходит настоящее. В настоящем существует много того, что представляет собой плод деятельности предшествующих поколений. Отсюда прошлое как бы доминирует над настоящим, или, как утверждал Конт, «мертвые управляют живыми». Получается, что старое доминирует над новым в общественном развитии, а новое, в свою очередь, стремится преодолеть старое. Поэтому общество представляет собой весьма сложное, многогранное и противоречивое явление. Если атом неисчерпаем в своем структурном многообразии, то, что же можно сказать об обществе, в структуре которого переплетается множество природных и социальных, материальных и духовных явлений. Раскрытие этой сложности и стало основной целью социологии.

Разочаровавшись в теоретических системах прошлого, описывающих природу общества, Конт пришел к выводу о необходимости реконструировать всю систему человеческого знания, избрав для этого понятие позитивности. Термин «позитивный» он взял из обыденного языка, или, как он

сам отмечал, из сферы «здравого смысла», но наполнил его глубоким философским содержанием, превратив в основной принцип своего учения. Смысл этого принципа заключается в следующем:

- любое познание должно строиться на позитивной (рациональной) основе;

- позитивность познания означает, что оно должно быть **реальным** (в противоположность всему надуманному, или, как выражается сам автор, химерическому), **полезным** (в противоположность всему непригодному), **достоверным** (в противоположность всему сомнительному), **точным** (в противоположность смутному и неясному), **положительным** (в противоположность отрицательно-критическому подходу), **относительным** (в противоположность абсолютному в знании) [1, 38–41];

- ближе всего к этому идеалу познавательной деятельности относятся науки естественнонаучного профиля (астрономия, физика, химия и биология), поэтому они могут выступать в качестве эталона позитивного познания, этот эталон предполагает сочетание эмпирических и теоретических средств познания, то есть накопление фактов, их теоретическое объяснение и развитие на этой основе самих теорий;

- принцип позитивности должен быть распространен на все формы духовной и практической деятельности, т. е. позитивными должны стать новая философия, новая наука об обществе, новая этика, новая политика и новая религия;

- социология – это и есть новая позитивная наука об обществе, ее позитивность определяется тем, что она должна строиться на основе тех же методов, которые господствуют в естествознании (это наблюдение, эксперимент и сравнение), на основе которых можно получить научно значимые факты и добиться их адекватной интерпретации с помощью новой позитивной теории, в качестве которой и мыслилась позитивная философия;

- социология включает в себя два блока теоретического знания, во-первых, это теория устройства и развития общества, во-вторых, это теория, определяющая методологические основы социального познания, поэтому социология – это теоретическая наука, которая должна прийти на смену старой социальной философии;

- теория устройства общества (статика) реализуется в контовском учении по аналогии с устройством живого организма, который включает в себя составляющие его органы, общество также представляет собой целостный организм, органами которого являются: семья, кооперация, церковь и государство;

- теория развития общества (динамика) реализуется в контовском учении о трех стадиях интеллектуального развития человечества;
- новая позитивная политика предполагает включение в политическую жизнь страны всех слоев общества, в том числе и представителей пролетариата;
- современное индустриальное общество можно построить на основе новой религии, в качестве которой мыслилась философская система позитивизма, что и определяет идеологический смысл этого учения;
- совершенствование социально-политической структуры общества необходимо проводить мирным путем на основе рационально продуманных реформ, поэтому необходимо отказаться от революций, которые оцениваются как проявление социальных патологий.

Разумеется, Конт был не единственным основоположником позитивизма. Параллельно с ним и после него ряд философов и ученых внесли свой вклад в обоснование парадигмы позитивизма. Но Конт сформулировал основные положения позитивизма, которые составили тот теоретический остов, вокруг которого выстраивались последующие идеи этого направления философской мысли.

Справедливости ради необходимо отметить, что идеи Конта отнюдь не сразу были восприняты научной общественностью. Но, так или иначе, они вошли в арсенал научного знания, определив рождение совершенно нового философского направления. Спрашивается, что же привлекало ученых в философско-методологических рассуждениях Конта, почему к его учению обратились как естественники, так и обществоведы. Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать то обстоятельство, что с развитием индустриализации и капитализации общества происходили глубокие изменения в базовых структурах общественного сознания. Философия и наука стали постепенно отходить от метафизической картины мира с ее окончательными истинами, отдавая предпочтение динамической картине мира. Вновь восторжествовал тезис Гераклита о том, что все течет и все изменяется. Но с утверждением этого взгляда пришлось существенно скорректировать и представление об истине. Вновь стали возрождаться идеи субъективизма и агностицизма. Гносеологические размышления Беркли, Юма и Канта вновь указывали на какие-то ограничения познавательной деятельности человека. Теоретический пессимизм этих мыслителей попытался преодолеть Гегель, который, с одной стороны, допускал динамизм истины, ее исторически изменчивый характер, а с другой стороны, в духе платоновского реализма, соглашался с тем, что есть какие-то особые абсолютные

истины, которые как бы доминируют над человеческим сознанием. Получалось так, что есть научные истины, имеющие свой исторический смысл, и есть истины философии и религии, тяготеющие к абсолютному знанию. Подобная диалектика устраивала отнюдь не всех ученых и философов, которые продолжали размышлять над поставленной проблемой. Одним из вариантов этого решения и стала философия Конта, который предложил очистить науку от старой философии с ее колебаниями от субъективизма и агностицизма до признания абсолютных истин, и создать новую научную философию (что, в конечном счете, и привело к утверждению положения о том, что наука сама себе философия, не удивительно поэтому, что многие представители неопозитивизма являются одновременно и ведущими представителями естествознания). В качестве такой новой философии и стал восприниматься позитивизм, который оказался ближе для ученых, чем абстрактные рассуждения чистых философов.

В сущности, Конт решал ту же самую проблему, которую пытались разрешить и традиционные философы, то есть проблему истинности научного знания. Но решил он ее путем простого допущения своеобразного единства истинности и относительности (релятивности) научного знания. По его мнению, наука, считая нечто истинным, постоянно стремится эту истину уточнить, не допускает превращения этой истины в догму. Поэтому истины науки существуют, даже если они со временем и опровергаются. Вот этот дух не абсолютного, а относительного релятивизма и стал той притягательной силой, благодаря которой позитивизм стал широко распространяться в научной среде, породив негативное отношение ученых к традиционной философии. Это определение новой философии, которую Конт понимает как развитие идей здравого смысла, он выражает краткой фразой: «позитивное станет всюду неотделимо от относительного» [1, 190].

Если эта относительность имеет место даже в естественных науках, то вполне допустима она и в науках общественных, сторонники которых очень часто свои идеи представляли как абсолютно истинные. Тезис об относительности социально-политических истин вдохновлял новые поколения обществоведов на критический пересмотр старых идей. Но трагизм положения заключался в том, что многие из этих истин лежали в основе господствующего мировоззрения и критика их невольно приобретала дух революционности. Именно поэтому социология в целом воспринималась (особенно в России) как теория социалистического преобразования общества, что и мешало ее распространению в дореволюционной России и препятствовало ее принятию в советской России, ибо ее дух релятивизма и критицизма

пришел в противоречие с основами марксизма, хотя оба эти направления философской мысли апеллировали к практике, науке и истинному знанию.

Принцип позитивизма, таким образом, стал синонимом подлинно научного познания и нашел поддержку в широких научных кругах. Популярность эта объяснялась тем, что Конт отмежевался от традиционной философской проблемы о первичности материи или сознания и все свое внимание сконцентрировал на объективности научного познания. Эта объективность обосновывалась наличием эмпирических методов познания и их тесной связью с проверенными теоретическими положениями. Позитивный дух науки связывался с необходимостью объяснения фактов с помощью теоретических принципов и предсказанием на этой основе новых фактических данных. На этот счет Конт отмечает следующее: «истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов» [1, 19–20]. Обосновав подобным образом принцип позитивности знания, который выводится из природы естественнонаучного познания, Конт далее стремится распространить его на область познания социальных явлений, полагая, что вся прежняя социальная мысль все еще отягощена метафизическими предрассудками и ее необходимо перестроить на позитивный лад. С этой целью он продуцирует ряд допущений.

Во-первых, предполагается, что новая наука об обществе должна соответствовать канонам позитивного мышления. Это качество она может обрести, если ее рассматривать в общем ряду естественных наук. С этой целью он предлагает назвать новую науку «социальной физикой» (позже это название было заменено термином «социология»), что, по мысли Конта, и допускало такое включение. Более того, социальная физика не только включалась в общий ряд естественных наук, но и венчала весь строй теоретического знания, представлялась как высшее проявление этого знания.

Во-вторых, как и любая естественная наука, социальная физика (социология) должна опираться в своих построениях на эмпирический базис, то есть на реальные факты, в качестве которых могут выступать только наблюдаемые явления, а не воображаемые истины и положения. Поэтому она должна использовать те же методы эмпирического познания, что и в естественных науках.

В-третьих, как и все естественные науки, новая наука об обществе должна служить прогрессу, обеспечивая разумное реформирование общества. «Порядок и прогресс» – таков девиз этой науки в ее контовском проекте.

Таким образом, предполагалось, что социальная физика (социология) должна изучать реально существующее общество в масштабе всего человечества и по возможности содействовать его совершенствованию и прогрессу. В рамках этого изучения особое внимание уделялось, как и при изучении других природных объектов, раскрытию статики (структуры) и динамики (изменению) общества, что также имело свое методологическое значение в плане утверждения проекта новой социальной науки. Хотя в этой части своего учения Конт повторил уже хорошо известные науке истины, но сам дух структурно-динамического изучения общества повлиял на дальнейшее развития социологии.

Не оставил Конт и сколько-нибудь впечатляющих образцов конкретно-социологического исследования, тем не менее все сказанное выше позволяет утверждать, что он действительно создал проект новой науки об обществе, который соответствовал требованиям нового времени. В этом проекте органично сливались и дополняли друг друга вопросы социального бытия и специфики его познания (вопросы онтологии и методологии социального познания), что и составило основное содержание позитивизма. Впоследствии эти два направления анализа научного знания распались на две части. Одна часть была направлена на анализ логики научного познания в целом, воплотившись в неопозитивизме, а другая – продолжала реализовываться в различных концепциях теоретической социологии. Сложилось даже такое впечатление, что социология это и есть позитивизм, а позитивизм это и есть социология.

Но в этом проекте были и свои изъяны: непроясненным оставалось понятие социального факта, закон трех стадий развития воспринимался не очень серьезно в научной среде (что подрывало уверенность в существовании общественных законов), не ясна была процедура социологического наблюдения и эксперимента (возникал вопрос, можно ли вообще наблюдать общество как особый объект исследования), отождествление структуры общества с физическими и биологическими объектами также вызывало критику, так как, по мысли некоторых исследователей, сводило сложное к простому, то есть представляло собой особую форму редукционизма и т. д.

Одним словом, проект нуждался в своей доработке. На каждом этапе такой доработки социология получала новые импульсы своего развития. Сохраняя интригу своего незавершенного строительства, она как бы оставляла возможность будущим поколениям исследователей внести свой вклад в дело этого завершения. Большое влияние на развитие социологии имели те науки, в которых по-своему интерпретировались вопросы строения

(структуры) и изменения (развития) изучаемых объектов. Одной из первых наук, оказавших такое влияние на развитие социологии, стала биология. Эта наука оказалась наиболее близкой к природе человека и в то же время определяла его связь с природой в целом, она наиболее впечатляюще демонстрировала процессы изменения и эволюции, осмысление которых в XIX в. стало доминировать в науке. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дальнейшее развитие социологии было сопряжено с успехами этой науки. Но, благодаря этому альянсу, в социологии сложились различные формы биологического редукционизма. К этому редукционизму подталкивала и теория Г. Спенсера, который, однако, всячески откращивался от позитивизма Конта, в то же время признавая необходимость социологии.

Библиографические ссылки

1. Западно-европейская социология XIX века : тексты / под ред. проф. В. И. Добренкова. М., 1996.

БЫЛ ЛИ СПЕНСЕР ПОЗИТИВИСТОМ?

Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ, родоначальник английской версии философской теории развития, идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX – начале XX в., идеолог либерализма, один из основателей социологии. Его философские и социологические идеи развивались в период бурного развития европейской научной и философской мысли. Он был современником Дарвина, Милля, Конта, Геккеля, Маркса и многих других выдающихся ученых и философов второй половины XIX в. Определенное влияние на его учение оказали работы Бентама, Ламарка, Смита, Мальтуса и Тиндала. Во время нескольких поездок во Францию встречался с Контом, к творчеству которого относился весьма скептически, не забыв, правда, упомянуть, что сам термин «социология» он заимствовал у этого мыслителя. Его многочисленные работы постепенно стали пользоваться огромной популярностью и издаваться большими тиражами во многих странах мира (в том числе и в России).

Идея развития приобрела ключевой характер в общественном сознании европейцев в XVIII–XIX вв. Вклад в ее обоснование внесли такие философы и естествоиспытатели, как Вико, Ламарк, Лайель, Кондорсе, Гердер, Кант, Гегель, Сен-Симон, Конт, Дарвин, Маркс, Энгельс и многие другие исследователи этого периода. Входит в это число и Спенсер, творчество ко-

торого для социологии имеет особое значение, так как этот мыслитель наряду с Контом считается одним из зачинателей этой науки. Именно благодаря Спенсеру социология приобрела тот статус социальной науки, значение которой уже никем не оспаривалось на Западе.

Но, как это бывает с учением, имеющим энциклопедический характер (для примера можно вспомнить учения и Гегеля, и Маркса), оно вызывает не только восторженный прием, но и достаточно суровую критику. Критика, конечно, и сама содействует популяризации учения. Однако она не всегда бывает справедливой, ибо строится на теоретических трафаретах господствующего мировоззрения. Чаще всего такая критика строится путем наклеивания различных ярлыков на анализируемую теорию, то есть путем стигматизации. Не избежала такой стигматизации и теория Спенсера. Российский исследователь В. Г. Николаев по этому поводу пишет: «Судьба социологических идей Спенсера сложилась крайне неоднозначно. С одной стороны, в конце XIX – начале XX в. Спенсер был одним из самых читаемых авторов, и поклонники уже при жизни ставили его в один ряд с такими великими мыслителями, как Аристотель и Кант. С другой стороны, имя Спенсера почти столь же быстро обросло массой всевозможных определений – «эволюционист», «позитивист», «натуралист», «проповедник *laissez-faire*», «индивидуалист», «номиналист», «органицист», «социал-дарвинист», – что не благоприятствовало восприятию его идей как таковых и исподволь подталкивало к помещению их в значительно узкие рамки, нежели они того заслуживали» (1, 193–194).

К этой стигматизации приложили руку представители многих наук и философских направлений, но особая роль в этом деле принадлежит сторонникам марксизма, которые попытались дискредитировать альтернативную марксизму концепцию социального развития, так как Спенсер не скрывал своих симпатий к капиталистическому обществу и буржуазному либерализму, критикуя идеи социализма. Идея эволюции отвергалась марксистами, так как она противоречила теории революции. Социал-дарвинизм вообще был приписан Спенсеру как бы задним числом, так как он сформулировал свои социологические идеи намного раньше, чем вышла основная работа Дарвина. Наконец, позитивизм, который настойчиво приписывался Спенсеру, как нечто несовместимое с подлинной наукой, стал еще одним штампом, явно сужая теоретический потенциал этого исследователя.

Однако хорошо известно, что Спенсер весьма критично относился к философии Конта. По крайней мере, он посчитал нужным особо отметить отличие своей теории от контовских идей. По этому поводу он писал:

«Какова цель, провозглашенная Контом? Дать связный отчет о прогрессе человеческого знания. Какова моя цель? Дать связный отчет о прогрессе внешнего мира. Конт предлагает описывать необходимую и реальную филиацию идей. Я предлагаю описывать необходимую и реальную филиацию Вещей. Конт претендует на то, чтобы объяснить генезис наших знаний о природе. Моя цель – объяснить... генезис явлений, составляющих природу. Одно субъективно, другое объективно» [2, 7].

Кажется, яснее не скажешь, и, тем не менее, критики все поставили с ног на голову, зачислив Спенсера в ряды позитивистов, явно или неявно обращая его объективизм в субъективизм позитивистского толка. И это, несмотря на то, что Спенсер весьма недвусмысленно признавал исходные философские категории (материя, движение, пространство и время) в их материалистической трактовке.

В данной фразе, правда, есть одна маленькая деталь, которая как бы роднит идеи Спенсера с позитивистскими установками. Речь идет о слове «вещь», которое в творчестве Дюркгейма приобретет характер позитивистско-методологического принципа при определении понятия социального факта. Но Дюркгейм использовал это понятие скорее как метафору, в то время как у Спенсера оно имеет вполне реальный смысл.

Второе, что роднит и различает взгляды Конта и Спенсера, – это отношение к самим терминам «социология» и «позитивность». Конт использовал первый термин для обозначения новой науки об обществе (наряду с понятием «социальная физика») и подробно анализирует особенности этой науки в духе общей идеи позитивизма, которая красной нитью проходит через все его творчество. Спенсер же употребил его в качестве заголовка той части своей синтетической философии, в которой рассматривались вопросы социально-философского характера, то есть вопросы устройства и развития общества, почти не используя его в тексте самой работы, в целом отрицательно относясь и к позитивизму. Однако достаточно было и этого краткого упоминания термина, чтобы он, благодаря популярности самого учения Спенсера, превратился в общепринятое название новой науки об обществе, ибо популярность учения Спенсера начала складываться еще при его жизни, а работы Конта многие годы не признавались научной общественностью. Все это заставляет по-новому взглянуть на философско-социологическое наследие Спенсера с учетом тех кардинальных изменений, которые происходят в мировоззренческих структурах современности.

К философской части его учения относится концепция развития, которая несправедливо была сведена только к эволюционизму. Социологиче-

ское же учение этого мыслителя развивается на основе структурно-функционального подхода (в развитие которого он внес свой существенный вклад). Однако и эта часть его учения также была искажена путем сведения его к биологизму. Эти искажения можно понять, если учесть тот факт, что Спенсер был ярким противником социалистических идей, сторонники которых не жалели черных красок, характеризуя его учение. Учение Спенсера, таким образом, можно разделить на две части. Во-первых, он создает общую теорию развития. Во-вторых, с позиции этой теории стремится создать частные картины развития в неживой природе, в живой природе и в обществе, или, как он сам говорил, в неорганическом, органическом и надорганическом мире, что явно демонстрирует его широкий философский подход к этому вопросу. В-третьих, подробно рассматривает этот процесс в обществе, выделяя основные элементы социальной структуры и их функциональные особенности. Биология здесь если и существует, то только как вспомогательный материал, как своего рода аналогия, которая всегда широко использовалась в науке.

Каковы же общие идеи спенсеровской теории развития? Можно ли свести ее только к эволюции? Отвечая на эти вопросы, необходимо учитывать следующее. На самом деле понятием «эволюция» не исчерпывается общая теория развития Спенсера. Этим понятием обозначается лишь часть развития, как восходящая или как прогрессивная его ветвь. Второй частью развития является равновесие, а третьей – разложение, дезинтеграция, упадок, или регресс. Таким образом, теория развития (или изменения) Спенсера включает в себя три стадии. Таковыми являются: стадия восхождения, интеграции, или прогресса; стадия расцвета, устойчивого состояния, или равновесия; стадия упадка, разложения, дезинтеграции, или регресса. Прогресс и регресс, как волны, сменяют друг друга в процессе развития. По этому поводу Спенсер высказывается вполне определенно: «...философия может формулировать весь ряд изменений, испытываемых каждым видом существования при переходе от неосязаемого состояния в осязаемое и обратно – из осязаемого в неосязаемое. Это закон полного цикла изменений (подчеркнуто нами. – А. Е.), претерпеваемых каждым видом существования, оказался таким: потеря движения и следующая за этим интеграция, затем – приобретение движения и дезинтеграция. Изменения первого рода мы назвали Эволюцией (выделено нами. – А. Е.), которую впоследствии разделили на простую и сложную, а изменениям второго рода дали название Разложение (выделено нами. – А. Е.)» [2, 55].

Поясняя далее эту мысль, Спенсер не оставляет никаких сомнений в том, что он понимает под первой стадией развития. В частности, он пи-

шет: «Эволюция каждого агрегата должна продолжаться до тех пор, пока не установится подвижное равновесие» [2, 52]. За периодом равновесия, по мнению мыслителя, неминуемо следует разложение. По этому поводу он пишет: «...и после того как агрегат достиг равновесия, при котором его изменения оканчиваются, он остается подверженным влиянию всего окружающего, благодаря чему, содержащееся в нем движение может возрасти; случится это либо внезапно, либо постепенно, но случится непременно так, что его части получат избыток движения, чем и вызовется дезинтеграция. Так как ход изменений при Разложении обратен ходу Эволюции (выделено нами. – А. Е.), то мы будем иллюстрировать его в обратном порядке» [2, 54].

Сформировав общую идею развития (которое определяется и такими терминами, как «трансформация», «изменение»), Спенсер далее через призму этой идеи стремится рассмотреть процессы изменения в неживой природе, в живой природе и в обществе. Смену фаз развития нетрудно было заметить на примере жизни отдельно взятого человека, коллектива, государства и даже целых цивилизаций. Историческая наука к этому времени давала ясную картину таких перемен. Вновь возникшая наука – палеонтология – не менее ясно показывала эти фазы на развитии растений и животных, а эмбриология также выявляла стадии утробного развития. Историзм стал проникать в науки о Земле и в науки о небе. Так что, картина развития природы лежала, что называется, перед глазами. Важно было выразить ее в единой теоретической системе, что и было сделано Спенсером в его синтетической философии. При этом Спенсер, что вполне естественно, опирался на достижения современной ему физики, и в частности, на такой закон, как закон сохранения энергии, который приобрел к тому времени статус основного закона природы (Спенсер называет его законом Постоянства силы). Понятия материи, движения, силы, энергии весьма широко используются Спенсером для объяснения природы развития, что придает его теории несколько механистический, но вполне объективный характер. Развитие (трансформация) чаще всего трактуется как некое перераспределение количества материи и движения. Раскрывая сущность своего понятия развития, Спенсер пишет: «Соединяя различные точки зрения, с которых рассматривается трансформизм (выделено нами. – А. Е.), в единую концепцию, мы нашли, что перераспределение Материи и сохраненного ею Движения состояло в переходе от разреженного, однообразного и неопределенного состояния к состоянию концентрированному, многообразному и определенному» [2, 55].

Конечно, особое внимание в своей теории Спенсер уделяет именно эволюции как восходящей (прогрессивной) ветви развития, трактуя ее вполне

однозначно как «переход от бессвязной однородности к связной разнородности», как «превращение однородного в разнородное». В итоге он предлагает следующее определение этой фазы развития: «Эволюция, будучи изменением однородного в разнородное, есть вместе с тем и изменение неопределенного в определенное. Вместе с переходом от простоты к сложности происходит также и переход от беспорядка к порядку» [2, 43]. Уточняя это определение, Спенсер далее пишет: «Эволюция есть переход от неопределенной, бессвязной однородности к определенной, связной разнородности, сопровождающей рассеяние движения и интеграцию Материи» [2, 44]. И задавая общую научную ориентацию своих исследований, он отмечает: «...явления Эволюции должны быть выведены из постоянства Силы» [2, 46].

Такова в общих чертах философская теория развития Спенсера, в которой нет места ни богу, ни субъективному конструированию реальности. Нет и никакого сомнения в возможности объективно-научного познания этой реальности. Материализм здесь физичен, а физика материальна, здесь нет никаких идеалистических постулатов. Нечто подобное прослеживается и в социальной части его учения.

В истории развития социальных идей всегда конкурировали две противоположности. Одним мыслителям казалось, что «золотой век» человечества был в прошлом, другим – что он наступит в далеком будущем. Одни упивались прогрессом, другие пророчили закат цивилизации. Спенсер жил в то время, когда пережитки феодализма вполне ощутимо давали еще знать о себе. А капитализм все еще находился на подъеме, на восходящей линии своего развития. Его успехи были налицо. И вместе с тем проявлялась еще его незавершенность, больше ощущался общественный хаос, чем порядок, последний мыслился как заветная цель капитализма (о чем, кстати, мечтал и Конт). Будучи сыном своего времени и своего класса, Спенсер не мог не защищать этот строй. Те противоречия, которые нес с собой капитализм, рассматривались им как болезнь роста, как временное состояние еще не достигшего своего расцвета общества. Поэтому весь пафос социальной эволюции Спенсера был связан с надеждой на дальнейшее развитие этой формации, чему и призвана была служить его социология.

Расширяя свои идеи о развитии, Спенсер подчеркивал общую связь между неорганической, органической и надорганической природой. Сверхорганическая природа, т. е. общество, своими корнями уходит в предшествующие стадии развития. Поэтому между биологическим и социальным миром существует тесная связь. Но при всей значимости этой связи, социальный мир имеет и ряд важных отличительных признаков. Вот почему,

анализируя переход от живой природы к обществу, Спенсер, прежде всего, стремится выявить общие черты, присущие биологическим и социальным объектам, а затем рассматривает ряд специфических признаков, которые их различают. Поэтому сведение учения Спенсера об обществе к органицизму представляет собой скорее историческую нелепость, результат закомплексованной критики его оппонентов. Для своего времени идея о том, что общество при всей своей диффузности представляет особую целостность, можно было доказать, только сравнивая его с целостностью биологического организма (эта аналогия была и наглядной, и всем понятной). Да и в настоящее время мы весьма часто произносим фразу «социальный организм» без всякого страха впасть в «греховность» биологизма или органицизма. Поэтому для своего времени подобная аналогия действительно подпитывала социальную мысль неким объективным основанием. На это мы указываем специально для того, чтобы преодолеть тот критический штамп, который достаточно прочно прикрепился к имени этого великого мыслителя, сводящего его социальное учение к примитивному эволюционизму и биологизму.

Итак, первое, что попытался установить Спенсер, это выявить общие признаки, которые роднят биологический и социальный организмы. К таким признакам, по его мнению, относятся:

- общество, как и биологический организм, состоит из элементов, связанных между собой определенными системами отношений;
- общество, как и биологический организм, в процессе эволюции растет, т. е. увеличивается в объеме, в количестве составляющих его элементов;
- по мере роста там и там усложняется структура целого;
- по мере усложнения структуры происходит дифференциация частей и функций, усложняется характер их взаимодействий и взаимоотношений (эти положения вполне можно оценить как зарождение идей структурно-функционального анализа, которые почему-то приписываются более поздним авторам).

Кроме этого, в биологическом организме и в обществе выделяются три родственные системы: *поддерживающая, распределительная и регулятивная*.

Если бы на этом Спенсер остановился, то его вполне можно было бы упрекнуть в биологическом редукционизме. Но он на этом не останавливается, а старается показать и то, что различает биологический организм и общество. Но почему-то эта часть его учения как бы не замечалась критиками.

Так, поддерживающая система в жизнедеятельности организма реализуется в форме питания, а в обществе – в виде производства и потребления средств существования.

Распределительная система в биологии реализуется в виде дифференциации частей и функций, а в обществе – в виде разделения труда и установления сложных производственных связей и отношений.

Регулятивная система в биологии выступает как функционирование нервной системы, а в обществе – в виде сложной системы социального управления.

Кроме того, имеют место и другие отличительные признаки. Биологический организм представляет собой нерасчлененное единое целое, где части тесно связаны между собой и подчинены структуре целого. А социальный организм представляет собой диффузное (дискретное) целое, где части обладают относительной самостоятельностью, свободой действия и существования – это то, что в теории определяется понятием свободы воли, которая по-разному решалась разными теоретиками. Спенсер, как ярый защитник либерализма и индивидуализма, отстаивает необходимость такой воли и ограничение воли государства.

В организме имеет место строгое разграничение функций между органами. А человек, как составляющая общество часть, представляет собой универсальный элемент. Он может выполнять множество различных функций, поэтому он не просто элемент общества, а универсальный элемент социальной структуры.

Наконец, в организме части существуют ради целого, а в обществе целое должно существовать ради его частей, обеспечивая их нормальное функционирование. Как отмечал Спенсер: «Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества». В сущности, в этой идее выражается основной дух либерализма, идеологом которого и выступает Спенсер. Однако, несколько отступая от политического контекста этого положения, Спенсер, отдавая дань диалектике части и целого, пишет: «Влияние, оказываемое обществом на природу своих единиц, и влияние единиц на природу общества постоянно кооперируют друг с другом в производстве новых элементов» [2, 253]. Эта мысль почти дословно повторяет то, что в свое время сформулировал еще Платон, и повторяется во многих современных теориях, авторы которых пытаются согласовать проявление индивидуальных и общественных факторов исторического развития.

Разобрав эти общие вопросы сходства и различия биологического организма и общества, Спенсер тем самым констатирует непрерывную связь природных и социальных явлений, факт естественного происхождения человека из природной среды, и в то же время несводимость природы человека и общества к его биологическим предпосылкам. Эта мысль о единстве

биологического и социального в то время имела значение действительно великого научного открытия. Была, своего рода, философской догадкой, или, гипотезой о происхождении человека, фактическое подтверждение которой было осуществлено теорией Дарвина, на что указал в своих работах сам Дарвин, отмечая, что Спенсер опередил его на целых семь лет.

Далее Спенсер переходит к анализу устройства общества, основных этапов его развития и особенностей функционирования. Устройство общества реализуется через анализ составляющих его институтов, которые мыслитель называет учреждениями. По Спенсеру, социальные институты – это особые структуры самоорганизации совместной жизни людей. Социальные институты обеспечивают превращение асоциального по природе человека в социальное существо, способное к совместным коллективным действиям. Институты возникают в ходе эволюции помимо сознательных намерений или «общественных договоров». Они возникают как ответ на рост численности популяции, согласно общему закону эволюции – «прирост массы приводит к усложнению структуры и дифференциации функций». Задача социологии состоит в изучении синхронного взаимодействия социальных институтов.

Идея социальных институтов как структурных элементов общества оформилась задолго до Спенсера, но он превратил ее в целостную концепцию, оказавшую значительное влияние на развитие структурно-функциональной характеристики общества, что имело большое значение для определения предметной области социологии. В сущности, вся социологическая часть его синтетической философии посвящена именно анализу основных социальных институтов и их взаимосвязи.

Анализ социальной структуры Спенсер начинает с рассмотрения семьи, брака и воспитания, которые он определяет понятием *домашние институты*. Здесь он раскрывает этапы эволюции семьи от неупорядоченных отношений между полами до моногамии, показывает взаимосвязь между типом общества и типом семьи, исследует изменения внутрисемейных отношений, происходящие под влиянием социального прогресса. Короче, все то, что и сейчас изучает социология семьи как отраслевая социологическая дисциплина. Не следует забывать, что и Платон с Аристотелем и многие другие исследователи истоки общества видели именно в семье.

Следующий тип социальных институтов Спенсер обозначил как *обрядовые, или церемониальные*. Последние призваны регулировать повседневное поведение людей, устанавливая обычаи, обряды, этикет и т. п. Обрядовые институты возникают раньше других и продолжают действовать в любом обществе как необходимый элемент социальной организации.

Третий тип институтов – *политические*. Их появление Спенсер связывал с переносом внутригрупповых конфликтов на сферу конфликтов между группами. Он был убежден в том, что конфликты и войны сыграли решающую роль в становлении политической организации и классовой структуры общества. Классы возникли не в результате завоевания одних народов другими, а как следствие подчинения внутренней организации общества задачам войны. Война разделила первобытные сообщества на вождей (руководителей) и пассивных исполнителей их воли, на воинов и крестьян, способствовала росту имущественного неравенства, потребовала создания управленческих органов, т. е. центральных органов власти, армии, полиции, суда и т. п. На основе традиции формировалось право. Возникновение собственности привело к появлению налоговой системы. Общность функций, которые выполняет любая политическая организация, порождает сходство социального устройства различных обществ.

Война и труд – те силы, которые создают государство, причем на начальных этапах роль насилия и военных конфликтов была решающей, так как потребность обороны или завоевания больше всего сплачивает и дисциплинирует общество. В последующем объединяющей силой становятся общественное производство, разделение труда, прямое насилие уступает место внутреннему самоограничению. Спенсер был сторонником ограничения роли государства в современном обществе, поскольку сильное государство неизбежно ведет, по его мнению, к ограничению индивидуальной свободы.

Следующий тип – *церковные институты*, обеспечивающие интеграцию общества. Речь идет не о религиозных институтах, а именно о церкви. Функции духовенства восходят к действиям шаманов и колдунов. Появлению касты жрецов, по мнению Спенсера, способствовали войны. Постепенно эта каста, создав свою организацию, начинает контролировать определенные сферы общественной жизни, культивируя религиозные традиции, обычаи, верования.

Специально выделяют Спенсером и *профессиональные институты*. Характерно, что, разбирая сущность профессиональной структуры общества, Спенсер в основном касается работников искусства и умственного труда, ничего не говоря о рабочих профессиях. Вообще рабочие остаются вне поля философского интереса этого мыслителя, чем он явно отличается и от Конта, и от Маркса.

Завершают типологию *промышленные институты*. Они возникают на основе разделения труда и проходят две стадии. Первые (гильдии, цехи,

профессиональные союзы) консолидируют группы людей по профессиональным занятиям, вторые поддерживают производственную структуру общества.

Промышленные институты принимают на себя все большую часть общественных функций, регулируют трудовые отношения, вне всякого вмешательства государства. Спенсер был воинствующим противником социализма, понимая под последним именно централизованное (государственное) управление экономикой. Попытки глобального планирования он называл «социалистической химерой». Социальный прогресс предполагает, по Спенсеру, постепенное совершенствование человеческой природы, в то время как социализм требует невозможного и приводит к еще большему социальному неравенству. Тем не менее он считал, что европейская цивилизация должна будет пройти через очищающую школу социализма, чтобы доказать свою нежизнеспособность, что, собственно, и случилось в истории.

В этом анализе социальной структуры нет никаких элементов биологизма или органицизма, его вполне можно отнести к разряду институционального анализа этой структуры, что и придает учению Спенсера вполне позитивный, но не позитивистский дух. В этом плане марксизм также можно оценить как высшее проявление позитивного изучения общества. Но между двумя этими позитивными концепциями лежала пропасть разного определения рыночных отношений и путей будущего развития общества, разное понимание роли эволюции и революции в этом развитии.

Таким образом, не оспаривая приоритета Конта в создании новой науки об обществе, можно утверждать, что подлинным творцом этой науки является все же Спенсер, чьи идеи оказались ближе научному сообществу благодаря их объективному содержанию, что в немалой степени содействовало и популярности термина «социология» в качестве названия этой новой науки. Кроме того, анализируя природу составляющих общество институтов, Спенсер, по существу, закладывает основу будущих отраслевых разделов социологического знания: социологии семьи, социологии религии, политической и индустриальной социологии и т. д., что также указывает на его роль в качестве творца новой общественной науки.

Библиографические ссылки

1. История социологии (XIX – первая половина XX века): учебник / под ред. проф. В. И. Добренькова. М., 2004.
2. Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997.

НОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В УЧЕНИИ Э. ДЮРКГЕЙМА

Позитивизм возник как явное стремление перевести социальное познание в ранг строгой науки, внедрить в это познание методы естественных наук. Эти науки и их достижения не без основания связывались с такими методами, как наблюдение и эксперимент, с получением фактов и их обобщением с целью раскрытия общих закономерностей. Многим казалось (особенно основоположникам позитивизма), что стоит внедрить в обществоведение эти методы, как социальное исследование тут же приобретет строго научный характер. Однако одно дело провозгласить принцип объективности, а другое дело реализовать его на практике. В итоге получалось, что все эти призывы заканчивались неудачей, уводя исследователей в дебри субъективных построений. Позитивными оставались лишь сами рассуждения о методах исследования. Что же касается объектных построений, то почти все они заключали в себе идеологический момент и весьма далеко отходили от реальной действительности.

Такое положение дел приводило к необходимости вернуться к истокам логики научного познания (эпистемологии) и ответить на вопрос, а что такое факт вообще, возможна ли его однозначная гносеологическая характеристика. За этим вопросом тянулась целая череда методологических проблем: что такое знание, что такое теория, что такое закон и даже что такое наука. В сущности, все те проблемы, над которыми размышлял еще Кант, вновь встали перед философами. И если в XIX в. науки естественнонаучного цикла воспринимались как эталон истинного (объективного) познания, то в начале XX в. этот идеал стал утрачивать свое значение в связи с кризисом в физике. В науке стал торжествовать принцип релятивизма, что заставило вспомнить о Конте и его позитивизме. Популярными стали идеи Маха и Авенариуса. Все это говорило не о стабильности знания (к чему привыкли ученые XIX в.), а о его текучести и изменчивости. С особой наглядностью эта текучесть знания проявлялась именно в области социального познания. Поэтому социологам приходилось начинать все заново, определяя, что такое общество, социальный факт, социальный закон, социальная теория, объективное и субъективное в социальном познании, что такое вообще социальное, и наконец, является ли социология наукой, насколько она может быть независимой от идеологии и политических интересов.

Именно с анализа этих вопросов и начинает выстраивать свою теорию **Эмиль Дюркгейм** (1858–1917). Стремясь преодолеть недостатки теорий, сложившихся в социологии, и придерживаясь основных принципов позитивизма, Дюркгейм попытался эксплицировать понятие социального факта и тем самым более строго обозначить то, что должна изучать социология. Не фактом общественной жизни вообще, таких фактов, с его точки зрения, может быть бесконечное множество, и они определяют предметные области различных общественных дисциплин, а именно *социальным* фактом. Как полагал Дюркгейм, если удастся ответить на этот вопрос, то тогда будет получен окончательный ответ о том, что такое социология и на что она должна обращать особое внимание, изучая общество. Именно с этого вопроса он начинает свой методологический анализ. «Прежде чем искать метод, пригодный для изучения социальных фактов, – пишет Дюркгейм, – важно узнать, что представляют собой факты, носящие данное название» [1, 29]. А для того, чтобы сделать это, необходимо выделить какой-то ведущий признак этих фактов, их отличие от других фактов общественной жизни. Биологические, психологические, географические, экономические и т. д. признаки не могут служить критерием для такого выделения, ибо это области других общественных наук. Социальное должно изучаться только с помощью социального. Поэтому важно дать ответ на вопрос, что же такое социальное. Последнее кроется в каких-то особых структурах общественной жизни. Здесь важно не то, из чего состоит общество (из людей, групп или общностей), а то, что связывает людей в некое единое и специфическое образование под названием «общество». Этим связующим элементом и выступает «социальное», определяющее целостность человеческих объединений.

Социальность определяется Дюркгеймом как особая надындивидуальная коллективная духовность, которая сближает людей и заставляет действовать их строго в определенном порядке. Это некая социально значимая программа поведения людей. Социальные факты, по мнению Дюркгейма, «составляют способы мышления, деятельности и чувствования, *находящиеся вне индивида* (выделено нами. – А. Е.) и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его посредство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название *социальных*... не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества» [1, 31].

Здесь, видимо, необходимо прояснить одно важное положение, определяющее различие номинализма и реализма в социологии, связанное с истолкованием соотношения индивидуального и коллективного, человека и общества. Очевидно, что оба эти направления теоретической мысли имеют равное право на свое существование. Различие между ними состоит лишь в том, что одни выводят социальные структуры из природы человека (здесь можно вспомнить слова Аристотеля о том, что человек является существом общественным и политическим). А другие полагают, что социальные структуры предшествуют появлению человека и определяют его социальные качества. Но правы как те, так и другие. Если двигаться исторически, от самого начала появления человека к образованию простейших социальных сообществ (семья, род, племя) и далее к современному обществу, тогда явно приходится оперировать понятиями генетической (эволюционной) теории, которая исходит из принципа социологического номинализма. Если же рассматривать общество в аспекте его современного функционирования (что и является особенностью социологического исследования), в котором появляются новые поколения людей, тогда социальное (как достижения человеческой культуры) будет предшествовать становлению человека в качестве личности. В этом случае теория примет вид социологического реализма. Общество в этом подходе выступает в качестве определяющего, а человек – определяемого фактора. На эту сторону проблемы и было обращено внимание Дюркгейма, социологию которого можно представить как классическое воплощение социологического реализма. Он постоянно подчеркивает именно этот аспект своей теории и отмечает следующее: «...способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуального сознания» [1, 30]. И далее: «...социальный факт отличен от своих индивидуальных воплощений» [1, 35]. Это есть: «...известное состояние коллективной души» [1, 35]. Это, своего рода, ментальное «облако», окружающее человека со всех сторон, как внутри, так и вне его. Поэтому социальный факт представляет собой особую реальность, напоминающую собой объективно существующую «вещь». Именно эту «вещь» и должна изучать социология, избавляясь от всяких психологических абсолютизаций.

При характеристике социального факта необходимо учитывать, с точки зрения Дюркгейма, два обстоятельства. Во-первых, его коллективный характер, во-вторых, его обязательную или принудительную силу. При этом он предлагает рассматривать коллективность не как суммативное понятие, а как проявление особой целостности, обладающей рядом своих специфиче-

ческих качеств, что и воплощается в понятии «социальное». Парируя упрёки в свой адрес, Дюркгейм пишет: «Но, скажут нам, явление может быть общественным лишь тогда, когда оно свойственно всем членам общества или, по крайней мере, большинству из них, следовательно, при условии всеобщности. Без сомнения, однако, оно всеобще лишь потому, что социально (т. е. более или менее обязательно), а отнюдь не социально потому, что всеобще. Это такое состояние группы, которое повторяется у индивидов, потому что оно навязывается им. Оно находится в каждой части, потому что находится в целом, а вовсе не потому оно находится в целом, что находится в частях. Это особенно очевидно относительно верований и обычаев, передающихся нам уже вполне сложившимися от предшествующих поколений» [1, 36]. Эти рассуждения позволяют проследить, как в науке утверждается принцип системного анализа. С точки зрения этого анализа утверждается мысль о том, что целое не сводится к сумме частей, что в структуре целого появляется новое интегральное качество, отсутствующее в составляющих его частях.

Таким образом, социальность – это не просто коллективность, а особая наиндивидуальная, принудительная сила, заставляющая людей осуществлять совместную деятельность, определяющая типы поведения и мышления. «Эти типы поведения и мышления, – пишет Дюркгейм, – не только находятся вне индивида, но и наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желаний» [1, 30].

Таким образом, социальным фактом, по Дюркгейму, является некий коллективный дух, существующий объективно и обладающий принудительной силой, которая определяет характер поведения (действия) людей. Это принудительно-духовное образование и составляет сущность социального. Если вдуматься в суть данного определения, то без труда можно заметить, что социальное представляет собой то же самое духовное, но названное другим именем.

При этом Дюркгейм указывает на то, что не следует смешивать социальные факты ни с фактами материальной жизни общества, ни с индивидуально-психологической характеристикой личности, ибо и то и другое может уводить социолога в сторону от его собственного предмета. По этому поводу Дюркгейм пишет: «Вот что такое социальные явления, освобожденные от всякого постороннего элемента. Что же касается их частных проявлений, то и в них есть нечто социальное, так как они частично воспроизводят коллективный образец. Но каждое из них в большой мере зависит также и от психологической конструкции индивида, и от особых условий, в которых он находится. Они, следовательно, не относятся к собственно со-

циологическим явлениям. Они принадлежат одновременно двум областям, и их можно было бы назвать социопсихологическими. Они интересуют социолога, не составляя непосредственного предмета социологии» [1, 35].

Таким образом, можно заметить, что разбирая природу социального факта, Дюркгейм уточняет не только методологическую проблему, связанную с определением предмета социологии, но и затрагивает важную онтологическую проблему о социальной природе общества и об объективном содержании социального знания. Общество, с его точки зрения, это некое коллективное образование людей, которое может различаться своим субстратом и масштабами (от рода и племени до государства и человечества), а социальность представляет собой тот духовный «клейстер», который превращает некоторое количество людей в органическое социальное целое. С этого момента понятия общественного и социального стали более или менее различаться в науке и философии.

Следующим пунктом методологической программы Дюркгейма является вопрос о начальной стадии научного познания. Определив понятие социального факта, он полагает, что, как и в физике, социальное познание должно начинаться с изучения этих конкретных фактов. Однако сделать это, по его мнению, не так-то просто. Дело в том, что между познающим субъектом и конкретными фактами социальной действительности встраивается промежуточная структура – человеческий язык с его понятиями, идеями и концепциями, которые не столько сближают человека с реальностью, сколько затушевывают и маскируют ее. «Вместо того, – пишет Дюркгейм, – чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тем, что проясняем наши идеи, анализируем и комбинируем их. Науку о реальности мы подменяем анализом понятий... Эти понятия... походят на покрывало, находящееся между нами и вещами и скрывающее их от нас тем лучше, чем прозрачнее оно нам кажется» [1, 40–41].

Следует обратить внимание на эту фразу, так как она стала ключевым тезисом всей методологической конструкции Дюркгейма. В этом пункте намечается и новый поворот в позитивистских рассуждениях о науке, который привел к появлению различных вариантов неопозитивистской методологии, которая стала переходить от логико-эпистемологических проблем к проблемам анализа языка науки и конструирования знания.

Такая ситуация встречается, по мнению Дюркгейма, даже в естествознании, что же касается социальных наук, то они чаще всего имеют дело не с реальными вещами, а с замещающими их понятиями. «И действительно, – пишет он, – до сих пор социология почти исключительно рассужда-

ла не о вещах, но о понятиях» [1, 44]. Причем о понятиях в основном обыденного плана.

С этих позиций он критикует взгляды Конта и Спенсера, существующие в его время концепции психологов, политиков, экономистов и моралистов. И на этой основе выводит следующее методологическое требование: прежде чем касаться фактов, необходимо очистить исследовательское поле от груза существующих обыденных понятий, т. е. необходимо «устранить все предпонятия». С точки зрения Дюркгейма, необходимо, «чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств, категорически отказался от употребления таких понятий, которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и навсегда иго эмпирических категорий, которые привычка часто делает тираническими» [1, 55].

В данном случае Дюркгейм опирается на учение Ф. Бэкона об идолах и на правило Декарта подвергать все сомнению. Однако здесь четко проявляется весьма ненавистная для позитивистов идеологическая подоплека их собственных рассуждений, так как в разряд обыденных включаются такие понятия, которые давно уже приобрели общесоциальный смысл. Так, например, Дюркгейм пишет: «При нынешнем состоянии наших знаний мы не знаем достоверно, что такое государство, суверенитет, политическая свобода, демократия, социализм, коммунизм и т. д.» [1, 47].

Затем он разбирает логику формирования научного факта, отдавая должное обобщению, определению и чувственным данным. «Всякое научное исследование, – пишет он, – обращено на определенную группу явлений, отвечающих одному и тому же определению. Первый шаг социолога, следовательно, заключается в определении тех вещей, которые он будет изучать, с тем чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь» [1, 57]. Следует отметить, что это правило (т. е. интерпретация и операционализация понятий) в настоящее время стало одним из основных пунктов подготовки программы социологического исследования. И в этом плане его рассуждения можно оценить как вклад в развитие прикладных социологических исследований. Но при решении частного методологического вопроса утрачивается вера в возможность иметь общие характеристики этих понятий, что снова ведет к утрате объективности социологического исследования.

Следующим пунктом методологического учения Дюркгейма является требование о разделении фактов на положительные и отрицательные, на факты нормальные и патологические. «Для общества, как и для индивидов, – пишет он, – здоровье хорошо и желательно, болезнь же, наобо-

рот, плоха, и ее следует избегать. Если, стало быть, мы найдем объективный критерий, внутренне присущий самим фактам и позволяющий нам научно отличать здоровье от болезни в разных категориях социальных явлений, то наука будет в состоянии прояснить практику, оставаясь в то же время верной своему методу» [1, 71].

В качестве примера рассматривается такое социальное явление, как преступность. Для его изучения необходимо иметь объективные критерии оценки, на поиски которых и должна быть направлена научная мысль. Объективная оценка возможна только в том случае, если она строится на обобщении свойств реальных явлений. По этому поводу Дюркгейм пишет: «...чтобы социология была действительно наукой о вещах, нужно, чтобы всеобщий характер явлений был принят за критерий их нормальности» [1, 94]. Иначе говоря, ученый допускает, что для оценки качества фактов существует некий объективный критерий. И только тогда, когда социология овладеет этим критерием, она по-настоящему станет положительной наукой. Но одно дело провозгласить необходимость объективного критерия, и другое дело его сформулировать. В необходимости такого критерия никто не сомневается, но споры всегда возникали тогда, когда предлагался тот или иной вариант такого критерия.

Важным моментом, с точки зрения Дюркгейма, является и необходимость исторического обобщения в социальном познании. На базе такого обобщения, путем выделения «наиболее существенных признаков», возможно установление основных социальных типов (видов) общественных объединений. Постепенное усложнение структуры этих типов, их переход от простых форм к более сложным привели, по мнению исследователя, к образованию обществ современного типа. Процесс обобщения предполагает использование такого логического приема, как классификация, который позволяет «сократить объем научной работы, заменяя бесчисленное множество индивидов огромным числом типов» [1, 98].

Классификация является основой построения теории, продуктивность которой будет определяться тем, насколько успешно она сможет предсказывать новые факты и строить на них новые обобщения. «Стало быть, – пишет Дюркгейм, – если мы узнаем самое простое из всех существовавших когда-либо обществ, тогда, чтобы построить нашу классификацию, нам останется лишь проследить способ, которым составлено это общество и которым его составляющие части соединяются между собой» [1, 99].

В качестве наиболее простого общества Дюркгейм предлагает считать такое объединение людей, которое обозначается понятием «орда» (в нашей

языковой традиции чаще используется понятие «род»). «Понятие орды, – пишет он, – или общества с единственным сегментом, независимо от того, считать ли его исторической реальностью или научным постулатом, является точкой опоры, необходимой для конструирования полной шкалы социальных типов» [1, 102].

В данном случае нетрудно заметить, что Дюркгейм несколько отходит от ригоризмов эмпирической методологии, допуская при построении теории использование таких постулатов, которые, так или иначе, строятся на базе обыденного языка. Кроме того, допускается использование такой мыслительной операции, как логическое конструирование, в рамках которой, как показало развитие науки, не удастся полностью преодолеть субъективные моменты научного творчества.

Обращает свое внимание Дюркгейм и на проблему объяснения социальных фактов, которая стала одной из центральных проблем в рамках позитивизма. Полнота социологического объяснения, по Дюркгейму, определяется тем, что в ходе его необходимо указать не только причину социальных явлений, но и ту функцию, которую эти явления выполняют в плане достижения поставленной цели. «В процессе объяснения социального явления, – пишет он, – нужно отдельно исследовать порождающую его причину и выполняемую им функцию... функцию социального факта следует всегда искать в его отношении к какой-нибудь социальной цели» [1, 112, 126].

Кроме этого, полнота социологического объяснения достигается путем использования еще и генетического подхода. «Объяснить сколько-нибудь сложный социальный факт можно, только проследив весь процесс его развития во всех социальных видах» [1, 151]. В конечном счете, объяснение факта в социологии строится на основе других социальных фактов. Как отмечает Дюркгейм, «социальный факт можно объяснить только другим социальным фактом» [1, 156]. Связующим элементом в структуре такого объяснения выступает закон причинности. «Так как закон причинности признан для других областей природного царства и признание его господства постепенно расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических на явления биологические, от последних – на мир явлений психологических, то мы вправе допустить, что он также верен и для мира социального» [1, 153]. В свое время эта структура социального объяснения была предложена еще Дж. Миллем.

В сущности, Дюркгейм повторяет все основные положения позитивизма, вплоть до утверждения о том, что подлинно научное знание (в том

числе и социологическое) должно выйти из-под власти «всякой философии». В этом плане он пытается отмежеваться не только от психологизма, но даже и от позитивизма, не жалея критических замечаний в адрес Конта и Спенсера. Но «дух» позитивизма присущ и его собственным рассуждениям, ибо стремясь доказать объективность социологического познания, он вынужден был обращаться к общенаучной методологии, что и составляет суть позитивизма. С помощью логики Дюркгейм попытался обосновать объективный статус социологического исследования и тем самым преодолеть засилие психологизма в социологии.

Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

ВКЛЮЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЗМА В МЕТОДОЛОГИЮ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ М. ВЕБЕРОМ, ЕГО УЧЕНИЕ О «ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ»

Однако психологизм не собирался сдавать своих позиций. Он стал проникать не только в онтологические конструкции социологических теорий, но попытался перевести и процесс научного познания в русло психологических актов. Речь идет о немецкой философско-методологической традиции, которая исходила не из признания родства обществензнания и естествознания (как это имело место в англо-французской традиции), а из полной противоположности. Эта традиция сложилась в работах В. Дильтея, В. Виндельбанда и Г. Риккерта, а в социологию была перенесена Ф. Теннисом, Г. Зиммелем и М. Вебером. Рассмотрим взгляды последнего.

Макс Вебер (1864–1920) – немецкий философ, юрист, историк, экономист и социолог. Хотя социологией он начал заниматься уже в зрелые годы, его труды по этой науке приобрели характер классических сочинений и до настоящего времени широко используются современными исследователями. Назовем лишь те из них, которые имеют непосредственное отношение к предмету нашего рассмотрения. Таковыми являются:

- ««Объективность» социально-научного и социально-политического познания» (статья, впервые напечатана в 1904);
- «Критические исследования в области логики наук о культуре» (статья, впервые напечатана в 1905);

- «О некоторых категориях понимающей социологии» (статья, впервые напечатана в 1913);
- «Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке» (статья, впервые напечатана в 1917).

В учении Вебера вопросы социальной онтологии и методологии весьма тесно переплетаются друг с другом, что в одном случае помогает, а в другом – затрудняет проводить анализ того и другого. Эта трудность особенно ярко проявляется в том случае, когда им анализируются понятия науки, закона, объективности, истинности, ценности, практической значимости научного знания и т. д. Большинство этих понятий он использует в кавычках, как бы подчеркивая их сугубо идеальный характер. В какой-то мере это и определяет оригинальность его учения, ибо, отвергая основные принципы позитивизма, он не забывает подчеркнуть практическую значимость научного знания вообще и социально-исторического знания в частности. Можно сказать, что уже первая его статья на этот счет представляет собой своеобразный антипозитивистский манифест, на базе основных положений которого строится и критическое отторжение идей предшествующих социологических теорий, в том числе и материалистического истолкования истории.

Для того чтобы убедиться в сказанном, следует обратиться к словам самого автора. В частности, Вебер пишет: «Для естественных наук важность и ценность «законов» прямо пропорциональна степени их *общезначимости*; для познания исторических явлений в их конкретных условиях *наиболее общие законы* в наибольшей степени лишены содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность... Из сказанного следует, что «объективное» исследование явлений культуры, идеальная цель которого состоит в сведении эмпирических связей к «законам», бессмысленно. И совсем не потому, что, как часто приходится слышать, культурные или духовные процессы «объективно» протекают в менее строгом соответствии законам, а по совершенно иным причинам. Во-первых, знание социальных законов не есть знание социальной действительности; оно является лишь одним из целого ряда вспомогательных средств, необходимых нашему мышлению для этой цели. Во-вторых, познание культурных процессов возможно только в том случае, если оно исходит из *значения*, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определении *единичных* связей. В каком смысле и в каких связях обнаруживается такая значимость, нам не может открыть ни один закон; ибо это решается в зависимости от ценностных идей, под углом зрения которых мы в каждом отдельном случае рассматриваем «культуру» [1, 378–379]. К сказанному, как говорится, добавить нечего, автор весьма категорично под-

держивает мысль о различии наук номотетических и идиографических. С позиции этой методологической установки и рассматриваются далее вопросы социального бытия и специфики социального познания, решение которых вновь переводится в плоскость их психологической обусловленности, что нашло свое воплощение в веберовской трактовке «социального действия» и «понимающей социологии».

С точки зрения социальной онтологии особое значение имеет понятие социального действия, с помощью которого мыслитель (уже который раз в истории науки) попытался ответить на вопросы, что же такое «социальное» как объект и как предмет исследования, что обеспечивает «объективность» социального познания. Простое указание на наличие какого-то количества людей для определения общества к этому времени явно стало утрачивать свой смысл, хотя и было понятно, что без человека, как исходного элемента, общество не может существовать. Более важным представлялся ответ на вопрос о том, что связывает людей в единые целостные образования, что превращает определенное количество людей в какие-то коллективные объединения и в общество в целом. Свое исследование, как и многие до него, он начинает с критики предшествующих концепций.

С этой целью предпринимается критика взглядов Лебона, Тарда, Дюркгейма, Фрейда и других исследователей за то, что они искали суть понятия социального, связывая его с поведением толпы, или с действием, основанным на подражании, или как проявление бессознательных актов, и прочих признаках. Тем самым создавали теории с замкнутой системой понятий, как бы омертвляющей саму социальность. С точки зрения Вебера, «система в науках о культуре» – это «полная бессмыслица» [1, 383]. Такой системы не может быть, так как «бесконечный поток неизмеримых событий несет-ся в вечность» и люди постоянно меняют свои взгляды о происходящих событиях. Повторяя Кратила, Вебер пишет: «Во все новых образах и красках возникают проблемы культуры, волнующие людей; зыбкими остаются границы того, что в вечном и бесконечном потоке индивидуальных явлений обретает для нас смысл и значение, становится «историческим индивидуумом»» [1, 383]. В этой связи Вебер определяет главную цель своего исследования, почти по Канту: «Каково значение *теории* и образования теоретических понятий для познания культурной действительности?» [1, 383].

Для реализации этой цели выдвигаются две задачи: во-первых, найти некий «объективный» инвариант этих быстро меняющихся социальных событий; во-вторых, сформулировать новые правила научно-поисковой деятельности, которые бы способствовали выявлению этих инвариантов и их адекватному описанию. Первая задача решается за счет введения та-

кого теоретического конструкта, как «социальное действие» с целым рядом сопутствующих понятий, вторая – за счет разработки методологии «понимающей социологии».

Полагая, что история и общественная жизнь складывается из множества различных отношений, Вебер отмечает, что «не все типы взаимоотношения людей носят социальный характер», а это означает, что не все они являются предметом социологического исследования. Этот социальный характер может быть выявлен только при помощи такого понятия, как «социальное действие», которое «являет собой... центральную проблему» социологии [1, 627]. И, кратко характеризуя это действие, Вебер отмечает: «...социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [1, 626]. Сразу же можно отметить, что заявка на новое осмысление социальности вновь обращается к психологии, ибо «ориентация», конечно же, имеет сознательный или психологический смысл, а это, так или иначе, обрекает новую концепцию на повторение старых ошибок, свойственных многим концепциям психологизма.

Поясняя свою мысль, Вебер отмечает, что факт столкновения двух велосипедистов не является социальным. Ибо это чисто случайный (технический) акт. Но когда эти велосипедисты начинают выяснять отношения друг с другом, вот тогда эта ситуация приобретает характер социального явления, или, как считает мыслитель, «социального действия». Нелепость этого утверждения с очевидностью проступает тогда, когда раздвигаются рамки такого столкновения. Выходит, что если в военном столкновении сошлись два государства, то это столкновение не будет считаться социальным явлением. Таковым оно сможет стать только тогда, когда воюющие стороны сядут за стол переговоров или переведут борьбу в русло идеологического противостояния, с чем вряд ли можно согласиться.

С тем, чтобы еще яснее определить суть «социального действия», Вебер расширяет рамки его анализа, определяя характеристику всех типов действия, которые могут иметь место в практике человека, но лишь одно из них в полной мере может быть отнесено к подлинно социальному действию. Но и в этом случае психологизм не ослабевается, а лишь усиливает свое проявление. По этому поводу он пишет: «Социальное действие подобно любому другому поведению, может быть: 1) *целерациональным*, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) *ценностно-рациональным*, основанным на вере в безусловную-эстетическую, религиозную или любую другую – *самодовлею-*

щую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) *аффективным*, прежде всего *эмоциональным*, то есть обусловленным аффектами и эмоциональными состояниями индивида; 4) *традиционным*, то есть основанным на длительной привычке» [1, 628].

То, что здесь речь идет о всех типах действия, свидетельствует начальная часть этой цитаты. А также тот анализ каждого типа, который Вебер начинает с традиционного, сравнивая его с вышестоящими типами. Так, он отмечает: «Чисто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию на самой границе, а часто даже за пределами того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием... В ряде случаев этот тип приближается к типу № 2» [1, 628]. Аффективное действие «также находится на границе и часто за пределами того, что «осмысленно», осознанно ориентировано» [1, 628].

Иначе говоря, это действия, которые осуществляются как бы произвольно, как некие автоматические акты поведения, не имеющие серьезной рациональной подоплеки, поэтому выходящие за рамки собственно социального действия, но их психологическая основа сохраняется.

Что касается ценностно-рациональных действий, то они хотя и имеют свою рациональную систему, но предполагают наличие неких ментальных штампов, усвоенных ценностей, которые также заставляют человека действовать в определенном смысле автоматически. Это такие действия, которые человек предпринимает, следуя «своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода» [1, 629].

Все эти типы поведения могут соседствовать, переплетаться с социальным действием. Но последнее все же имеет свою отличительную характеристику. Здесь лучше всего снова обратиться к авторскому тексту. «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действия, кто рационально *рассматривает* отношение средств и цели к побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно» [1, 629]. Авторская мысль здесь выражена столь ясно, что не требует каких-либо дополнительных комментариев. Но что следует из этих авторских рассуждений. Во-первых, то, что за скобки социальных действий выносятся широкий круг таких явлений и событий, которые не основываются на сознательном целеполагании. Тем самым они как бы выпадают из сферы социального познания, хотя и составляют большой объем обще-

ственной жизни. Поэтому такая трактовка социального действия приводит к явному обеднению объекта и предмета социологического познания. Во-вторых, обнаруживается двойная интерпретация данного понятия. В одном случае социальное действие мыслится как столкновение двух (и более) интересов, а в другом – как проявление целеполагания, что возвращает социологию к индивидуально мыслящему субъекту, ибо цель всегда рождается в отдельно взятой голове. Тем не менее Вебер стремится сохранить дух коллективности социального действия. С его точки зрения, для характеристики социального действия недостаточно указать на его рациональный характер. Нужен определенный ансамбль рационально действующих индивидов, как минимум, состоящий из двух человек (чем-то эта идея напоминает мысль Тарда о взаимодействии двух человек как исходном элементе социального отношения). Наличие взаимосвязи двух и более индивидов позволяет сформировать такую социологическую категорию, как «социальное отношение». Именно эта категория, по мысли Вебера, позволяет перейти от социально действующего индивида к таким социальным структурам, как «брак», «сообщество», «церковь», «государство» и т. д. Вебер следующим образом характеризует эту категорию: «“Социальным отношением” мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это. Следовательно, социальное отношение полностью и исключительно состоит в *возможности* того, что социальное поведение будет носить доступный (осмысленному) определению характер» [1, 630]. Нетрудно заметить, что и здесь проявляется дух психологизма как предпосылка создания человеческих объединений. На самом же деле социальные отношения формируются автоматически в тех коллективах, которые возникают либо стихийно, либо на почве формальных объединений. Примерами таких отношений, по Веберу, могут быть: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, выполнение соглашения или отказ от него, соперничество или солидарность действующих лиц. Все эти и подобные им отношения и составляют социальный аспект человеческих действий. По мере усложнения структуры этих действий, по мере того, как в систему включается все большее и большее число людей с их индивидуальными целями и ценностями, происходит их обобщение и идентификация, что и создает базу для образования социальных институтов, в том числе и государства. Тем самым преодолевается дюркгеймовский социальный реализм, который заменяется новой формой социального номинализма и новым проявлением договорной теории происхождения государства. В частности, Вебер пишет: «...мы будем считать рациональным идеальным

типом объединения в общество «целевой союз», то есть общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, целерационально принятыми *всеми* участниками на основании общего согласия» [1, 515]. Ясно, что «целевой союз» может быть создан только в результате сознательной деятельности человека, а это и есть проявление психологизма при объяснении социальных явлений.

Далее Вебер, уточняя ментальную природу социальных действий, анализирует такие понятия, как «нравы» и «обычаи». «Фактически, – пишет он, – существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть *нравами*, в том случае, если... их существование внутри определенного круга людей объясняется *просто* привычкой. Нравы мы будем называть *обычаями*, если фактические привычки *укоренились* в течение длительного времени» [1, 634].

Все рассмотренные понятия призваны, по мнению Вебера, раскрыть «проявление единообразия в социальном поведении». Причем «единообразия» не стихийного, а основанного на рациональных предпосылках. Нормально функционирующее общество, по мнению Вебера, предполагает в полной мере реализацию целерациональных действий. Сама структура и развитие общества предстают как возрастание разумной деятельности человека, целью которой является установление согласия и порядка. Здесь также циркулирует идея о договорной природе общества и государства. Заключая эти рассуждения о рациональной основе человеческих действий и о роли индивида в истории и общественной жизни, Вебер предлагает свое определение общества: «Действия, которые по своему субъективно *усредненно* предполагаемому смыслу свидетельствуют о наличии “соглашения”, мы называем в отличие от “общественных действий”, ориентированных на это согласие, действиями, объединяющими в общество» [1, 516].

Таким образом, общество, его возникновение и функционирование предстает как результат социальных действий индивидов и тех социальных отношений, которые устанавливаются между ними в структуре групп, общностей и институтов на рациональной основе. Причем эти отношения (если они носят рациональный характер) и должны обеспечить социальный порядок. Нетрудно заметить, что предлагаемая Вебером формула социальности выражает развитие общества в его норме. Но беда в том, что эта «нормальность» отнюдь не всегда присутствует в истории общества, что в ней достаточно много и аномальных явлений, никак не связанных с разумно-целесообразной деятельностью человека и представляющих социальность в несколько иной плоскости.

Определив подобным образом природу общества, Вебер далее характеризует его классовую стратификацию, структуру власти, роль бюрократии в системе управления и роль религиозных институтов, явно или неявно вступая по этим вопросам в полемику с Марксом и Дюркгеймом. На базе этой «онтологии» предпринимается и попытка нового определения методологической базы социального познания.

Свои методологические идеи Дюркгейм развивает на базе таких понятий, как «объективность», «ценность», «причина», «объяснение», «понимание», «идеальный тип». Прежде всего он попытался преодолеть наивную веру людей в абсолютную объективность научных теорий и текстов. Уже в его время даже в области естествознания стала с очевидностью проявляться мысль об относительной ограниченности научного знания. Идеи Юма, Канта, Маха и Авенариуса воплотили эту мысль в философские конструкции агностицизма и релятивизма. К этому добавлялись и новейшие открытия в физике, которой пришлось преодолевать каноны механистического истолкования мира, прибегая к помощи релятивизма, и нового, вероятностного истолкования физических явлений.

Что же касается социального познания, то здесь особенно часто приходилось наблюдать смену идей, теорий, концепций и даже целых парадигм, фиксировать особую противоречивость этих теорий как в их онтологическом, так и в методолого-познавательном смысле. Понять Вебера можно, если учесть, что он стремился преодолеть засилие в научном мышлении груза застывших понятий и замкнутых теорий. В его время таких в общественном познании было достаточно много. По-своему понимая диалектику, он попытался доказать изменчивый и релятивный характер подлинно научного знания, что особенно важно, с его точки зрения, в рамках исторического и социологического исследования.

Прежде всего он попытался (уже который раз в науке) четко определить рамки социально-научного познания. Решая эту задачу, он исходил из предположения о том, что наряду с общим изучением общественной жизни «всех стран» необходимо создать такое социальное учение, которое содействовало бы воспитанию «способности суждения о *практических проблемах*» современного общества с точки зрения их критического анализа. Но сам этот анализ тесно связан с возможностью правильного выбора оценочных суждений, с возможностью определить и «занять определенную ценностную позицию».

Ценностные идеалы окружают человека со всех сторон, они могут быть как практически полезными, так и весьма вредными. Поэтому важно, чтобы люди имели возможность критически оценивать эти ценности и выби-

рать только полезные. Для этого и нужна, новая, рационально значимая социальная наука. Наша наука, отмечает Вебер, занимающаяся институтами и процессами культуры, «исторически вышла из практических точек зрения». Ее ближайшая и единственная цель состоит в разработке «оценочных суждений об определенных политико-экономических мероприятиях государства». Она является «техникой» в том же смысле, каковой «в области медицины являются клинические дисциплины» [1, 346]. Иначе говоря, Вебер предлагает отказаться от рассмотрения социологии в качестве общей (философской) науки и перевести ее в ранг социально-технологического знания с правом критики «социально-политической практики вплоть до факторов законодательного характера» [1, 345].

При этом сам ученый, по его мнению, должен оставаться политически нейтральным с тем, чтобы строго придерживаться принципа научности. Он должен научить других людей критически относиться к чужим и своим поступкам, желаниям и помыслам. С этих позиций и определяется понятие «объективность», которое Вебер постоянно берет в кавычки. Объективность научного знания означает не его истинность, а всего лишь отрешенность исследователя от партийных пристрастий и господствующих ценностей. Это, конечно, не означает, что социальная наука не должна отстаивать определенные социальные идеалы и ценности, она лишь должна быть партийно нейтральной. «Постоянное смещение, – пишет Вебер, – научного толкования фактов и оценивающих размышлений остается... самой распространенной, но и самой вредной особенностью исследований в области нашей науки» [1, 356].

На этой основе выкристаллизовывается весьма специфическое представление об объективности социального знания. Объективность познания сводится к направленности научного интереса. По мнению Вебера, то, что приписывается предмету в виде его качества, есть лишь проявление человеческой мысли. «Качество явления, – пишет Вебер, – позволяющее считать его “социально-экономическим”, не есть нечто, присущее ему как таковому “объективно”. Оно обусловлено направленностью нашего познавательного интереса, формирующегося в рамках специфического культурного значения, которое мы придаем тому или иному событию в каждом конкретном случае» [1, 360]. В данном случае Вебер от психологизма в трактовке социального действия переходит к психологической характеристике самого социального познания.

Объективность в такой интерпретации приобретает весьма специфический смысл. Это понятие выражает у Вебера не обусловленность зна-

ния объектом отражения, а некую логическую «чистоту» самого знания. По этому поводу он пишет: «В основе деления наук лежат не “фактические” связи “*вещей*”, а “мыслительные” связи *проблем*: там, где с помощью нового метода и исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открываются новые точки зрения, возникает новая наука» [1, 364].

В этом плане он вновь подчеркивает ту мысль, что отождествлять социологию с объективностью естественнонаучных дисциплин нет смысла, так как это ведет к искажению сущности социального познания, которое стремится не столько к установлению законов (как это имеет место в естественных науках), а к установлению «*значения*», которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определенных *единичных* связях» [1, 378]. Это значение, по мысли Вебера, связано с «субъективными» предпосылками социального действия. Поэтому суть этого действия необходимо изучать (и объяснять) не по внешним признакам его проявления, а по внутренним мотивам.

Для раскрытия этого мотива, как полагает Вебер, одновременно используются логические и психологические средства познания. С логической точки зрения познание социальных действий должно опираться на особые структуры, обозначаемые Вебером понятием «идеальный тип». С психологической – объяснению должна предшествовать операция «понимания». С помощью понятия идеального типа решается, в общем-то, традиционная логическая проблема соотношения единичного и общего, эмпирического (фактического) и теоретического в познании. При этом нельзя, конечно, не заметить, что решается она с тщательно завуалированным идеологическим подтекстом, состоящим в явном стремлении опровергнуть все «наивные» теории, авторы которых верили в объективный смысл общих понятий и своих теоретических построений. По Веберу, получается, что такие понятия, как, например, «капитализм», «феодализм», «протестантизм», «католицизм», «церковь», «секта», «религия», «класс», «эксплуатация» и т. д., представляют собой всего лишь «аналитические конструкции», логические метки, которые могут организовать исследование, направить его в определенное русло, но сами по себе не отражают социальной реальности. Они должны быть предметно и этически нейтральны. Поэтому, определяя задачи своего исследования, он в духе кантовской традиции ставит вопрос: «Каково значение *теории* и образования теоретических понятий для познания культурной действительности?» [1, 383].

С этой целью и вводятся понятия идеального типа и интерпретирующего объяснения. «Идеальный тип, – пишет Вебер, – не “гипотеза”, он

лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и *изображения* действительности, но представляет для этого односторонние средства выражения» [1, 389].

Получается так, что общие понятия (каковыми и являются идеальные типы, или аналитические конструкции) выступают не как средство описания реальности, а всего лишь как логический инструмент познания. Но если этот инструмент отрывается от реальности (приобретая всего лишь аналитический смысл), то возникает сомнение в его познавательной продуктивности. Так или иначе, утверждается мысль о том, что знание само по себе творит знание, идеальные типы в социальном познании заменяют собой научные законы и являются связующим материалом эмпирических данных, неким эталоном, позволяющим оценить реальные явления как в истории, так и в социологии. Но указав на инструментальный характер идеальных типов (т. е. общих понятий), Вебер ничего не говорит о том, какими же средствами описывается объект исследования, что является формой выражения знания.

Универсальным идеальным типом для самого Вебера выступает понятие «целерациональное действие». Именно на базе этого понятия строится веберовская трактовка «понимания» как средства познания социальных явлений. На этом же строится и определение социологии как науки, «ориентированной на *интерпретирующее* понимание социального поведения, на объяснение его причин, проявлений и следствий».

Если у Дильтея и его последователей понимание реализуется за счет интуиции, которая противопоставляется причинно-следственному объяснению, то у Вебера – это первый шаг на пути установления причинных связей. Поэтому здесь важна не интуиция, а способность исследователя проникать в субъективный мир действующего актора. Этому должно помогать чувство сопереживания, умение поставить себя на место действующего человека. Это понимание внутреннего мира действующего индивида позволяет приблизиться к раскрытию причинно-следственных связей. Поэтому, с точки зрения Вебера, понимание и причинно-следственное объяснение не выступают антиподами, а в значительной степени дополняют друг друга. «Преимущество интерпретирующего объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, достигается, правда, за счет большей гипотетичности и фрагментарности полученных выводов, но тем не менее именно оно является специфическим свойством социологического познания» [1, 617]. Разумеется, как достигается такое «сопереживание», у Вебера не прописывается, остается опять же уповать только на авторскую интуицию и некий творческий потенциал исследователя.

Таким образом, в логическом плане анализ социальных явлений осуществляется за счет их сравнения с идеальным эталоном, в качестве которого выступают идеальные типы (или теоретические конструкты). «В социологическом исследовании, – пишет Вебер, – объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонение от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения – непосредственная задача социологии» [1, 624]. С точки же зрения психологии познания важно вникнуть в мотивы человеческих действий, которые и являются индикаторами того, что действие действительно является социальным, заключая в себе рациональный смысл.

Вебер полагал, что необходимо очистить исследование социальных явлений от ценностных суждений и установок. Допуская возможность таких установок при выборе предмета исследования, Вебер полагал, что необходимо полностью освободиться от них в процессе интерпретирующего понимания и объяснения. В данном случае мыслитель хотел сделать социальную науку идейно нейтральной, полагая, что она не является даром пророков и провидцев, проповедующих священные ценности и откровения, ничего не должно быть в ней от созерцательных размышлений мудрецов и философов о смысле жизни и мироздания. Социальная наука, по его мнению, должна быть конкретной наукой о социальных реалиях, свободной от всяких предтеоретических и идеологических установок. Напомним, что эти же проблемы пытались разрешить и все предшествующие теоретики социологической мысли. Парадокс, однако, заключался в том, что отрицание идеологии также приобретало характер идеологии, что давало повод для новой волны критики сложившихся теорий. Особо острой оказалась эта критика в социологическом учении В. Парето.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ФАКТ» В КАЧЕСТВЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Необходимость совершенствования научного познания постоянно ставила перед философией задачу тщательного изучения его логической структуры, гносеологических функций и методологических оснований. История донесла до нас попытки многих мыслителей раскрыть тайны научного

творчества, установить критерии истинного знания, его отличия от предрассудков и заблуждений, пустых мнений и надуманных гипотез, предметов различных верований. Постепенно в науке утвердилось мнение о том, что основанием истинного знания являются факты науки. В настоящее время, какой бы стиль или метод исследования ни господствовал в науке, какую бы философию ни предпочитали ученые, никто из них не решится поставить под сомнение необходимость фактов и опытных данных при формировании научных гипотез и теорий. Факты действительно являются основанием науки, тем фундаментом, на котором зиждятся все конструкции научного знания. Как отмечал И. П. Павлов, «факты – это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши “теории” – пустые потуги» [1, 50].

Однако отнюдь не сразу понятие «факт» стало использоваться в науке в его современном значении. Наука прошла долгий путь в своем развитии, прежде чем в ней утвердилось представление о факте как об основании научного знания. «Идея приоритета, – пишет А. Роджеро, – которым должны пользоваться в науке “упрямые факты”, была отнюдь не очевидна. Для ее возникновения необходима была целая перестройка в системе мышления, связанная с утверждением познавательной установки на исследование природы “самой по себе”, с новым представлением об истине и условиях ее постижения» [14, 131]. Объясняется это тем, что в науке и философии долгое время господствовал платоновский идеал умозрительного постижения вещей. Беспредельное господство платоновского рационализма отодвигало как бы на задний план возможности эмпирического познания. Но при всей значимости рационализма для науки он утрачивал свою познавательную потенцию и, будучи оторванным от опытных данных, оказывался в тенетах своих собственных спекулятивных построений. В свое время обратив внимание на эту черту познания, Ф. Бэкон не без горечи констатировал, что «ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, приเมшивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде» [2, 19].

Идеалы абстрактного мышления, разработанные представителями античного идеализма, в средние века приобрели гипертрофированную форму, найдя свое прибежище в схоластике и теологии. Схоласты, как отмечал В. Соколов, «рассуждали не о конкретных фактах природы и человеческой действительности, а о божестве и его свойствах, а также о других сверхъестественных и сугубо отвлеченных предметах. Если и можно было рассчитывать на их постижение, то такая возможность открывалась отнюдь не на пути чувственного восприятия, а только на пути отвлеченного понятия,

отсюда крайняя умозрительность схоластической философии, которая и находила свою наиболее адекватную форму в реализме понятий» [15, 140].

Борьбу за очищение разума от сверхъестественных сущностей начали номиналисты. Поставив под сомнение объективность общих понятий, номиналисты явно или неявно подрывали господствующую идею бога как в официально христианской, так и в пантеистической формах ее выражения. Со своей стороны, сторонники аверроизма, а затем и деизма, не отрицая в принципе идеи бога, стремились отстоять самостоятельный статус научного познания, независимость природных явлений от сверхъестественных сущностей. При всем различии этих направлений им было присуще глубокое внутреннее единство, состоящее в том, что они начали борьбу за новый идеал истинного познания, ориентированный на естественную природу вещей и чувственный опыт человека. С точки зрения наиболее яркого представителя номинализма – Уильяма Оккама, общее не существует реально, это свойство фиксируется лишь в языке, выступая как общее имя определенного класса предметов.

Познание, по У. Оккаму, начинается с чувственного созерцания, затем переходит к интуитивному созерцанию. На этом этапе осуществляется первичная рациональная обработка чувственных данных – предмет мыслится конкретно, во всей полноте присущих ему свойств. Следующий шаг связан с абстрактным познанием. На этом этапе индивидуальность предметов отступает на задний план. Они начинают мыслиться вне их конкретности. Именно на этой стадии и формируются понятия как общие имена сходных предметов. Подобным образом У. Оккам стремился преодолеть наивные представления реалистов о якобы самостоятельном существовании сущностей, выразителями которых и выступают понятия. Он призывал отбросить бесплодные споры о мнимых сущностях и перейти к изучению конкретных предметов природы. Знаменитая «Бритва Оккама» явилась воплощением нового познавательного идеала. «Она, – пишет В. Соколов, – становилась лозунгом эмпиризма, острие которого было направлено против умозрительно-реалистической схоластики. Она отменяла, например, все тонкие формальности, которые умножали скотисты, полностью устраняла реальность различия сущности и существования, без чего была немыслима онтология томизма. Вместе с тем данная “бритва”, отсекавшая и другую словесную “мудрость”, претендовавшую на сугубо онтологическую роль, переводила проблему истинности из плана онтологии в план гносеологии» [15, 412]. Таким образом, номинализм, с одной стороны, выступал против реалистов и схоластических идеалов познаватель-

ной деятельности, а с другой стороны, отстаивал новый идеал истинного познания, основанный на рациональном осмыслении чувственных данных, содействуя тем самым утверждению традиций эмпиризма.

Начиная с эпохи Возрождения объем позитивной информации в обществе стал неуклонно нарастать. Этому содействовали как развитие самой науки, так и социально-экономические процессы, происходящие в европейском обществе, связанные с утверждением новых капиталистических отношений. С одной стороны, происходит расширение сферы капиталистического влияния как в самой Европе, так и вне ее. С другой стороны, осуществляется интенсификация производства, изменяется его энерговооруженность и техническая оснащенность. Все это содействовало тому, что возникла необходимость в детальном и объективном изучении явлений природы. Эпоха Великих географических открытий; успехи медицины, ботаники и зоологии; появление новых наук (например, таких как палеонтология и эмбриология); изобретение новых приборов наблюдения (телескоп, микроскоп) – все это неизмеримо увеличивало приток позитивной информации о мире, которая требовала своего осмысления, обобщения и систематизации. Все это содействовало утверждению новых идеалов истинного познания, ориентированных на получение и обработку эмпирических данных.

Ученые стали ориентироваться не на абстрактные рассуждения, а на опыт и чувственные данные, на измерение и математические средства анализа. Выразителем этих тенденций и стал эмпиризм (в начальной стадии своего развития), основы которого были сформулированы Ф. Бэконом, ставшим, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, настоящим родоначальником английского материализма и всей экспериментальной науки. «Бэконовский метод» получил широкое распространение в науке. Многие естествоиспытатели явно или неявно отдавали ему предпочтение. Систематика, основанная на обработке фактического материала, становится средством построения научного знания. Появляются классические образцы ее воплощения в науке, такие, например, как «Система природы» К. Линнея, «Флора Франции» Ж. Ламарка, «Основы геологии» Ч. Лайеля и им подобные.

Следующим шагом развития научного знания явился переход от систематики к построению обобщающих теорий, в которых раскрывались общие принципы и законы природных явлений на базе большого количества эмпирических данных. Таковыми стали, например, теория клеточного строения организмов Т. Шванна и М. Шлейдена, эволюционная теория Ч. Дарвина, периодическая система химических элементов Д. И. Менделеева и ряд других теорий. В этих условиях такие понятия, как «закон»,

«принцип», «гипотеза», «теория» и т. д., становятся символическими выразителями подлинно научного знания, определяют характер его логических операций. Но при всей важности этих форм научного познания они теряют свой смысл, если утрачивают связь с эмпирическим базисом науки, связь с исходными фактами научного исследования.

Постепенно факт становится как бы главным действующим лицом науки, критерием самой научности. К нему обращают свои взоры не только ученые, но и политики, не только представители естествознания, но и представители общественных наук. Индуктивисты и дедуктивисты, эмпирики и рационалисты, по-разному оценивая роль фактов в науке, никогда уже не оспаривали саму его необходимость. Ибо без фактов невозможно было вести речь об истинном познании. Он стал представляться таким элементом знания, истинность которого легко поддается проверке и всеми признается. Сколь бы убедительной ни казалась теория, она необходимо должна была согласовываться с фактами. В противном случае она утрачивала свою научную значимость.

Таким образом, долгий период борьбы с теологией и схоластикой заканчивается выработкой наукой своих собственных критериев истинного знания, новых идеалов опытно-рационального познания. Поиск фактов, их обобщение, классификация и систематизация, причинное объяснение и выводение на этой основе общих закономерностей, взаимное согласование эмпирических и теоретических положений – все это стало необходимым требованием развития научного знания. Факт становится своеобразным символом истинного познания, тем эпицентром, к которому стягивались все нити научно-познавательной деятельности. Однако в науке складывается весьма парадоксальная ситуация. Суть этой ситуации состоит в том, что ученые на этапе зарождения естествознания, широко используя понятия опыта и наблюдения, отнюдь не сразу обратились к понятию «факт» для обозначения эмпирической основы науки. Чаще всего для этих целей они пользовались такими понятиями, как «пример», «случай», «событие», «явление», «опыт» и т. д.

В настоящее время понятие «факт» постоянно используется в научном лексиконе. И кажется, что оно всегда присутствовало в языке науки. Однако это не совсем так. Возникает вопрос, когда и каким образом понятие «факт» стало использоваться в науке в качестве методологической категории.

С этой целью необходимо обратиться к первоисточникам и осуществить их контент-анализ.

В качестве таких источников могут быть отдельные тексты представителей научной и философской мысли XVI–XVIII вв. Еще в догалилеевский

период (который можно считать отправным пунктом развития опытно-теоретического естествознания) исследователи много внимания уделяли такому явлению, как магнетизм, о котором людям хорошо было известно еще с античных времен.

Большое значение в этом плане имела работа английского исследователя В. Гильберта «О магните, магнитных телах и о большом магните – Земле», которая вышла в свет в 1600 году. Тщательный анализ этого сочинения, переведенного на русский язык и напечатанного в Москве в 1956 году [4], показывает, что понятие «факт» в нем не используется. Это тем более удивительно, что данное произведение представляет собой классический образец опытного исследования. В нем обобщаются данные предшествующих исследований и описываются собственные авторские опыты с магнитными телами. Благодаря этим опытам автору удалось сформулировать общий вывод о том, что и Земля является большим шарообразным магнитом, что весьма впечатлило современников этого открытия, а Галилей назвал его «достойным удивления». Но если понятия «факт» нет в сочинении Гильберта, то, возможно, оно появилось сразу же вслед за этим произведением, явившимся образцом опытного исследования и во многом определившим его методологию.

Однако и от этого предположения приходится отказаться, так как и много лет спустя ученые все еще остаются равнодушными к этому понятию, хотя спорадически оно уже и начинает появляться в научных текстах.

Характерно, что и в сочинениях М. В. Ломоносова, творившего полтора века спустя, не встречается это слово, хотя вполне в современном духе используются такие понятия, как «опыт», «наблюдение», «гипотеза», «теория» и т. д. При этом не следует забывать, что М. В. Ломоносов воспитывался на лучших традициях европейской науки, свои сочинения писал на латинском языке и не мог не усвоить сложившихся научно-языковых стандартов. Удивительно то, что не только в естественнонаучных, но и в исторических сочинениях этого ученого отсутствует понятие факта. Видимо, и в его времена это понятие все еще оставалось обыденным термином и не использовалось в научных трактатах. Поэтому явной натяжкой представляются слова некоторых советских авторов о том, что «как ученый М. В. Ломоносов понимал, что без фактов, наблюдений и экспериментов не может быть никакой науки», что «наука не может ограничиться собиранием фактов», что она движется «от фактов к законам» и т. д. [6, 22].

Отклонение от истины в данном случае проявляется в том, что сам М. В. Ломоносов никогда не пользовался словом «факт» для выражения эмпирической основы своих исследований. Выражая свое методологиче-

ское кредо, он, в частности, писал: «Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением» [9, 125]; «Из наблюдений устанавливать теорию, через теорию исправлять наблюдения – есть лучший способ к изысканию правды» [10, 163]. Поэтому слова о фактах в сочинениях М. В. Ломоносова могут служить ярким примером известной модернизации старых текстов.

Отмечая отсутствие слова «факт» в сочинениях М. В. Ломоносова, нельзя не заметить, что уже в конце XVIII в. оно становится весьма популярным среди ученых. Поэтому, ограничивая рамки поиска этим столетием, можно попытаться установить более точные сроки его проникновения в науку. Если для этой цели сравнить творчество близких по научным интересам ученых XVIII в., например К. Линнея и Ж. Ламарка, то можно установить отсутствие слова «факт» у первого и достаточно широкое его использование у второго. Ж. Ламарк творил во второй половине XVIII в. Скорее всего, именно в этот период и утверждается в науке понятие «факт» в качестве методологической категории. Из обыденно-юридической категории оно превращается в специальный термин, обозначающий исходный элемент научного познания. А о том, что это понятие было хорошо известно широкому кругу людей, говорит тот факт, что оно восходит к латинскому слову «factum», обозначающему «поступок», «совершенное действие». Интересно, что в рассматриваемом нами значении в латинском языке использовалось слово «res», а не «factum».

Этимология указывает на тесную связь этого понятия с практической деятельностью человека. Первоначально оно имело чисто технологический смысл, выражая конкретные результаты человеческих действий. В силу того, что действия человека и его результаты тесно связаны между собой, установилась практика связывать действия человека и его результаты, что особенно необходимо было в юридической практике, где люди не всегда объективно оценивали свои и чужие поступки. Поэтому понятие «факт» (содеянное) с древнейших времен использовалось в юридической практике для того, чтобы проводить четкую грань между реальными поступками и их словесным оформлением.

Кроме того, и в античности, и в современных европейских языках слово «факт» предполагает много различных смыслов, т. е. отличается своей многозначностью. Так, например, в английском языке это слово кроме своего основного значения предполагает еще и такие, как «событие», «явление», «обстоятельство», и даже такое далекое от его основного значения, как «сущность». Видимо, эта многозначность и не позволяла использовать

его для обозначения реальных явлений природы как исходных эмпирических данных. Для этой цели ученым служили такие понятия, как «опыт» и «наблюдение» в их результирующих значениях. Однако постепенно оно все же начинает внедряться и в сферу научного познания.

Установив хронологические рамки превращения понятия «факт» в научно-методологический термин, необходимо теперь обратиться к выяснению тех обстоятельств, которые содействовали этому превращению. Ответ на этот вопрос дает анализ философских текстов, так как именно благодаря философии обыденное понятие факта, которое чаще всего использовалось в юридической практике, приобретает методологический характер и широко начинает использоваться в научном лексиконе. Дело в том, что философская рефлексия сознания и познавательных актов не ограничивается только изучением основ научного мышления. Эта рефлексия предполагает более широкий духовный контекст. Философия интересуется тем, как познание проявляется в таких сферах, как искусство, политика, мораль, мифология, религия, как сочетаются в познании реальное и абстрактное, частное и общее, эмпирическое и теоретическое.

Все это позволяет составить более широкую картину мыслительно-познавательной деятельности, которая затем вновь адаптируется в науке. Благодаря такому широкому подходу к процессу познания в философию втягиваются новые языковые конструкции, новые понятия, в том числе и обыденного языка. Получив философскую переработку, такие понятия приобретают новое гносеологическое и методологическое значение, что и содействует их проникновению в структуру научного знания. Поэтому философия не только отражает особенности развития научного языка, но и широко участвует в его формировании, что и прослеживается на примере утверждения факта в качестве методологической категории. С этой точки зрения особый интерес представляет анализ философских текстов основоположников английского материализма. Такой анализ позволяет установить: 1) первые шаги проникновения понятия «факт» в язык философии; 2) стихийное придание ему методологического значения.

На первые шаги проникновения данного понятия в область философского знания указывают следующие обстоятельства. Во-первых, редкие случаи его употребления основоположниками эмпиризма. Во-вторых, указания самих авторов на то, что данное понятие взято извне научной сферы. В-третьих, его связывают не столько достоверным знанием, сколько с рассказом о каком-нибудь событии, что весьма существенно отличает его от современного истолкования. Редкое использование понятия «факт» ос-

новоположниками эмпиризма устанавливается путем простого подсчета их количества в философских текстах. Подобный подсчет действительно показывает, что это понятие не пользовалось особой популярностью у английских материалистов.

Для выражения эмпирической основы научного знания они предпочитали использовать такие понятия, как «опыт» и «наблюдение». Эти понятия вполне заменяли понятия факта, так как использовались не в процессуальном, а в результирующем значении, как данные опыта или наблюдения. Интересно, что изменение в использовании понятия факта прослеживается даже в русских переводах английских материалистов, как бы демонстрируя нарастание интереса к этому понятию, это объясняется тем, что в современном русском языке слово «факт» широко используется в самых разных значениях, включая даже определенные языковые штампы типа: «Об этом говорит тот факт, что...», «Это объясняется тем фактом, что...» и т. д. Наличие таких штампов существенно влияет на характер переводов. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить два перевода одного и того же места из произведения Д. Локка «Опыт о человеческом разуме», сделанные в разное время. Так, в переводе 1960 г. можно прочесть: «Если должно считать за врожденный принцип все то, с чем соглашаются сейчас же, как только услышат и поймут слова, то должны считаться врожденными все хорошо обоснованные наблюдения, опирающиеся на факты и восходящие к общему правилу» [8, 87]. Это же место в переводе 1898 г. выглядит несколько иначе: «Если считать врожденным принципом все то, что встречает признание сейчас же после сообщения и усвоения терминов, то должно признать врожденными все хорошо обоснованные заключения от частных случаев к общему правилу» [7, 33]. Или в другом месте современного перевода читаем: «Если с теми умозаключительными положениями, о которых мы рассуждали в предыдущей главе, фактически выражает согласие не все человечество...» [8, 92]. В переводе же 1898 г. это место выглядит так: «Если с теми умозрительными положениями, о которых мы рассуждали в предыдущей главе, не пользуются признанием со стороны всего человечества...» [7, 39]. Сравнение показывает, что перевод 1898 г. ближе к оригиналу, так как последний в соответствующих местах не содержит терминов «факт» и «фактически», появление которых в переводе 1960 г. диктуется стилистическими особенностями современного языка, допускающими словом «факт» переводить не только английские слова «fact» или «matter of fact», но и такие, как «thing», «particular thing», «event» и т. д., которые чаще всего и встречаются в английских первоисточниках этого периода.

Однако даже с учетом особенностей современного перевода понятие факта у английских материалистов встречается крайне редко, что и дает основание предполагать о первых шагах его внедрения в философские тексты. При этом внедрение сопровождается соответствующими ремарками самих авторов. Так, например, Ф. Бэкон, употребив понятие «факт», тут же считает необходимым отметить: «Как говорят юристы» [1, 115]. Обращаясь к данному понятию, Д. Локк берет его кавычки и также считает нужным подчеркнуть: «Как обычно выражаются» [8, 640]. Эти краткие замечания весьма характерны. С одной стороны, они демонстрируют как бы первые шаги использования понятия в философском контексте. А с другой стороны, сам смысл этого понятия еще не имеет того значения, которое он приобретает в рамках современного методологического исследования.

Особенно ярко специфичность использования анализируемого понятия английскими материалистами проявляется в том случае, когда оно рассматривается в рамках определенного контекста. В тех случаях, когда речь идет об истинном, научном, достоверном познании, как правило, понятие факта не используется. Оно встречается лишь тогда, когда речь заходит о случаях рассказа или о вероятностных суждениях, о некотором проявлении веры и доверия. Например, Ф. Бэкон прямо указывает на то, что «готовность верить и принимать с легкостью что угодно (подчас подкрепленная ложным авторитетом) бывает двух родов в зависимости от объекта веры; ведь верят либо рассказу или факту (как говорят юристы), либо какой-то догме» [1, 114].

По-своему отделяет понятие факта от науки и Т. Гоббс. «Под наукой, – пишет он, – мы понимаем истины, содержащиеся в теоретических утверждениях, т. е. во всеобщих положениях и выводах. Когда речь идет о достоверности фактов, то мы говорим не о науке, а о знании» [5, 235]. Знание здесь рассматривается как низшая обыденная форма познания, которая включает в себя и элементы веры. «Есть много вещей, – пишет Гоббс, – которые мы принимаем на веру на основании рассказов других людей и по отношению к которым трудно себе представить какую-нибудь причину для сомнения. В самом деле, что можно возразить против согласия всех людей относительно фактов, которые они могут знать и для извращения которых у них нет никаких мотивов» [5, 468]. Нетрудно заметить, что факт здесь рассматривается как некое устное сообщение, которое не вызывает сомнения, т. е. воспринимается на веру в силу коллективного подтверждения.

По-своему трактует понятие факта и Д. Локк. Он также говорит о факте, когда хочет подчеркнуть некую его вероятность как несомненность сви-

детельских показаний. «Вероятность, – пишет он, – относится либо к факту, либо к умозрению» [8, 640]; «до сих пор мы упоминали только о таких вероятностях, которые относятся к фактам и таким явлениям, которые доступны наблюдению и засвидетельствованы» [8, 644]; «когда за какой-нибудь факт ручаются совпадающие друг с другом и не возбуждающие подозрения свидетельства, наше согласие также неизбежно» [8, 641]. Эти примеры неопровержимо свидетельствуют о том, что понятие факта использовалось основоположниками эмпиризма в тех случаях, когда речь шла о низших формах знания, обслуживающих не столько научное, сколько обыденное познание. Поэтому факт связывался не столько с опытом и наблюдением как методами научного познания, сколько противопоставлялся им.

Сами же понятия опыта и наблюдения использовались представителями этого направления в тех случаях, в которых современный исследователь воспользовался бы именно понятием факта. Таким образом, на примере творчества английских материалистов XVI–XVII вв. хорошо прослеживается тот момент, когда понятие факта начинает использоваться в философии. Оно несет еще на себе следы обыденного понятия, специально не эксплицируется и не выступает в качестве методологической категории, выражающей специфику научного познания. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых исследователей, которые такую специфику усматривают у английских материалистов.

Например, Л. Мерзон по этому поводу пишет следующее: «Вопрос о факте как исходной категории научного знания ставили эмпирики-материалисты Бэкон, Гоббс, Локк, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Фейербах» [12, 18]. Если это утверждение справедливо для последних, то для английских материалистов оно представляется весьма большой натяжкой, ибо у этих философов оно еще не достигло уровня специальной методологической категории и не использовалось в методологическом контексте. Однако сколь бы редко ни употреблялось понятие факта английскими материалистами, какой бы случайный характер ни носило его употребление, оно тем не менее уже начинает внедряться в философские тексты, стихийно приобретая более широкий гносеологический контекст. А это содействовало его популяризации среди ученых, которые все чаще и чаще начинают использовать его в качестве синонимов таких понятий, как «данные опыта», «результаты наблюдений» и т. д. Этой популяризации содействовало и то обстоятельство, что эмпирики, включая понятие факта в область гносеологических рассуждений, не могли не затронуть и его методологических функций. Анализ текстов английских материалистов позволяет выявить одно-единствен-

ное высказывание, в котором вполне в духе современной методологии говорится о такой функции. В частности, Д. Локк пишет: «Кто не хочет себя обмануть, тот должен строить свои гипотезы на фактах и доказывать их чувственным опытом, а не предрешать факты на основе своих гипотез» [8, 132]. В своей сущности это положение стало лозунгом эмпиризма. Но нас в данном случае интересует сам процесс его превращения из обыденного понятия в методологическую категорию.

Характерно, что и здесь это понятие носит случайный характер. Оно никак не обосновывается. Стоит в таком месте, где речь идет не об опытном познании, а о мыслительных способностях души. Более того, в последующем изложении вообще пропадает слово «факт», к которому Д. Локк возвращается лишь в конце своего произведения. Все это и рождает ощущение случайного высказывания или какой-то более поздней вставки (что отнюдь не является невероятным, если учесть, что основное произведение этого мыслителя создавалось на протяжении почти двадцати лет). Но как бы там ни было, фраза сказана, и главное то, что она имеет глубокий методологический смысл. В ней еще имеются следы старого понимания факта (как достоверного рассказа), однако он интерпретируется уже как часть, как элемент познавательной процедуры, обеспечивающей истинность теоретического знания.

Здесь впервые у эмпириков понятия факта и чувственного опыта не противопоставляются, а взаимно предполагают друг друга. Факт начинает мыслиться не просто как правдивый рассказ, которому можно верить, а как результат опытного (чувственного) познания, с которым так или иначе должны согласовываться теоретические (то есть гипотетические) положения. Понятия факта и опыта (или чувственного познания) начинают взаимно дополнять друг друга, становятся как бы синонимами, что не могло не иметь своих последствий в плане превращения факта в специальный научный термин, который со временем становился все более и более популярным среди ученых. Хотя это высказывание Д. Локка и несет на себе еще следы старого представления о факте, тем не менее ему придается такое значение, которое радикально изменяет его смысл, позволяет представить его как элемент научного познания, как обозначение эмпирической основы науки. Этот методологический смысл понятия со временем стал все яснее и яснее осознаваться учеными, превратившись в основной принцип эмпиризма. В XVIII–XIX вв. это понимание факта становится определяющим в естествознании. Оно многократно, как эхо, повторялось многими ведущими исследователями, отстаивающими принципы эмпиризма

и опытного познания. Но в этой связи возникла новая методологическая проблема, проблема определения факта именно как элемента научного знания и познания.

В XVIII в. анализируемое понятие не только начинает использоваться в научных трактатах в качестве специального термина, но и предпринимаются попытки его истолкования в качестве особого элемента научного познания. Вполне отчетливо эти попытки прослеживаются в сочинениях Д. Юма. И хотя, отстаивая принципы агностицизма и субъективизма в познании, этот философ не смог дать удовлетворительного истолкования объективной основы фактического знания, его рассуждения о природе факта сыграли важную роль в процессе его превращения в методологическую категорию. Со своей стороны материалисты, стремясь раскрыть гносеологическую природу факта, в основном опирались на принципы сенсуализма.

К. Гельвеций по этому поводу писал: «Очевидность – это факт, который доступен нашим чувствам и существование которого все люди могут проверить в любое время» [3, 170]. С этого момента начинается длинная история различных попыток определения сущности факта как исходного элемента научного познания, которая продолжается вплоть до наших дней. Нас, однако, в данном случае интересует не эта история, а само наличие подобных определений, которое служит несомненным доказательством того, что понятие факта действительно приобрело статус специального термина, имеющего важное методологическое значение.

Таким образом, анализ научных и философских текстов позволяет заключить, что только в XVIII в. обыденное понятие «факт» превращается в специальный термин методологического характера. Утвердившись в естествознании в качестве методологической категории, понятие факта стало привлекать к себе внимание и других специалистов: юристов, политиков, историков и, наконец, социологов, которые внесли свои, дополнительные нюансы в осмысление природы факта и его методологической роли. Большое значение для уяснения этой роли имело использование фактического материала в исторической науке. Казалось бы, что история с самого начала только и делала то, что собирала факты и на их основе восстанавливала картины прошлого.

Однако и здесь можно констатировать то обстоятельство, что, изучая явления прошлого, история отнюдь не сразу начала использовать понятие факта в качестве методологической категории. Характерно, что в исторических сочинениях прошлого, вплоть до XVIII в., это понятие встречается

только в тех случаях, когда описывалась история судопроизводства. Что же касается остальных явлений общественной жизни, то при их описании историки предпочитали пользоваться такими понятиями, как «событие», «процесс», «исторический опыт», «исторический пример», «документ», «свидетельство», «архивные данные» и т. д.

Лишь в XVIII в. в истории, как и в науке в целом, начинается складываться представление о факте как о специальной методологической категории. Вырабатывается система специальных рекомендаций, нацеливающих историка на выявление фактов, их интерпретацию и систематизацию.

Увлечение фактом становится столь широким, что оттесняет на задний план чисто теоретические разработки истории. Характеризуя западную историографию, английский исследователь Е. Карр пишет: «XIX век был великой эпохой фактов... Когда Ранке в 1830 году... провозгласил, что задача историка состоит в том, чтобы показать, "что было на самом деле..."», этот не слишком глубокий афоризм имел огромный успех. Три поколения германских, британских и даже французских историков маршировали, повторяя магические слова «*wie es eigentlich gewesen*», как молитву» [16, 9].

Отголоски этого увлечения дают о себе знать и в более поздние времена. Например, в начале XIX в. немецкий историк и методолог Э. Майер писал: «Первой и основной задачей историка является установление фактов, некогда имевших место. Если историк не выполняет этой задачи... то его работа является беспочвенной» [11, 47]. Эти цитаты нам понадобились для того, чтобы показать, что и в обществоведении, в частности в истории, понятие факта начинает обозначать элемент научного знания, вокруг которого разгораются жаркие методологические споры. Дискуссии вокруг проблемы исторического факта привели к тому, что стало переосмысливаться само понятие факта, та его упрощенная трактовка, которая сложилась на основе сенсуалистского эмпиризма, то есть истолкование его как такого фрагмента природы, который многие могут наблюдать и достоверно описывать. Историк не может непосредственно созерцать события прошлого, он их может только реконструировать на основе письменных источников и памятников материальной и духовной культуры. Но такая реконструкция, предполагающая широкую эрудицию и профессиональную интуицию, уже не может выглядеть как чисто эмпирическая операция.

А раз так, то существенно меняются и представления о критериях истинности фактического знания. Здесь уже не срабатывает апелляция ни к чувствам, ни к опыту, ни к многократности наблюдения. Получается так, что не факт обосновывает истинность теории, а наоборот, теория обосно-

вызывает истинность факта, определяет стратегию его поиска и адекватного описания. Проблема соотношения эмпирического и теоретического в истории тем самым превращается в бесконечный ряд операций.

Кроме того, необходимо учитывать еще и то обстоятельство, что в истории не бывает простых, элементарных фактов. Любой факт истории (война, революция, политика правительства, экономические факторы и т. д.) представляет собой сложное образование, включающее в себя множество других составляющих его фактов. Особое значение в общественных науках имеют и так называемые «статистические факты», которые вообще не поддаются никакому наблюдению. Со всеми этими особенностями фактического знания столкнулась и современная физика, связанная с изучением явлений микромира, где также утрачиваются критерии наглядности и где теория зачастую выступает в качестве той направляющей силы, которая указывает пути отыскания новых фактов.

Все сказанное позволяет сделать следующие заключения. Во-первых, понятие факта не всегда использовалось в науке, лишь в XIX в. оно приобрело широкое распространение и классический смысл. Во-вторых, определение этого понятия никогда не было абсолютным и постоянным, оно менялось по мере использования в различных науках. Особое значение этому понятию придавалось в рамках позитивистской методологии. В-третьих, наряду с понятием факта в современной методологической литературе широко используются такие его эквиваленты, как «эмпирические данные», «исходные данные», «первичные сведения», «первичная информация», что расширяет диапазон терминологического обозначения эмпирического базиса науки. Но, так или иначе, проблема факта была и остается важным предметом методологического анализа.

Библиографические ссылки

1. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1970. Т. 1.
2. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1972. Т. 2.
3. Гельвеций К. А. Сочинения : в 2 т. М. ; Л., 1974. Т. 2.
4. Гильберт В. О магните, магнитных телах и о большом магните Земле. М., 1956.
5. Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М., 1976. Т. 1.
6. Копнин П. В. Гипотеза и познание действительности. Киев, 1962.
7. Локк Д. Опыт о человеческом разуме. М., 1898.
8. Локк Д. Избранные философские произведения : в 2 т. М., 1960. Т. 1.
9. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. ; Л., 1950. Т. 1.
10. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. ; Л., 1955. Т. 4.

11. *Мейер Э.* Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. М., 1911.
12. *Мерзон Л. С.* Проблемы научного факта : курс лекций. Л., 1972.
13. *Павлов И. П.* Избранные произведения. М., 1949.
14. *Роджерс А. Н.* Об особенностях становления классической науки // Философские науки. 1975. № 6.
15. *Соколов В. В.* Средневековая философия. М., 1979.
16. *Carr E. H.* What is History. L., 1964.

СОЦИОЛОГИЯ КРИТИКИ

Особенность развития социологии состоит в том, что наряду с общей социологией как единой, интегральной наукой об обществе формируется и постоянно увеличивается количество отраслевых социологических дисциплин. Наряду с такими традиционными отраслевыми дисциплинами, как социология религии, права, морали, управления и т. д., которые в настоящее время приобрели характер классических форм научного исследования, появляются все новые и новые отрасли социологического знания, отражающие самые разные стороны общественной жизни. Для примера можно назвать такие дисциплины, как социология инноваций, гендерная социология, социология знания, языка, чтения, интернета, коммуникации и т. д. И список таких дисциплин продолжает увеличиваться. Видимо, социологический аспект человеческих отношений имеет место во всех сферах общественной деятельности, поэтому частных проявлений социологического знания может быть бесконечное множество. С методологической точки зрения увеличение списка таких дисциплин не вызывает каких-либо возражений и демонстрирует лишь факт расширения познавательного поля социологии. Трудности возникают в том случае, когда авторы той или иной отраслевой дисциплины пытаются представить ее как самостоятельную науку со своим объектом и предметом, со своими методами и функциями. В этом случае приходится сталкиваться не только с плюрализмом социологических теорий, но и с плюрализмом самого социологического знания, что явно приводит к размыванию общих границ социологии, к утрате четких рамок ее предметной области.

Обращаясь к социологическому изучению такого социально-духовного явления, каковым является критика, мы не претендуем на заявку о конструировании еще одной социологической дисциплины, полагая, что общего определения предмета социологии как изучение особых отношений

между социальными субъектами вполне достаточно, чтобы проанализировать еще одну область таких отношений. Свою задачу мы видим в том, чтобы раскрыть ментальную и социальную природу критики как важного аспекта человеческой жизнедеятельности. Показать ее роль в борьбе с пережитками и предрассудками, которые со временем накапливаются в структуре общественного сознания, в политических и правовых системах, представляющих собой своеобразный духовный балласт, сдерживающих темпы прогрессивных общественных изменений. Раскрыть роль критики как необходимого условия развития самого сознания, в особенности таких его форм, как философия и наука.

Начнем с общего утверждения о том, что критика является врожденным свойством человеческого сознания, проявлением его оценочных суждений и творческих способностей. Критикуют все, и критикуется все. Начиная от простейших форм повседневной жизни до высокопрофессиональной деятельности в области философии, науки, искусства и политики простирается поле критической деятельности человеческого сознания. Долгое время при изучении природы сознания в материалистических концепциях доминировала теория отражения. Творческая природа сознания в основном раскрывалась в идеалистических концепциях, в которых особая роль отводилась не столько отражению, сколько субъективному конструированию реальности. Многочисленные элементы духовной культуры могли служить в качестве эмпирического основания как одного, так и второго подхода. Мифология, религия, философия, идеология, литературное творчество вполне укладывались в концепции конструирования. Достижения же естествознания подпитывали концепции объективного отражения. И хотя каждое из этих направлений философской мысли весьма широко использовало приемы критики для обоснования своих положений, сама критика (особенно ее социальная природа) почему-то оставалась вне поля исследовательского интереса. Хотя как проявление творческой деятельности человека она весьма широко представлена в культурно-историческом контексте общественного бытия. Вся история духовного и практического опыта человечества представляет собой поле острого критического противостояния. Поэтому и формируется исследовательская задача ответить на вопросы, что такое критика, что ее порождает, какими способами она осуществляется и какую роль играет в общественном развитии.

В первом приближении можно отметить, что критика представляет собой особое проявление оценочного сознания. В широком смысле слова критика совпадает с самой аналитической деятельностью сознания, в рам-

ках которого разбираются как положительные, так и отрицательные стороны того или иного текста или социального явления (события, действия, поведения). В узком же смысле критика выступает как отторжение чего-либо, как абсолютное отрицание.

Как и любое явление общественной жизни, критический разум может быть исследован с философской, логической, психологической и социологической точек зрения. С позиции социологического подхода изучение этой стороны разумной деятельности человека может быть связано с выяснением следующих вопросов:

- что критикуется (каков объект критики);
- кем критикуется (каков субъект критики);
- как критикуется (каков характер критики);
- чем обусловлена критика (детерминанты критики);
- с какой целью осуществляется критика (телеология критики);
- каковы последствия критики (социальный эффект критики);
- каков масштаб критики (индивидуальный, региональный, глобальный).

На базе этих исходных положений формируются представления о природе критики, масштабах ее проявления и социальном предназначении. Масштаб критики определяется структурной характеристикой социального объекта, подвергаемого критике. Объектом критики может выступать как отдельно взятая личность, группа или общность, так и общество в целом – его политика, экономика, социальный строй и т. д. Иначе говоря, как теоретическая социология подразделяется на макро-, мезо- и микро-социологию, так и критика может иметь макро-, мезо- и микромасштабные формы своего проявления.

С социологической точки зрения особое значение имеет макромасштабное проявление социальной критики. Эта форма критики особенно ярко дает о себе знать в периоды смены исторических эпох, принимая формы острой идеологической борьбы. В рамках такого проявления критики, с одной стороны, складываются и пропагандируются новые идеалы общественной жизни, а с другой стороны, резкой критике подвергаются устои старой жизни. Как правило, социетальная макрокритика не ограничивается разовыми уколами, а приобретает перманентный характер, растягиваясь на годы и даже на столетия. Примерами проявления такой критики могут служить утверждение христианства в борьбе с языческими пережитками, критический дух эпохи Возрождения и Нового времени по отношению к самому христианству и церковно-клерикальной системе,

критика капитализма в эпоху его зарождения и становления с позиции социалистических идеалов, затем последующая критика социалистических нововведений и т. д.

Особым примером социетальной критики может быть ситуация, сложившаяся в России в XIX в. В этот период Европа явно уходит вперед в своем общественном развитии, оставляя Россию позади себя с ее крепостничеством, самодержавием и тоталитарно-креликальным православием. Отечественная война 1812 года, а затем выступления декабристов как бы всколыхнули дремлющий дух россиян. Постепенно начинает складываться критическое отношение к основным устоям общественной жизни, продолжавшееся вплоть до ликвидации самодержавия. Радищев, Пестель, Чаадаев и многие другие мыслители и общественные деятели были зачинателями нового критического отношения к российской действительности, особенно яро выступая против крепостничества и самодержавия, против паразитического образа жизни помещицко-дворянского сословия. Субъективно эта критика подпитывалась чувством ущемленного патриотизма, болью за отечество, которое оказалось на задворках мировой цивилизации. В этом хорошо убеждают следующие слова Чаадаева: «Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода... Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекали без пользы для нас. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его» [2, 41, 47].

Этот дух критицизма стал основным лейтмотивом философской и литературной мысли XIX в. в России. Трудно назвать хоть сколько-нибудь значимое произведение, в котором не проявлялся бы этот дух. Так что можно сказать, что объектом социетальной критики в России в обозначенное время стали основы экономической, политической, социальной и духовной жизни российского общества. Но кто же был зачинателем этой критики, кто выполнял роль ее субъекта на стадии ее зарождения?

Биографический анализ творцов новых социальных идей показывает, что все они были выходцами из дворянской среды (разночинцы начинают влиять на духовный климат России только во второй половине XIX в.). Народ и реальные условия его жизни служили той эмпирической базой, которая давала повод для критики. Сами же критики рождались в среде просвещенного дворянства. Как правило, они имели хорошее образование и были знакомы с образцами западной жизни, которые и служили тем зеркалом, в котором российская жизнь выглядела особенно неприглядно. Личная жизнь самих критиков была весьма не безоблачной, а точнее, вполне трагичной. Достаточно вспомнить судьбу уже названных личностей и жизнь многих их последователей. Причем люди сознательно шли на эти невзгоды, полагая, что хоть как-то смогут улучшить жизнь россиян. Служение идее представлялось более высоким предназначением судьбы, чем благо спокойной семейной жизни. В этой связи можно вспомнить и мученические эпизоды жизни первых христиан, которые никак не могли смириться с антигуманной сущностью рабовладельческого образа жизни. А затем жизнь сторонников свободомыслия уже в преодолении церковно-клерикальных невзгод, как, в равной степени, и судьбы диссидентов нашего времени.

Можно сказать, что сознание социетальных критиков имеет некое сходное устройство. Во-первых, оно схватывает какой-то общий дух времени, состояние общей неустроенности. Каждый человек испытывает (ощущает) эту неустроенность, но не каждый может выразить это состояние в виде общих идей. Видимо, это доступно лишь отдельным личностям, которые могут перейти от домашней (кухонной) критики, к широкому социальному осмыслению невзгод общественной жизни и выразить свои мысли в форме соответствующих коммуникативных средств (философских, научных, литературных или журналистских текстов). Одно время в России особое значение имел эпистолярный жанр. Именно письма имели тот коммуникативный смысл, благодаря которому могли в массовом порядке распространяться передовые идеи. Разумеется, это касалось только просвещенной публики. Интересно, что жанр письма постепенно становится особым видом литературно-творческой деятельности. Для примера можно сослаться на творчество П. А. Лаврова или П. А. Флоренского. А вершиной этого жанра можно считать критический дух «Письма к Гоголю» В. Г. Белинского.

Во-вторых, критический дух, возникнув в сознании человека, захватывал всего человека, становился смыслом всей его жизни. Ибо за критикой

всегда как бы просвечиваются те «светлые» идеи, которые, по мнению их носителей, освещают путь к лучшей жизни людей. Критика становилась как бы добровольным служением прогрессу, родине, человечеству, что придавало личности сверхъестественный смысл, освобождало ее от пут повседневности и в какой-то мере придавало личности особый героический характер. Достаточно в этом плане вспомнить историю жизни Иисуса, Петра, Павла, Кампанеллы, Макиавелли, Лютера, Мюнцера, Сен-Симона, Маркса и многих им подобных личностей, которые жертвовали многим (вплоть до своей жизни) ради устранения изживших себя форм общественной жизни. В-третьих, критическая мысль, выраженная в какой-либо знаковой форме, начинает иррадиировать в общественном сознании, распространяясь, как круги на воде. Тем самым критический дух может стать некоей доминирующей идеей общественного сознания, вербуя все новых и новых адептов. Так критика, зародившись как проявление индивидуального сознания, постепенно приобретает форму общественного сознания, которое, в свою очередь, репродуцирует появление новых поколений индивидуальных критиков. Ибо жизнь никогда не принимает такую форму, которая бы устраивала всех членов общества. Поэтому духовная структура общества в определенном контексте может быть представлена как сочетание критических и апологетических идей, между которыми разворачивается острая идеологическая борьба.

С момента зарождения государства и властных органов, с момента возникновения государственно-сословных привилегий критика всегда выступала оружием политической борьбы, подводя общество к радикальным преобразованиям. Ясно поэтому, что любое правительство, любая власть стремилась обезопасить себя от язвительных стрел общественной критики, формируя свою защитную идеологию. Критика тем самым оказывается основным стержнем идеологии и постоянно провоцируется самой жизнью.

Видимо, этим и объясняется живучесть критики, несмотря на все те невзгоды, которые она несет своим приверженцам. Основная цель социетальной критики в большинстве своем связана со стремлением людей улучшить общественную жизнь, преодолеть консервативные идеи, ее оправдывающие. Хотя такое улучшение не сразу дает о себе знать, так как реальная жизнь отнюдь не всегда укладывается в рамки написанных проектов, тем не менее жажда назревших перемен толкает людей на критику привычных устоев жизни, предвосхищая реальные социальные конфликты и вооруженные столкновения. Своеобразная ситуация сложилась в советском обществе. Придя к власти на волне всеобщей критики (а критиковалось

буквально все: и власть, и правительство, и право, и буржуазная мораль, и старое искусство, и частная собственность, и православие), коммунисты не могли, конечно, волюнтаристски отменить критику как общественное явление. Но вся внешняя критика была объявлена как проявление враждебных сил. Критика же допускалась как самокритика, как проявление критики внутри партийно-советских организаций, притом идущей не снизу вверх, а, наоборот, сверху вниз. Но при таком подходе убивалась всякая критика, ибо нижестоящий член организации ничего уже не мог сказать в адрес вышестоящего. Самокритика превратилась в свою противоположность. Ибо она приобретала форму партийных разносов. Если и допускалась критика в советском обществе, то только в форме идеологического противостояния с Западом. Создав такую охранительную зону вокруг своей власти, коммунисты тем самым оградили себя от притока свежих идей и тем самым создали все условия для загнивания власти на самом высоком уровне, что, очевидно, и предопределило крах советской системы. Власть стала закрытой для критики системой, что в конце концов воплотилось в систему закрытости самого социалистического общества.

Своеобразно реализуется критика в рамках деловых отношений различных социальных организаций от государственных учреждений до отдельных корпоративных образований. Здесь критика проявляется как внешнее воздействие, выступая как выражение конкурентной борьбы. Особую роль в этой критике играют средства массовой информации. Сама по себе эта критика имеет не стихийный, а четко спланированный и организованный характер. Она инициируется специальными службами и руководством организаций. В этом случае критика может принимать характер инсинуаций, наветов, клеветы, утрачивая свое высокое нравственное содержание, превращаясь в форму черного пиара, что иногда дает о себе знать и в сфере научного знания, так как науку также можно представить как корпоративную систему. Здесь критика становится и основным проявлением профессиональной деятельности, и особым проявлением социальных отношений. Творчески-теоретический анализ необходимо включает критику. Она постоянно входит в структуру научно-познавательной деятельности. Это объясняется тем, что новые идеи в науке и философии начинают складываться в тех областях, которые уже получили то или иное научное обоснование и признание. Поэтому преодоление старого в науке всегда реализуется с помощью критики. В данном случае нет необходимости приводить какие-либо примеры, так как вся история науки и философии

фии представляет собой развернутое поле критических баталий. Что же и как критикуется в науке?

Отвечая на этот вопрос в обобщенном виде, можно выделить три основных момента такой критики. Во-первых, критика онтологических основ научно-теоретического знания (выяснение природы явлений, их причин, предполагаемых следствий, законов развития и т. д.). Во-вторых, критика методологической базы сложившегося научного исследования (что объясняется формированием в науке новых практических и теоретических приемов исследования). В-третьих, критический анализ самой природы человеческого сознания (критика эмпиризма, механицизма, субъективизма, агностицизма, релятивизма, догматизма, спиритуализма, скептицизма, мистицизма и т. д.).

Негативные проявления познавательной деятельности были связаны с тем, что в науке накапливались не только позитивные сведения о мире, но и большое количество заблуждений, смысл которых отнюдь не сразу осознавался учеными. Поэтому какое-то время они могли господствовать в науке (например, представления о теплороде, флогистоне, эфире – в физике; представления о витализме и преформизме – в биологии; представления о биологизме и психологизме – в социологии и т. д.). Преодоление научных заблуждений требовало значительных усилий и критического переосмысления сложившихся теорий, что, естественно, затрагивало интересы ученых и влияло даже на их судьбы. Иногда предметная критика требовала более глубокого анализа познавательной деятельности. В этом случае ученый переходил от своего предметного анализа к анализу структуры сознания в целом, к выяснению ментальных основ истинного познания и тем самым переходил в область философской критики. В этом плане достаточно вспомнить творчество Бэкона, Декарта, Лейбница, Спинозы, Канта, Гегеля, Маркса, Конта, Спенсера, Дюркгейма или Вебера, чтобы убедиться в том, что критика основ познания является важной составной частью научно-познавательной деятельности.

Ярким примером такого перехода является научное и философское творчество И. Канта, который критику стал рассматривать как особую науку, которая должна предшествовать всякому научному поиску. В творчестве Канта раскрывается философский смысл самого понятия критики, которая, с его точки зрения, должна выступать как особая наука, как пропедевтика чистого разума. «Такая пропедевтика, – пишет Кант, – должна называться не учением, а только критикой чистого разума, и польза ее по отношению к спекуляции в самом деле может быть только негативной;

она может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений, что уже представляет собой значительную выгоду» [1, 121].

Ни одна теория в науке не защищена от критики. Более того, наличие критики придает теории особый дух «живучести». С одной стороны, критика не позволяет теории превратиться в догму, в набор отживших истин, а с другой стороны, она обогащает теорию как бы свежей кровью, модернизирует ее, придает ей новое современное звучание. Поэтому нет ничего удивительного в том, что критика марксизма на Западе сохранила марксизм для науки в большей степени, чем его догматическое усвоение в перестроечный период вообще ликвидировало марксизм на постсоветском пространстве. Если же вспомнить философские системы Платона и Аристотеля, Декарта, Канта и Гегеля и многих, многих других мыслителей, то с большой степенью вероятности можно утверждать, что они сохранились до наших дней именно благодаря тому, что в немалой степени подвергались самой суровой критике в различные периоды своего существования. Как сейчас принято говорить в рамках неопозитивистской методологии, подвергались активной фальсификации, но, несмотря на это, удерживали свое социальное значение, так как соответствовали глубинным основаниям бытия и здравого разума.

Если рассматривать научную критику с позиции ее повседневного проявления, то можно отметить следующее. Наука делается людьми, а людям свойственны не только положительные, но и весьма негативные психические состояния: злость, зависть, подозрения, подлость, болезненные амбиции, угодничество, желание понравиться начальству и т. д., что вносит в научную среду характер нездоровой критики. Такой характер критики очень часто служит орудием борьбы не с заблуждениями в науке, а представляет собой выяснение отношений между различными научными группировками и кланами в их стремлении сохранить свои привилегированные позиции в науке, служебное положение, приоритеты и т. д. Этот характер может определяться «ценными указаниями» вышестоящих административных органов, быть проявлением закулисных игр и прочих социальных детерминант. В этой связи можно вспомнить критику кибернетики, генетики, да и самой социологии, которая продолжалась долгие годы в период «холодной войны» и предопределила досадное отставание России от передовых стран Запада. Хотя такая критика чаще всего носит разрушительный характер, полностью избавиться от нее в научном сообществе, видимо, невозможно, ибо ученый мир не представляет собой некий изолирован-

ный остров социального мира, а является его составной частью, испытывая на себе особое давление со стороны политиков и идеологов. Поэтому ученый отнюдь не всегда руководствуется в своей деятельности исключительно познавательными целями.

Особая роль критики проявляется в структурах социального познания, где наука и идеология оказываются в почти неразрывном единстве. Поэтому вопрос о необходимости отделения науки от идеологии в области социального познания постоянно находился в поле критического анализа. Идея партийности социального познания, пропагандируемая коммунистами, и западные идеи идеологической нейтральности социологических теорий и концепций, определившие генеральное противостояние позитивистской и марксистской методологии на всем протяжении XX в., представляют собой яркий пример критического осмысления социальной реальности. Если первое рассматривать как проявление догматического мышления, а второе – как проявление плюрализма, то следует признать, что догматизм всегда проигрывает в историческом споре с плюрализмом, ибо догматизм сдерживает развитие творческих способностей человека, особенно в плане проявления критических начал, в то время как плюрализм содействует их свободному проявлению.

В западной социологии XX в. сформировалось особое направление социологической мысли, имеющее ярко выраженный критический дух. Его представители (Ч. Миллс, Д. Рисмен, Э. Фромм, А. Голднер и др.) главной своей задачей считают критику существующих теорий общества, необходимость создания такой социологии, которая не бесстрастно описывала бы социальные явления, а стремилась к радикальному [ее] улучшению общественной жизни. Однако этот дух преобразования низведен с высот макрокритики (что в полной мере свойственно марксизму) на уровень мезо- и микрокритики. Обсуждаются, например, такие вопросы, как отрицательное влияние на формирование личности явлений бюрократизации, урбанизации, маргинализации, глобализации, массовости культуры, иррациональной деятельности толпы, раздуваются пугающие перспективы трагического конца современной цивилизации, всеобщего апокалипсиса и т. д. В рамках такой критики тщательно обходятся самые острые углы общественной жизни, критика приобретает некий схоластический характер: она, вроде бы, и есть, но никого не затрагивает. Ведется такая критика дипломированными профессорами с университетских кафедр или в рамках пристойных академических публикаций. Но и такая критика может иметь свой положительный смысл. В какой-то мере она олицетворяет ло-

зунг Конта – «порядок и прогресс». Так или иначе, критика действительно является мощным фактором развития как науки, так и общества в целом, а ее изучение представляется весьма актуальной и интересной темой в рамках социологического изучения.

Библиографические ссылки

1. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения : в 6 т. М., 1964. Т. 3.
2. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989.

СТИГМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫХ ОБЪЕКТОВ В СТРУКТУРАХ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Пространство не является пустотой, а представляет собой набор связанных друг с другом предметов. Общество также можно представить как определенное социальное (динамическое) пространство, представляющее собой связь людей (и их объединений) друг с другом в постоянном процессе их действий и взаимодействий. Это особая связь – связь-деятельность. Хотя она строится на физико-биологической основе, сущность ее заключается в том, что она имеет деятельно-информационный характер.

Человек живет в информационном пространстве, своей деятельностью воспроизводя его, т. е. деятельность и информация взаимно обуславливают друг друга. Именно в этом и проявляется смысл коммуникативных действий человека. Исходным элементом общества являются люди. Если общество представляет собой систему, т. е. некую интегральную целостность, то сама эта целостность формируется за счет коммуникативных связей.

Связь эта не жесткая, как в физических или биологических объектах, где действуют физические или биологические закономерности, а имеет ментально-дистанционный характер. Человек, хотя и связан с другими людьми, подчиняясь определенным правилам поведения, имеет, тем не менее, определенное пространство свободы, личного осмысления этих правил и их избирательного применения. Основным связующим элементом людей является язык.

Именно язык становится той информационно-коммуникационной плазмой, которая из людей формирует отдельные социальные структуры и общество в целом. Информация, таким образом, является одной из важнейших составляющих частей социальной структуры. Она закрепляется

в языке в форме знания и программ поведения, существуя как некое самостоятельное образование, определяя деятельность людей, а деятельность людей расширяет объем информации.

Важным связующим элементом общества является идеология, которая строится на базе языка и различных предметно-знаковых символов. Идеология может иметь религиозный или партийно-классовый смысл. В потоке информации, которая обрушивается в современном мире на психику человека, было бы трудно разобраться и ориентироваться в этом пространстве, если бы не определенная специализация знания и соответствующие способы ее маркировки и выделения. Простое подчеркивание (или иные способы) отдельного слова, предложения или абзаца в письменном тексте представляют собой наиболее массовый и вполне наглядный пример такого выделения. Этому же служат весьма броские заголовки статей в средствах массовой информации, отдельные фразы или какие-либо знаки в рекламных средствах, украшения упаковок товаров и т. д. Сам способ выделения выступает в качестве особого знака, который «приковывает» внимание людей, заставляет более серьезно всматриваться (вчитываться, вслушиваться) в то, что предлагается нашему сознанию и воображению. Причем эти знаки не только поражают наше воображение, но и определяют характер понимания выделяемой ситуации, характер нашего поведения, соответствующего отношения к тем или иным явлениям общественной жизни. Таким образом, процесс выделения каких-либо элементов из общей структуры социальных объектов приобретает весьма значимый социальный смысл. Сами формы и способы выделения могут быть бесконечно разнообразными. Примерами таких выделений могут служить знаки дорожного движения, архитектура, мода, характер поведения людей, их внешние физические отклонения от нормы и т. д.

Сам человек может стать знаковой фигурой, олицетворяя успешность/ неуспешность своей деятельности. Знаменитый актер и бомж – наглядные примеры такой социальной знаковости. Такое проявление социальной дифференциации реализуется в сложной системе социальных знаков. Человек живет не столько в мире вещей и себе подобных личностей, сколько в мире социальных знаков, выстраивая свои действия и свое понимание действительности под их диктовку. Архитектура престижных и непрестижных районов проживания, манера одеваться представителями разных профессий и слоев общества, торговая марка или бренд, характер поведения (культурный/ некультурный) и многое, многое другое, что несет на себе личину социальной знаковости. Именно в рамках такой знаковости формируются

микромиры социальной повседневности. Военный человек весьма специфично воспринимается в своей военной среде и в гражданском обществе. Это различие определяется таким знаком, как военная форма, которая выражает чины, звания, род войск и другие признаки воинской принадлежности человека. Сама форма представляет собой целый комплекс знаков – это погоны, звезды, награды, кокарды, лычки, лампасы, воинские головные уборы, портупей и т. д. – все подчинено тому, чтобы указать на значимость обладателя этой формы, указать его служебный статус и ранг. Все эти знаки имеют особое значение в воинском коллективе и определяют роли и служебные отношения. В гражданском же коллективе они могут иметь не столько служебное, сколько чисто эстетическое значение, что фиксируется в бытовом выражении – «как вам идет эта форма». Один и тот же человек по-разному воспринимается в военной и в гражданской форме. Свою форму имеют милиционеры, работники прокуратуры, таможи, судебные приставы, транспортники и т. д., что и определяет служебные отношения людей этих профессий. Профессиональная форма имеет институциональную основу. Она вводится и соблюдается соответствующими государственными органами, определяя формально-профессиональные отношения.

Особую знаковую природу имеет мода. Это социальное явление хорошо описано в соответствующей литературе. Хотелось бы подчеркнуть именно знаковую природу моды. Прежде всего мода указывает на статусно-стратификационную характеристику субъекта, позволяет фиксировать людей по признаку «свой/чужой», «наш/не наш». Знаками здесь выступает все: одежда, обувь, часы, украшения, прически, автомобили, мебель, архитектура частных зданий и т. д. Своя мода есть у средних и низших слоев общества, которая либо тяготеет к подражанию атрибутам высокой моды за счет суррогатных предметов, либо ориентируется на этнические особенности жизни простых людей. Она может диктоваться эпатажными соображениями, что реализуется в проявлении молодежных субкультур. Так или иначе, мода – это знак социального выделения. Специфика же ее формирования на частном уровне (в отличие от форменной одежды) заключается в том, что сам субъект является архитектором своего выделения, своего знакового оформления, что и выражается понятием вкуса. По мнению Г. Тарда, в моде есть свои инноваторы и свои подражатели. Первые вводят моду, вторые омассовляют ее и тем самым способствуют ее вырождению. Поэтому мода – это особый знак, заставляющий действовать людей по определенному алгоритму. Модным может быть многое: посещение какого-нибудь спектакля, дискотек и других увеселительных учреждений, «болевание»

за спортивную команду, чтение какого-нибудь нового литературного произведения, открытая демонстрация своей веры. В последнее время модным стало посещение заморских стран и курортов с обязательным оповещением своих родственников и знакомых. Особым проявлением современной моды стало увлечение людей (особенно молодых) татуировкой и пирсингом, которые порой принимают просто одиозные формы. Своя мода есть у молодежных неформальных объединений, которые с помощью подручных средств превращают одежду в специфическую форму (панки, скинхеды, байкеры).

Говоря о знаковой природе многих социальных явлений, нельзя обойти и такое из них, как навешивание ярлыков. Это явление имеет место в быту, в трудовых коллективах, в политике, искусстве, науке, словом, везде, где есть какой-нибудь коллектив со сложным переплетением личных и общественных интересов. Как правило, ярлыки имеют негативный характер при оценке коллективом деятельности своих членов или каких-нибудь их внешних недостатков. Сплетник(ца), карьерист, лицемер, доносчик, подкаблучник и т. д. – далеко не полный список таких ярлыков. Ярлыки навешиваются дома (детям родителями, супругами друг другу), в школе (в ученическом коллективе и в отношении учителей к ученикам), в трудовом коллективе (между членами коллектива, в оценке деятельности руководителей членами коллектива и в оценке руководителями деятельности своих подопечных). Это вербальные знаки-метки, представляющие собой особый фон неформальных отношений, которые встраиваются в структуру служебных отношений.

В специальной литературе такие вербальные знаки-метки определяются понятием «стигма», а процесс их навешивания выражается понятием «стигматизация». Стигматизация накладывает свой отпечаток на процесс идентификации личностью своего положения в коллективе и в обществе. В переводе с греческого «стигма» означает клеймо. В животноводстве с древнейших времен и до наших дней используется этот способ выделения той или иной группы домашних животных. Греки, однако, использовали этот способ выделения и в социальной практике, начав клеймить беглых рабов и преступников путем прижигания (или наколки) какого-нибудь особого знака на видном месте на теле человека. Стигма (или клеймо) предупреждала окружающих о том, что ее носитель является злостным нарушителем сложившихся норм общественной жизни. Она делала его изгоем. С ним боялись общаться не только свободные, но и смирившиеся со своей участью его сотоварищи. Стигма становилась позорным ярлыком. Так или иначе, она выделяла своего носителя из общей массы людей и преду-

преждадала их об осторожности в общении с таким человеком. Само понятие «клеймо» несет этот уничижительный смысл.

В качестве примера можно вспомнить практику нацистов, заставлявших евреев в гетто нашивать на верхнюю одежду израильский знак – Звезду Давида. Постепенно, однако, смысл этого понятия стал расширяться и изменяться. Оно широко используется в христианской среде, в медицине, в биологических исследованиях и т. д. Но в целом сохраняется его первоначальное значение – функция выделения человека или группы людей, оповещения окружающих о том, что они являются носителями каких-то особых качеств.

Правда, в настоящее время калечащие формы стигматизации отошли в прошлое, но само явление осталось и достаточно широко культивируется в обществе. Начиная от детских дразнилок («толстяк», «пончик», «рыжик» и т. д.) до различных кличек, которыми люди награждают друг друга в бытовой и профессиональной среде. В данном случае стигма имеет персонифицированный характер, определяя структуру межличностных отношений. Источником стигмы в большинстве случаев являются окружающие человека люди. Именно они приписывают одному из членов своего коллектива какую-нибудь стигматизирующую кличку.

Возможны случаи и автостигматизации, когда сам человек, стремясь выделиться из общей среды, изобретает себе нелепую прическу или окраску волос, использует чрезмерный пирсинг или какие-то бросающиеся в глаза атрибуты одежды, различного рода знаки и т. д. Особую роль в этом деле имеет татуировка, которая зачастую используется не только для украшения, но и выполняет особую функцию выделения, подчеркивая ранг человека в какой-либо неформальной среде – например, в преступном мире. Особым проявлением стигматизации является фиксация отрицательных форм человеческого поведения, связанных с половыми извращениями («гей», «голубой», «педофил», «мазохист», «садист», «лесби» и т. д.).

Кроме слов-стигматов могут использоваться различного рода предметы, образы и даже цветовая гамма. Можно вспомнить чернорубашечников в Италии, коричневых в Германии, красных и белых в России, оранжевых в Украине. Можно сказать, что еще до появления мировых религий и даже до появления развитых языков первобытные люди широко использовали приемы стигматизации для выделения своих родовых особенностей, используя для этого образы животных, растений или каких-нибудь природных объектов. Достаточно вспомнить культуру тотемизма, пережитки которой сохранились в гербах некоторых государств. Изображения орлов, змей, львов, растений и сейчас можно встретить в гербах современных го-

сударств. Кстати, и сам герб, государственная или религиозная символика вполне могут служить примерами институциональной стигматизации. Всякое новое социальное явление сразу же задумывается о своем социальном выделении, о выработке своих отличительных знаков-символов.

На первом этапе возникновения христианства, когда еще не сформировалась современная символика этой религиозной системы, выделяющим символом было само наречение Иисуса Христом (т. е. божьим посланником), а тайным знаком стало изображение рыбы (рыба по-гречески «ихтис» – в буквах этого слова скрывалась монограмма «Иисус Христос божий сын спаситель»). Кстати, можно заметить, что любая монограмма также является особым знаком-выделителем.

О новой символике позаботились и коммунисты, как только пришли к власти. Двуглавый орел их не устраивал, появилась звезда, а символом новой власти стал серп и молот, символизирующий союз рабочих и крестьян.

Широко используется стигматизация в политической жизни общества. Здесь стигматизация и автостигматизация проявляются как по отношению к отдельным персонам (как правило, политические лидеры получают или сами подбирают себе определенные псевдонимы), так и к группировкам и союзным объединениям, а также к самому политическому движению. «Фашизм», «экстремизм», «шовинизм», «национализм», «большевизм», «социализм», «коммунизм» и многие другие понятия стали своеобразными политическими стигмами, под лозунгами которых прошла вся политическая жизнь и борьба между народами в XX в. Известно, какую негативную и разрушительную роль сыграла стигма «Советский Союз – империя зла», запущенная американской пропагандой в разгар холодной войны. Видимо, без всякого преувеличения можно сказать, что большинство политических терминов имеют свою стигматическую окраску, подчеркивая уязвимые места в характеристике противника. В сущности, холодная война и строилась путем бесконечного продуцирования таких стигматизированных характеристик своего противника, т. е. придумывания все новых и новых отрицательных эпитетов. «Дядя Сэм», «Русский медведь» – еще не самые обидные стигмы того времени.

Приведенные примеры позволяют заключить, что стигматизация представляет собой довольно массовое явление, связанное с выделением социальных объектов, правда, пока еще слабо изученное. Масштабы его проявления постоянно расширяются.

После появления работы И. Гофмана «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» это понятие широко стало использоваться

в психологии и социологии. Особую сферу проявления стигматизированной культуры представляет сфера научно-теоретической и философско-идеологической деятельности. Здесь также проявляются элементы борьбы и уничижительного отношения к своим противникам. В качестве стигмы здесь очень часто используется имя самого создателя той или иной теории.

Можно вспомнить, какое впечатление производили не в столь отдаленном прошлом такие «ярлыки», как ламаркизм, менделизм, тэйлоризм, платонизм, берклианство, кантианство, фрейдизм и многие другие. Стигмой иногда выступало и название философской школы, например философия кинизма. В качестве научно-философских ярлыков зачастую выступали названия самих теорий и методологических установок, например, субъективизм, агностицизм, релятивизм, иррационализм, герменевтика, интеракционизм и т. д. Самым «страшным» ярлыком было, конечно, понятие идеализма, которое одним махом зачисляло множество философских концепций в разряд ложного знания. И это несмотря на то, что наиболее великими философами всех времен и народов были именно представители этого направления. К таким философам без всякого преувеличения можно отнести Платона, Аристотеля, Декарта, Канта и Гегеля.

Свою стигматическую окраску имеет и слово «марксизм», которое для одних выступает символом величайшей мудрости, а для других представляет искажение подлинной природы социальных явлений, их односторонне-экономическую трактовку. Так или иначе, это понятие выделяет и в краткой форме фиксирует одно из самых значимых идеологических явлений общественной мысли XIX–XX вв.

Таким образом, стигма имеет большое социально-познавательное значение. Отвлекаясь от ее положительной или отрицательной роли, можно сказать, что во всех случаях она играет роль особого механизма выделения, благодаря которому те или иные явления общественной жизни, отдельные личности, движения, учения прочно входят в структуру общественного сознания, составляя культурное достояние эпохи. Можно ничего не читать из произведений Маркса, Ницше, Фрейда, Толстого или Достоевского, но каждый образованный человек имеет свое представление о том, что такое марксизм, ницшеанство, фрейдизм или достоевщина. Можно сказать, что весь объем общего знания человека о мире строится на базе таких понятий-выделителей, понятий-меток, за которыми скрывается большой объем специальной информации.

Понятия стигмы и стигматизации в современной методологии научного познания приобретают роль особого эвристического принципа.

На Западе, где проблема стигматизации изучается давно и подробно, многие авторы современных теорий, стремясь поскорее войти в плеяду научных классиков, как бы заранее обращаются к помощи стигмы, чтобы придать своему учению необычный (отличающийся от всего остального) характер, придумывая для этого не только новое содержание, но и новое стигматизирующее название. Именно таковыми можно считать такие названия теорий, как психоанализ, функционализм, структурализм, интеракционизм, символизм, герменевтика, этнометодология, структурация, хабитус, фрейм и т. д. На эту сторону проблемы обратил внимание российский исследователь А. Б. Гофман, который, анализируя творчество Дюркгейма, пишет: «В истории социологии часто используются ярлыки или метки, выделяющие какие-то существенные черты определенной теории и, таким образом, обозначающие ее. Несомненно, эти ярлыки огрубляют и упрощают обозначаемые ими теории и не могут дать целостное представление о них. Тем не менее они могут служить полезными ориентирами, если ими не ограничиваться и стремиться понять, что стоит за ними, какую теоретическую ценность они отражают. Для обозначения основополагающих принципов теории Дюркгейма и его способа обоснования социологии таким ярлыком послужил термин “социологизм”» [1, 316].

Продолжая эту характеристику, можно было бы сказать, что такую же роль играют такие термины, как «позитивизм» в творчестве Конта, «эволюционизм» в творчестве Спенсера, «интеракционизм» в творчестве Дж. Мида, «этнометодология» в творчестве Г. Гарфинкеля или «структурация» в творчестве Гидденса. На эту сторону проблемы обращает внимание российский исследователь творчества Спенсера В. Г. Николаев, который по этому поводу пишет: «Имя Спенсера почти столь же быстро обросло массой всевозможных определений – “эволюционист”, “позитивист”, “натуралист”, “проповедник *laissez-faire*”, “индивидуалист”, “номиналист”, “органицист”, “социалдарвинист”, – что не благоприятствовало восприятию его идей как таковых и исподволь подталкивало помещению их в значительно более узкие рамки, нежели они того заслуживали... многочисленные, искаженные, неполные и не всегда согласующиеся друг с другом “образы Спенсера” обрели самостоятельное существование и стали не менее (а может быть, даже и более) значимыми факторами развития социологической мысли, чем спенсеровские идеи как таковые, многие из которых остались незамеченными и недооцененными» [2, 194]. В этом плане нельзя не согласиться с Дж. Тернером, который пишет: «...хотя большинство ученых и многие обыватели слышали имя Спенсера и знакомы с рядом туманных стереотипных оценок его работы, он остается для нас загадкой... Мы настолько стигматизировали

Спенсера, что никто не отважится назвать себя спенсерианцем в век, когда социальные теоретики из кожи вон лезут, называя себя марксистами, вебе-рианцами, дюркгеймианцами и последователями Мида» [4, 15].

Таким образом, стигма в рамках теоретического знания может выполнять разную роль. Во-первых, она может исполнять роль особой метки, позволяющей быстро определять место теории в рамках большого объема теоретического знания. Во-вторых, она может нести уничижительный ярлык, подчеркивая некую ограниченность выделяемой теории. В-третьих, она может подчеркивать некую особенность оригинальной теории. В-четвертых, она может демонстрировать определенную популярность теории, ее массовое восприятие. Все это и позволяет говорить о том, что процесс стигматизации может иметь как индивидуальный (авторский) смысл, так и особый характер омассовления теории, ее популярности. Разумеется, не все попытки авторов в этом направлении заканчивались успешно.

На самом деле теоретиков намного больше, чем тех, о ком знает широкая общественность. Но если эта попытка оказывается успешной, то теория под своей стигмой действительно оседает в структуре общественного сознания, хотя по своему содержанию она может мало чем отличаться от того, что уже было сказано в науке. Более того, стигма может не только представлять новое теоретическое содержание, но определенным образом и маскировать его, а то и просто искажать. Рассматривая некоторые вопросы развития современного социологического знания, Ж. Т. Тощенко пишет: «Принципиально новое знание достигается не столько через исследование позитивных и нормальных состояний объекта исследования, сколько через то, что приводит к искажению реальности... Поэтому изучение деформированных и превращенных видов общественного сознания и социальной практики (парадоксальность, депривация, стигматизация, кентавризм, аномия, фрустрация и т. д.) может принести впечатляющие и далеко идущие результаты» [3, 4]. Стигматизация в данном случае рассматривается как пример теоретического искажения социальной практики.

На основе сказанного можно заключить, что стигматизация действительно имеет широкое проявление в социальной практике, выделяя, а то и искажая ее объекты. Что, по мнению И. Гофмана, приводит к формированию искаженной или к «виртуальной социальной идентичности». Но, кроме того, стигматизация может иметь место и в самой социальной теории, подчеркивая ее необычность, оригинальность, уникальность при достаточно тривиальном содержании, выполняя тем самым роль некоего рекламного (или пропагандистского) фактора. Если этот фактор не учи-

тывается, то сама теория может приобретать некую превращенную форму, не столько отражать объект изучения, сколько вуалировать его.

Так или иначе, стигматизация явно дает о себе знать как в социальной практике, так и в самом социальном познании. Без глубокого теоретического анализа этого коммуникационного явления бывает трудно разобраться в некоторых особенностях развития самой теоретической социологии.

Особенность развития общественной мысли советского и постсоветского периодов состояла в том, что многие исследователи, стремясь сформулировать вполне инновационные идеи, развивали их в общем русле марксистской парадигмы, которая превратилась в сверхстигматизированную систему, что и убивало ощущение новизны и уникальности решения новых социальных проблем. Забывая, что не только содержание теории, но и форма изложения идей, сам поворот теоретической мысли требуют новых форм языкового оформления и выделения, а этого можно добиться, овладев навыками понятийной стигматизации.

Этим способом выделения своих теорий (а вместе с тем и своего приоритета) широко пользуются западные теоретики, которые придают теоретической социологии определенный динамизм и сами встраиваются в общий ряд корифеев этой мысли. Что же касается отечественной теоретической социологии, то до сих пор идут споры, была она или нет в советский период. Теория, конечно, была, но вот классиков, работающих в новом стигматизационном поле, не было, что и создает представление о некотором застое теоретической мысли, о своеобразной авторской пустоте. По крайней мере, никто из советских авторов не смог добиться такого признания в мировой таблице о рангах, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето, Т. Парсонс, Э. Фромм или Ю. Хабермас. Только усвоив методологию стигматизации своих идей и теоретических построений, можно достичь новых результатов в осмыслении особенностей современного социального развития и можно рассчитывать на свое особое место в стане социальных мыслителей. Будем надеяться, что новое поколение отечественных теоретиков задумается над этой проблемой, столь хорошо освоенной западными мыслителями, которые, не отбрасывая марксизм (а часто и используя его идеи), делают смелые и самостоятельные шаги в направлении нового осмысления социальных явлений.

Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
2. История социологии (XIX – первая половина XX века) : учебник / под ред. проф. В. И. Добренкова. М., 2004.

3. Тоуценко Ж. Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. 2010, № 4.

4. Turner J. H. Herbert Spenser: A Renewed Appreciation (Masters of Social Theory). Beverly Hills, 1985. Vol. 1.

СОЦИОЛОГИЯ В ТЕНИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДРАССУДКОВ

Как известно, мир представляет собой противоречивое единство. Наиболее противоречивым явлением в мире является само сознание. Разум человека, устремляясь к истине, зачастую становится творцом различного рода ошибок, предрассудков и заблуждений. Сознание не только отражает мир, раскрывая объективные законы его существования, но и творит мир, формируя ментальные картины этого мира, которые далеки от действительности, но в истинность которых люди почему-то верят. Как отмечал уже Платон, заблуждения «есть не что иное, как отклонение мысли, когда душа стремится к истине, но проносится мимо понимания» [1].

С момента зарождения философии мыслителей разных времен интересовал вопрос о том, в какой степени человек может объективно и точно познавать окружающую действительность, возможно ли вообще истинное познание мира. За многовековую историю развития человеческого духа накопилось множество теорий и концепций, авторы которых стремились разгадать тайны человеческого сознания, природу его отражательных и конструктивных способностей, а также психологические основы веры в истинность существующих ментальных построений.

Диапазон этих концепций простирался от жесткого объективизма до весьма расплывчатых суждений иррационализма, субъективизма и агностицизма. Софистической мудрости индивидуализма всегда противостояли попытки доказать и обосновать возможность получения абсолютно-го знания. Истоки этого доказательства шли то от бога, то от абсолютных идей, то от законов природы и целого ряда других постулатов.

Стремясь преодолеть засилье софистической мудрости, отрицавшей возможность объективно-истинного познания, Платону пришлось сконструировать свой идеальный мир как некий склад абсолютных истин, наличие которых вселяло уверенность в возможность истинного познания. Декарту, склонявшемуся к тому, что все можно подвергнуть сомнению, даже факт собственного существования, пришлось сконструировать принцип «врож-

денных идей», определявших возможности истинного познания. Во всем своем величии предстала противоречивая природа познания перед гением Гегеля, которому пришлось расчленять дух на абсолютный, объективный и субъективный, чтобы затем согласовать их друг с другом и тем самым вновь обосновать возможность истинного познания. Для этого понадобилось рассматривать истину не как некий застывший результат познания, а как постоянный процесс приближения знания к изучаемому объекту, как движение человеческой мысли от абстрактного к конкретному с использованием приемов исторического и логического мышления. А Ф. Бэкону в свое время пришлось создать целую теорию «идолов», в которой раскрывались причины, приводящие человеческий разум в тупики заблуждений.

Парадоксальным является то, что даже в этих весьма позитивных с точки зрения обоснования возможности истинного познания концепциях позитивное доказывалось с помощью предрассудочных допущений. Поэтому, несмотря на столь громкие имена адептов истинного познания, им противостояли авторы пессимистических концепций, которые стремились убедить и себя, и всех остальных в наличии непреодолимых препятствий, ограничивающих возможности человеческого познания. Убедить людей в том, что знание (в том числе и научное) не есть отражение мира, а, скорее всего, есть плод искусственного его конструирования. Тем самым позитивная идея конструирования, как важного проявления сознательной деятельности человека (в чем сейчас никто не сомневается), теряла свой смысл, потому что отделялась и противопоставлялась отражению и тем самым превращалась в предрассудочный элемент методологии научного познания.

Исходя из этих соображений, можно понять, почему все предшествующие теории природного и социального бытия чаще всего воспринимались как склад предрассудков и заблуждений и подвергались достаточно суровой критике. При этом чем сложнее оказывался объект познания, тем в большей степени проявляли себя негативные признаки познавательной деятельности. Наиболее сложным объектом познания является, безусловно, общество, законы его функционирования и развития. Что такое человек, общество, культура, цивилизация, процессы их функционирования и развития – эти и многие подобные вопросы постоянно интересовали мыслителей разных времен. И именно в этой области крупницы истинного знания постоянно обрамлялись весьма впечатляющими венками предрассудочных суждений и концепций, которые всегда вызывали критику последующих поколений исследователей. Но удивительно то, что подвергая критике предшествующие теоретические концепции, последующие поко-

ления исследователей не замечали, что становились авторами новых пред-
рассудков и заблуждений. Если в естествознании ученый четко отделяет
предположение (гипотезу) от теории, надеясь в будущем подтвердить эту
гипотезу или опровергнуть, то в области общественных наук любое мне-
ние тут же нарекается теорией, концепцией, учением или еще чем-либо
в этом роде, что и дает повод для постоянной критики всех предшествую-
щих социальных теорий.

Именно с такой критики всей предшествующей философии начинает
выстраивать свою концепцию Огюст Конт, признанный основоположник
позитивизма и социологии. С точки зрения Конта, ни одна философская
теория не смогла раскрыть подлинную природу общества, поэтому все они
должны быть отброшены. Принципиальная новизна нового учения связы-
вается им с достаточно тривиальным и широко используемым понятием
«позитивизм», которое было возведено в ранг нового философского прин-
ципа. С позиции этого принципа пересматривается природа философско-
го, научного и социального познания, природа политики и религии. идеа-
лом истинного (позитивного) познания, с точки зрения Конта, выступают
образцы естественнонаучного познания, поэтому наука об обществе также
должна следовать этим образцам. Для того чтобы подчеркнуть эту связь
и родство всех позитивных наук, Конт включает социальную физику (так
первоначально он попытался обозначать новую науку об обществе) в об-
щий ряд научного знания. Более того, эта наука, с его точки зрения, пред-
ставляет собой вершину всего теоретического знания. Вот эти-то идеи
о необходимости создания позитивной науки об обществе и являются той
положительной частью контовского учения, которое предопределило его
место среди корифеев и основоположников социологии (в данном случае
не следует забывать, что свои идеи о новой науке об обществе Конт сфор-
мулировал еще до того, как появились работы Спенсера и Маркса). А все
то, что касается его учения о структуре общества и его функционировании
(о статике и динамике) либо повторяет то, что уже было хорошо извест-
но науке (нетрудно здесь обнаружить отголоски идей Аристотеля, Вико
и Сен-Симона), либо конструирует свое мнение о пролетариате, государ-
стве и религии, которое больше напоминают утопические идеи и домыс-
лы, чем строгие научные построения. Таким образом, и в творчестве Конта
органично переплетаются как элементы позитивных идей, так и предрас-
судочных построений.

Такое сочетание позитивных и предрассудочных элементов легко об-
наруживается в социологических теориях последующих периодов. Биоло-

гизм, органицизм, структурализм, функционализм и многое другое – далеко не полный перечень вариантов такого совмещения. Особая роль здесь принадлежит парадигме психологизма, в которой объективное знание буквально тонет в море домыслов и квазинаучных предположений. Эта противоречивая сущность психологизма проявляется в том, что при изучении психических явлений наука сталкивается с такой ситуацией, когда большая часть изучаемых явлений как бы ускользает от непосредственного наблюдения, поэтому при построении психологических объяснений социальных явлений открывается широкое поле для построения различного рода предрассудочных допущений. Но дело даже не в наличии таких допущений, а в том, что за ними скрывается едва уловимое стремление идеологического характера, стремление авторов социологических теорий объяснить поведение широких народных масс как проявление чисто инстинктивной (импульсивной) деятельности, а разумные основы социальной деятельности всецело приписать (явно или неявно) так называемой «элитарной части общества». Получается, что элита и народ оказываются на разных сторонах общественного развития. Одни определяют порядок и прогресс, а другие – буйство слепых сил и разрушения. На одной стороне разум, а на другой – всего лишь чувства, эмоции и инстинкты. Такое распределение психологических аргументов при объяснении специфики человеческой деятельности вряд ли можно назвать строго научным, хотя стиль науки широко используется для внешнего камуфляжа, для придания подобным теориям облика научной респектабельности. Псевдонаучные построения маскируются под вполне научные рассуждения о необходимости объективного познания. Методологическая часть позитивизма становится той рекламной упаковкой, которая помогает продвинуть в общественное сознание разного рода домыслы и, может быть, остроумные, но далекие от истинного положения дел теоретические построения. Поэтому при изучении природы общества, законов его функционирования и развития разум часто уступает свое место фантазии.

Для примера можно сослаться на теорию подражания и толпы Тарда, теорию элиты и толпы Лебона, теорию инстинктивного действия Макдуголла, не говоря уже о психоаналитической концепции Фрейда, которую сам он и его последователи попытались перенести с объяснения поведения людей с психической патологией на обычных людей (включая гениев) и даже на все человечество в целом.

О наличии предрассудочных элементов в структуре социологических теорий говорит еще и тот факт, что особенности социальных явлений ино-

гда раскрываются некоторыми авторами на основе весьма сомнительных аналогий. В качестве таких аналогий могут выступать игры детей, поведение людей в психлечебницах, особенности мира заключенных в пенитенциарных учреждениях, театральнo-драматургические ситуации или некий базарный уровень повседневной жизни, объект которого вообще ускользает от научного наблюдения, но зато о нем можно высказывать множество самых различных мнений.

Стремясь преодолеть засилие психологизма в социологических концепциях с его явными предрассудками, выстраивает свою теорию устройства общества и специфики его познания Э. Дюркгейм (в данном случае мы придерживаемся не столько хронологического подхода, сколько отдаем предпочтение логическому подходу, поэтому временной порядок рассмотрения теорий здесь несколько нарушается). Исходным положением его теории является достаточно простое допущение – природа социального должна объясняться социальными же явлениями, а не географическими, биологическими, психологическими или даже экономическими факторами. Будучи приверженцем позитивистской методологии, Дюркгейм одновременно выступает и как классический выразитель просветительско-модернистской эпистемологии, демонстрируя свою веру во всецелое человеческое разума, и как верный защитник сложившихся экономических отношений. Он верит в возможность объективного (истинного) познания социальной действительности, в возможность построения научной социологии, которая должна лечить это общество от социальных болезней, но не уничтожать его. Для этого, с его точки зрения, необходимо: во-первых, более строго обозначить объект социологии; во-вторых, определить приемы и методы социологического исследования; в-третьих, очистить социологию от уже накопившихся псевдонаучных построений, которые проистекают от неверного употребления понятий. Можно сказать, что в творчестве Дюркгейма позитивизм поднимается до уровня своего классического воплощения, но и здесь не обошлось без своих умозрительных допущений.

Первая задача решается Дюркгеймом за счет более глубокой логической проработки понятия социального факта. В его интерпретации этого понятия сливаются два важных смысла. Во-первых, уточняется понятие социального как некоего связующего элемента, объединяющего отдельных людей в целостные коллективные образования, в качестве которого выступает понятие солидарности. Во-вторых, факт понимается как нечто такое, что существует объективно, независимо от индивидуального сознания, и более того, воздействует на индивидуальное сознание. «Верующий, –

пишет Дюркгейм, – при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения своих мыслей, денежная система, употребляемая мною для уплаты долгов, орудия кредита... обычаи, соблюдаемые в моей профессии, и т. д. – все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю... Следовательно, эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний... и наделены принудительной силой» [2].

Таким образом, социальный факт, с точки зрения Дюркгейма, представляет собой некое социальное явление, существующее как культурный феномен, принуждающий человека поступать в соответствии со своими правилами. В данном случае перед нами типично объективистское истолкование предмета социологического познания, получившее в методологии название социального реализма. Такое понятие факта вполне соответствует канонам естественнонаучного познания. Но вряд ли его безо всяких оговорок можно переносить на социальную действительность. Дело в том, что культурные феномены начинают работать только в том случае, если они становятся частью индивидуального сознания, проходят процесс интериоризации. В противном случае, они так и остаются чем-то вроде незадействованного коллективного опыта, никак не проявляя своей «принудительной силы». Иначе говоря, общее правило может работать только тогда, когда оно становится достоянием индивидуальной психики человека, достоянием его сознания. Без этого все, что существует в культуре, становится мертвой информацией, как, например, существование мертвых языков. Книга в библиотеке также представляет собой пример мертвой информации. Эта информация оживает лишь тогда, когда соединяется с сознанием человека. Да, общество можно представить состоящим из какой-то части людей, еще не постигших основ социального бытия – это дети. Но взрослые люди как раз таки и являются живым воплощением всех социальных норм и правил поведения. Сказать, что религия существует отдельно от людей (предположим, как Священное писание), означает некое искусственное определение культуры, а вместе с ней и искусственное определение природы социального. Поэтому не все, что существует в культуре, обязательно имеет принудительную силу, хотя и существует как социально-исторический факт. Тем самым, перед нами типичный пример сочетания объективного и надуманного, стремления обосновать с помощью естественнонаучных аналогий положительный (объективный) смысл социальных фактов,

и в то же время проповедь их независимости от индивидуального сознания, что явно искажает природу социального и дает повод для достаточно резкой критики дюркгеймовского учения, так как общественное и индивидуальное полностью отделяются друг от друга.

С тем чтобы убедиться в подобном сочетании разных элементов ментального характера, обратимся к самому Дюркгейму. Социальные факты, по его мнению, «составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его пространство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название *социальных*... не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества» [3].

Итак, получается довольно странная картина. Есть мышление, чувствование и деятельность, но они не присущи индивиду. Если согласиться с этой мыслью, то можно допустить, что они не присущи мне, моим близким и даже самому Дюркгейму. Но тогда возникает вопрос, кому же в обществе они принадлежат, если они никому из индивидов не принадлежат, получается явный абсурд. Но этот абсурд весьма пафосно объявляется как последнее слово науки, что следует из заключительной части приведенной цитаты. Стремление преодолеть абсурдность этого утверждения (которое строилось с весьма благородной целью – доказать объективный смысл социологического исследования) и послужило поводом для продуцирования множества теорий микроструктурного и номиналистического характера, приверженцы которых довольно остро критиковали дюркгеймовскую позицию.

Второй аспект анализа специфики социологического познания связывался Дюркгеймом с необходимостью раскрытия природы социологического объяснения. В этом вопросе Дюркгейм формулирует тезис о том, что социальные факты должны объясняться социальными же фактами, а само объяснение должно строиться по аналогии с естественнонаучным объяснением. Отталкиваясь от идеалов такого объяснения, Дюркгейм считает, что и социологическое объяснение имеет в основном причинный характер. По этому поводу он пишет: «Так как закон причинности признан для других областей природного царства и признание его господства постепенно расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических

на явления биологические, от последних – на мир явлений психических, то мы вправе допустить, что он также верен и для мира социального» [4].

Казалось бы, вполне позитивный тезис, но он дополняется следующим методологическим положением: «социальный факт можно объяснить только другим социальным фактом» [5]. Скорее всего, имеется в виду родственным социальным фактом, но в таком случае можно прийти к несколько абсурдным утверждениям о том, что, например, религию можно объяснить, исходя из религии же; мораль, исходя из самой морали; обычаи – из обычаев и т. д. Получается какой-то замкнутый круг, состоящий из одних тавтологий. Кроме того, из теории вообще выпадает роль человека, все задается общественными структурами, которые как-то сами по себе возникают, развиваются и принудительно воздействуют на человека. Социальное, в данном случае, оказалось отделенным от индивидуально-человеческого. Таким образом, социальное, стерилизованное от индивидуального и от других социальных явлений, утрачивает свой научный смысл, приобретая форму теоретического предрассудка. В этом плане нельзя не согласиться с Г. Осиповым, который пишет: «Не какие-то мистические социальные силы и социальные демиурги, выступающие в виде безличностных систем, а сами люди творят свою историю, опираясь при этом на свое сознание и волю, которые в равной степени могут выступать как в научной, так и в мифологической форме» [6].

Третья задача, о которой говорит Дюркгейм, также имеет свой положительный смысл, обремененный некоторыми домыслами. Мыслитель пытается ответить на вопрос о том, что создает препятствия на пути истинного познания в социологии, что искажает его природу. С точки зрения Дюркгейма, причиной такого искажения служит то, что в ряде случаев социолог рассуждает не по поводу вещей (т. е. социальных фактов), а по поводу разного рода понятий, идей, философских принципов и т. д., поэтому социологию необходимо самым решительным образом отделить от философии. «Так как социология возникла из великих философских доктрин, – пишет он, – то она сохранила привычку опираться на какую-нибудь систему, с которой она, таким образом, оказывается связанной. Поэтому она была последовательно позитивистской, эволюционистской, спиритуалистской, тогда как она должна довольствоваться тем, чтобы быть просто социологией» [7]. В этой связи он вновь напоминает свой основной тезис: «Чтобы социология была действительно наукой о вещах, нужно, чтобы всеобщий характер явлений был принят за критерий их нормально-

сти» [8]. Парадоксальность этих утверждений состоит в том, что, стремясь обосновать объективный характер социологического познания, Дюркгейм попадает в другую крайность, полностью отделяя социологию от философии, постулируя миф о некоей философской нейтральности социологии, хотя и признает их генетическое родство. Не замечает он и того, что его собственные рассуждения также имеют философский смысл.

Философский акцент социологических исследований не удовлетворяет Дюркгейма потому, что он, по его мнению, уводит мысль исследователя от реальных вещей на анализ абстрактных понятий и тем самым лишает социологию признаков научности. По этому поводу он пишет: «Вместо того чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тем, что проясняем наши идеи, анализируем и комбинируем их. Науку о реальности мы подменяем анализом понятий... Эти понятия... похожи на покрывало, находящееся между нами и вещами и скрывающее их от нас тем лучше, чем прозрачнее оно нам кажется» [9].

Этот тезис впоследствии будет повторяться в творчестве Парето и станет основой целого веера лингвистических концепций анализа научного знания и социологии знания. Здесь же мы укажем на его идеологическую подоплеку, так как в качестве «запутывающих» сознание социолога понятий Дюркгейм указывает на такие из них, которые имеют сугубо политический смысл. В частности, он пишет: «При нынешнем состоянии наших знаний мы не знаем достоверно, что такое государство, суверенитет, политическая свобода, демократия, социализм, коммунизм и т. д.» [9, 47]. Как говорится, идеологическое шило здесь вполне очевидно вылезло из мешка методологических рассуждений, которое становится еще более очевидным в следующем высказывании. С точки зрения Дюркгейма, необходимо, «чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств категорически отказался от употребления таких понятий, которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и навсегда иго эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим» [9, 55].

«Ложные очевидности» – это и есть тот набор понятий, которыми люди пользуются в своей повседневности. Именно этот набор определяет их отношение к миру, понимание этого мира и его ментальное освоение. Если отбросить эти понятия, то тогда вообще пропадает ощущение осмысленного отношения людей к миру. Да и сами «социальные факты» не могут

существовать, не будучи выраженными в языке. Все они (религия, мораль, обычаи, традиции и т. д.) объективно существуют не только как действия, но и как элементы духовной культуры, которые немыслимы без языкового оформления. Поэтому дюркгеймовский пафос объективности социального познания утрачивает свой смысл, ибо обращается при этом к самому же научному познанию. Получается, что ученый, отбросив популярные понятия, должен сам формировать свой язык, комбинировать на его основе «социальные факты», а затем эти же факты еще и анализировать. Все это иначе как теоретическим предрассудком никак не назовешь. Парадоксальным, однако, является то, что порой из подобных предрассудков рождаются целые новые направления научной и философской мысли. Так случилось и с отмеченной позицией Дюркгейма. Его идеи о языке научного познания совместно с идеями лингвистического творчества Соссюра послужили основой так называемого «лингвистического поворота» в методологии научного исследования, породив множество новых течений в философии и современной социологии.

Параллельно с развитием идей французских философов и социологов развивалась творческая мысль в рамках германской традиции, которая как раз таки пошла по тому пути, от которого предостерегал Дюркгейм, а именно по пути анализа общих понятий.

В духе германской духовной традиции (сформированной основоположниками немецкой классической философии) немецкие представители теоретической социологии явно отдавали предпочтение анализу понятий, психологии (а не логике) научно-познавательной деятельности. Концепции Зиммеля, Тенниса и Вебера составили мощный пласт новых теоретико-методологических построений в социологии, в которых также обнаруживается причудливое сочетание позитивных моментов с явно надуманными положениями. Это сочетание особенно зримо проявляется в их попытках определить ключевые понятия социологии и социальной философии, каковыми являются понятия общества, культуры, цивилизации, социальности, человека, личности, солидарности и т. д. Их идеи воплотились в концепциях формальной и понимающей социологии, идеальных типов и социального действия, которые, став классическим, тем не менее, не избежали своей порции критики, в виду имеющих в их структурах предрассудочных элементов. В данном случае приходится сталкиваться с предрассудками иного порядка. У немецких классиков они воплощаются в том, что основные понятия социологии истолковываются столь многозначно и неопределенно, что утрачивают свой первоначальный смысл. Ясность мысли

здесь подменяется весьма расплывчивыми рассуждениями о структуре общества. Этот факт столь очевиден, что на него указывают многие западные исследователи. Так, К. Брукмайер, оценивая основное произведение Тенниса «Общность (община) и общество», пишет: «Теннис непосредственно подготовил почву для аналитической социологии, социологии социального действия и понимающей социологии... Но Теннис оставил в наследство социологам также и загадку толкования своей дихотомии. “Общность” не является чисто аналитическим понятием социологии и в трактовке Тенниса носит многозначный и неопределенный характер» [10]. Вот эта неопределенность становится общей чертой многих теоретических построений после Тенниса и в целом немецких социологов, в какой-то мере превратившись в то «покрывало», о котором упоминал Дюркгейм.

Так или иначе, социология к началу XX в. обрела довольно солидный багаж теоретических построений, который сам становится предметом методологического анализа. Особое значение в этом плане имеет творчество В. Парето, который в качестве социальных фактов (в рамках своего творчества) стал рассматривать именно социологические теории. Его творчество вполне можно определить как процесс рефлексии социологии, как процесс ее самокритики, которая помогает установить амбивалентный характер многих социально-теоретических построений, сочетание в них как позитивных, так и предрассудочных элементов.

С целью более глубокого анализа познавательных актов и их результатов Парето вводит в структуру своих методологических размышлений такие понятия, как «логическое» и «нелогическое» действие, «логико-экспериментальные» и «не логико-экспериментальные» науки (теории, учения и т. д.), «остаток», «деривация» и другие. В сущности, он стремится провести более строгую демаркационную линию между наукой и другими формами интеллектуальной деятельности человека (мифами, теологическими и метафизическими системами). Научным он называет только то знание, которое опирается на факты и экспериментальные приемы исследования, все остальное выносится за скобки этого знания. Социология, с его точки зрения, также еще пока не является наукой, так как не имеет своей четко обозначенной логико-экспериментальной базы. «В химии, – пишет он, – исследование шло от некоторых гипотез к объяснению химических фактов, чтобы предвидеть еще неизвестные факты, которые затем верифицировались опытом. Такое движение характерно для всех научных теорий» [11].

Однако в науке (особенно социальной) очень часто приходится сталкиваться с такой ситуацией, когда изучение фактов подменяется анали-

зом различных понятий, а это далеко уводит от истинного положения дел. С точки зрения Парето, «при обращении к социальным темам люди обычно используют слова из обыденного языка, что отдаляет их от логико-экспериментальной области» [11, 64]. Если изучение фактов подменяется изучением языка, то ученый формирует не столько знание, сколько псевдознание (деривацию), которое вуалирует истинное положение дел. В этой связи Парето пишет: «Язык отражает внешние факты в лучшем случае как плохая фотография, а в худшем – как очень плохая или никудышная фотография. Кто рассуждает об именах, тот подобен тому, кто по таким фотографиям хотел бы получить точное знание об изображенных на них вещах» [11, 477].

Основной недостаток всей предшествующей социологии как раз таки и состоит, по Парето, в том, что она вместо изучения фактов занималась разбором их словесных заместителей. Упрекается старая социология и в недооценке таких приемов познания, как анализ и синтез. Так, он полагает, что «необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознана в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук» [11, 18]. Для превращения социологии в науку необходимо разработать новую методологию, которая перевела бы ее из области досужих бытовых рассуждений на рельсы логико-экспериментальных построений. Этот перевод Парето напрямую связывает со своей концепцией социологического познания. «Мы приходим к выводу, – пишет он, – что слова и выражения обыденного языка чаще всего не поддаются строгой классификации. Химия, физика, механика и другие близкие к ним науки строились не путем изучения выражений обыденного языка и их классификации, но благодаря изучению и классификации фактов. Мы постараемся сделать то же самое в социологии» [12].

Нетрудно заметить, что в этих критических замечаниях, построенных на основных принципах позитивистской методологии, содержится рациональное зерно учения Парето. Более того, в нем намечаются уже те идеи, которые затем получают свое дальнейшее развитие в методологических разработках неопозитивизма – идея верификации, подробно разработанная представителями Венского кружка, и идея фальсификации, получившая более широкое логическое обоснование в творчестве К. Поппера. Что же касается той части его учения, в которой он анализирует структуру общества и роль элиты в его развитии, то здесь в полном объеме проявляется его собственное социальное мифотворчество, ибо все сводится к некоему

калейдоскопу чувств, остатков и дериваций. Вот, например, как он определяет этот процесс: «В целом общество существует благодаря тому, что у большинства людей, входящих в их состав, живы и сильны чувства, соответствующие остаткам социальности... Но в то же время есть и индивиды, у которых хотя бы часть этих чувств ослабевает и может даже исчезнуть. Отсюда следует два очень существенных и на первый взгляд противоположных эффекта: один угрожает распадом общества, тогда как другой обеспечивает подъем уровня его цивилизованности» [12]. К этому, как говорится, добавить нечего. Вся история развития общества и цивилизации сведена к чисто ментальным структурам, что вряд ли можно назвать серьезным научным аргументом.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что последующее развитие теоретической социологии пошло по тому пути, от которого предостерегал исследователей Парето, т. е. по пути анализа чисто языковых форм, описывающих структуру, функционирование и изменение общества. При этом существенно меняется набор самих понятий. Из лексикона современных теоретиков выпали даже такие слова, как «эволюция», «развитие», «прогресс», зато доминируют понятия повседневности, интеракции, обмена, микроконфликта, изменения, структуры и т. д., которые позволяют до бесконечности умножать социальное мифотворчество.

Особую роль в этом деле играют представители постструктурализма и постмодернизма, которые обрушились с критикой на рационалистические традиции представителей просветительского модернизма, превратив социологию в разновидность литературного творчества. И если Дюркгейм и Парето старались очистить социологию от искажающих реальность теоретических вуалей, то современные модернисты осознанно их продуцируют. Складывается такое впечатление, что современные теоретики не столько рассеивают туман искусственных теоретических построений, сколько сознательно стущают его, используя для этой цели вполне научные термины – такие, как «система», «структура», «функция» и им подобные, но наполняют их новым содержанием и новой терминологией. Используются, например, такие термины, как «хабитус», «фрейм», «структурация», «аутопоейсис» и т. д., которые для простого читателя непонятны, а для специалистов небесспорны. Получается, что современная теоретическая социология не столько сближается с жизнью и раскрывает ее общий портрет, сколько как бы парит над нею, продуцируя все новые и новые авторские картины социальной реальности. Она замыкается в своем собственном языке, превращаясь в науку для науки, и утрачивает свою цель, которую ей определи-

ли классики социологии, а именно, содействовать прогрессу общественной жизни, избавлять общество от накапливающихся в нем время от времени негативных явлений. В определенной мере сама социология превращается в разновидность деформированного сознания и в объект специфического исследования. Рассматривая некоторые вопросы развития современного социологического знания, Ж. Тощенко пишет: «Принципиально новое знание достигается не столько через исследование позитивных и нормальных состояний объекта исследования, сколько через то, что приводит к искажению реальности... Поэтому изучение деформированных и превращенных видов общественного сознания и социальной практики (парадоксальность, депривация, стигматизация, кентавризм, аномия, фрустрация и т. д.) может принести впечатляющие и далеко идущие результаты» [13].

Получается, что чем дальше развивается социология, тем в большей степени она нуждается в своей логической реконструкции, в своем совершенствовании как с точки зрения понимания природы общества, так и с точки зрения модернизации приемов и методов исследования, особенно в рамках теоретического анализа.

Библиографические ссылки

1. Платон. Софист // Платон. Сочинения : в 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 339.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 29–30.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 31.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 153.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 156.
6. Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002. С. 399.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 153.
8. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 94.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 40–41.
10. История социологии (XIX – первая половина XX века) : учебник / под ред. проф. В. И. Добренкова. М., 2004. С. 307.
11. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 87.
12. История социологии (XIX – первая половина XX века) : учебник / под ред. проф. В. И. Добренкова. М., 2004. С. 72.
13. История социологии (XIX – первая половина XX века) : учебник / под ред. проф. В. И. Добренкова. М., 2004. С. 344.
14. Тощенко Ж. Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. 2010. № 7. С. 4.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
(роль Полоцкого княжества
в политической жизни восточных славян
и в формировании белорусской народности)**

При большом количестве наук, изучающих общество, особое значение принадлежит таким наукам, как история и социология. Имея ряд общих черт в предметной области, эти науки существенно различаются в подходах к изучению общественных явлений. Если историки на базе глубокого знания прошлого стремятся постичь суть современных общественных явлений и процессов, то социологи движутся в обратном направлении, стремясь с позиции современных представлений об обществе переосмыслить некоторые устоявшиеся представления о прошлом. Так как современность весьма динамична в своем развитии, то и оценки прошлого приходится часто пересматривать.

Такое переосмысление исторического материала чаще всего происходит в периоды радикальных общественных трансформаций. А современная общественная жизнь как раз и представляет пример такой трансформации. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многое из того, что было накоплено в исторической науке прошлых времен, в настоящее время подвергается критической переоценке. Особое значение в этом плане имеет переосмысление уже сложившихся в науке терминов и понятий.

Долгое время периферийные части Российской империи (а затем и Советского Союза) воспринимались как общая история единого государства. Поэтому исторические описания Киевского княжества, кавказских и среднеазиатских республик воспринимались как части единой истории России. Достаточно в этом плане познакомиться, например, с такой книгой, как «Древнейшие государства на территории СССР» (М., 1981).

Однако после распада Советского Союза и образования ряда независимых, суверенных государств возникла необходимость делить не только территории, но и историческое прошлое, подвергая его соответствующей интерпретации. Не составляет исключения в этом плане и история Беларуси, особенно начальная стадия ее формирования, которая связана с историей Полоцкого княжества – территориального и политического центра, вокруг которого начинает складываться славянско-белорусская народность как новая этническая общность людей в результате сложно-

го культурного взаимодействия множества различных племен, которые проживали на этой территории до славянского переселения, во время его и в последующие времена.

В процессе переосмысления истории Беларуси сложились две радикально противоположные теоретические тенденции. Одна из этих тенденций (теоретически связанная с прошлой историографией) нацелена на изучение истории Беларуси как части общеславянской и общероссийской историографии. В этом случае предыстория Беларуси несколько затеняется политическими событиями соседних земель, уступая пальму первенства в историческом развитии своим соседям (Новгородскому, Киевскому, Литовскому, Польскому, а затем и Московскому княжествам).

Вторая тенденция имеет противоположный характер и нацелена на выделение особой роли Полоцкого княжества, его полной автономности и уникальности. Это княжество рассматривается чуть ли не центром всей восточно-славянской культуры (или культуры более высокой, чем у соседних славян). Отыскиваются какие-то отличительные корни русского и белорусского языков, говорят о существовании некоего древнебелорусского языка (даже тогда, когда не было еще самих белорусов). Дело доходит до того, что отыскиваются какие-то генетические различия между русскими, белорусами и украинцами. На этой основе предпринимаются попытки (рядом белорусских и украинских специалистов) критического переосмысления трудов российских историков дореволюционного периода (Татищева, Карамзина, Ключевского, Соловьева), которые в настоящее время активно переиздаются и пропагандируются. Особенность трудов историков великодержавного периода состояла в том, что они, устранившись от роли монгольского влияния на процесс становления российской государственности, всячески стремились доказать факт преемственности развития Киевской и Московской Руси, что Россия стала как бы законной преемницей культуры Киевской Руси вне всякого влияния со стороны монгольского порабощения. На самом же деле характер этой преемственности нуждается в существенной корректировке.

Подобные теоретические подходы вряд ли могут оцениваться как научные, имея явно выраженную идеологическую окраску. Великодержавная историография, в одном случае, замещается историографией местного (националистического) характера, в другом случае дело доходит до того, что авторы местных историографий заботятся не столько о восстановлении чести своей национальной истории, сколько стараются бросить тень на все историческое прошлое России, развенчивая исторических

кумиров прошлого (например, Александра Невского, Кутузова, Суворова и т. д.). Раздается даже своеобразный плач по поводу того, что французам не удалось завоевать Россию (см., например, книгу А. Тараса «1812 год – трагедия Беларуси»). Такие, с позволения сказать, исторические сочинения не столько направлены на выяснение исторической правды, сколько сеют рознь между славянскими народами и вполне могут быть приравнены к пропаганде национальной розни и вражды.

Однако наличие таких противоположностей заставляет вновь обратиться к истокам славянской культуры, выявляя как ее общие признаки, так и отличительные особенности, дальнейшее развитие которых и привело к формированию трех братских народов, трех славянских языков, трех наций и, наконец, трех самостоятельных, независимых государств, о чем и свидетельствует современность. Именно от этой современности и следует отталкиваться, уходя в глубь истории.

Историческую связь славянских культур отрицать невозможно, но нельзя не видеть и особенностей их развития. Как в равной мере нельзя не видеть и особенностей развития трех самостоятельных княжеств (Новгородского, Киевского и Полоцкого), которые чаще всего представляются как части единого политического (государственного) объединения под названиями «Киевская Русь», «Киевская держава», «Древнерусское государство». Как бы это ни показалось странным, но приходится признать, что никогда не существовало «Древнерусского государства» как единого политического образования (как в равной степени не существовало и единого «Древнегреческого государства», а были лишь отдельные, самостоятельные города-полисы, пока они не оказались завоеванными персами, а затем македонцами и римлянами, что, однако, не мешает говорить о единой древнегреческой культуре и древнегреческой истории).

Единственным объединяющим моментом указанных княжеств было то, что они (вплоть до распада) управлялись варягами, которые и принесли с собой такое название, как «Русь». Постепенно это название приобрело общеславянский смысл, обозначая земли трех княжеств, которые так и не слились в единое государство, ведя бесконечные битвы за свои приоритеты. Если к этому добавить еще и процесс их удельного дробления, то станет понятным, почему закончилась их самостоятельная история и они оказались втянутыми в исторические процессы своих более мощных соседей. Нельзя не учитывать и того факта, что эти княжества оказались как бы на политическом водоразделе, интерес к которому проявляли варяги (жившие здесь с древнейших времен), политики Литвы и Польши, с одной

стороны, а затем и Московского княжества – с другой стороны. Все это заставляет по-новому взглянуть как на истоки российской истории, так и на процесс зарождения славянско-белорусской народности, зарождения белорусского языка, культуры и государственности. При этом, не очень огорчаясь по поводу того, что эта история переполнена военными конфликтами (то, что случилось, то и случилось, исторические факты изменить невозможно, меняется лишь их интерпретация), наличие которых и определяло дипломатию того времени, которая также является частью этой истории.

В водовороте этих событий оказалась и Полоцкая земля. Обычно политическую историю Восточной Европы начинают с переселения славян. Но она имеет более древние корни. В Восточной Европе люди жили с древнейших времен (в Беларуси, например, найдены стоянки первобытных людей, которые жили здесь 100 тыс. лет назад) и развивались в общем русле мировой истории. Хотя народы этого региона отставали в своем развитии от цивилизаций древнего мира, тем не менее они непосредственно граничили с государствами этого мира и имели с ними деловые контакты. Греческие колонии располагались по всему северному побережью Черного моря, ведя активную торговлю с местными племенами. Одно время греческие города полностью зависели от торговых поставок зерна из этих колоний.

(Историческая справка: «Греки стали осваивать Северное Причерноморье в VII веке до н. э. Сначала это были торговцы из Ионии, приезжавшие за хлебом, рыбой, рабами, а также для сбыта греческой продукции. В это время появляются их первые временные торговые фактории, например на острове Березани (у устья Днепра). Затем с VI века начинается более широкий процесс колонизации, организуемый греческими полисами и связанный с постепенным оседанием греко-переселенцев в новых местах» [История древнего мира. – М., 1956. С. 412]).

Можно предположить, что греки, стараясь расширить свои торговые операции, поднимались все выше и выше по Днепру (Борисфену), осваивая и описывая новые территории. Хорошо известна «История» Геродота (V в. до н. э.), в которой подробно описывается жизнь многих причерноморских племен, в том числе и скифов. Можно предположить, что греки весьма далеко продвигались по рекам причерноморского бассейна в глубь Восточной Европы еще в дохристианские времена. А с началом христианской эпохи греки уже хорошо знали путь из Варяг в Греки, о чем свидетельствует «Повесть временных лет», описывающая путешествие Андрея (брата апостола Павла), который якобы освятил место появления в будущем г. Киева. Затем на этих территориях, как волны, сменяли друг друга множество различных племенных объединений (скифы, сарматы, аланы, готы, гунны).

Своя история складывается и в бассейнах рек, впадающих в восточную часть Балтийского моря. Здесь обитали многочисленные племена скандинавов, балтов, норманов, викингов, варягов, латов, эстов и т.д., которые также осваивали глубинные регионы Восточной Европы и не могли не встретиться с греками. Их контакт и стал осуществляться с помощью водного пути из Варяг в Греки и из Греки в Варяги. Хотя появление этого пути относится к IX в., тем не менее можно предположить, что его история начинается гораздо раньше. Так как в древние времена люди селились в основном вдоль рек и других водоемов, то вполне допустимо, что этот путь (который имел разные разветвления и на Запад и на Восток в бассейн р. Волги, а по подробному писанию в «Повести временных лет» представлял собой своеобразную европейскую кругосветку) был не просто водной артерией, но и наиболее плотно заселенной частью Восточной Европы еще до славянского переселения, на которой размещались многочисленные племена, находящиеся на стадии разложения родового строя. Поэтому ко времени переселения славян этот регион представлял собой отнюдь не пустынную зону, а территорию с достаточно развитой местной культурой балтского происхождения. Как отмечают современные белорусские историки, изучающие историю Полоцка, «с раннего железного века и до раннего Средневековья городище принадлежало балтам, которые и дали название городу – Полоцк, от р. Полота. В середине VIII в. полоцкое городище заселяют носители археологической культуры смоленско-полоцких длинных курганов, которую большинство историков отождествляют со славянами-кривичами. С этого времени начинается летоисчисление «града» Полоцка, который в X–XI вв. постепенно преобразовался в центр земли-волости – Полоцкого княжества – со своей княжеской родословной и епископской кафедрой (992 г.)» [1]. В другом издании также отмечается тот факт, что: «Летописные кривичи занимали значительную территорию Восточной Европы в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, на юге Чудского озера. Их появление было результатом ассимиляции пришельцами-славянами местных балтских и западнофинских племен» [2].

О балтском происхождении города свидетельствует и тот факт, что его первыми князьями были представители варяжского племени. Как утверждает Д. Дук, «имя первого полоцкого князя неизвестно, но он был варягом (скандинавом) по происхождению, как и сам Рюрик» [3]. Интересно и то, что спустя сто лет (т. е. уже в тот период, когда славяне расселились на полоцкой земле) Полоцком правили варяги. «Рогволод, – пишет Дук, – стал первым полоцким князем, чье имя запечатлел летописец. Известно,

что он пришел «из-за моря», имел дочку Рогнеду. Рогволод княжил около 980 г., т. е. больше чем на столетие поздней княжения первых правителей, имена которых... нам неизвестны» [4].

Но зато хорошо известно, что все полоцкие князья как в далеком прошлом, так и в более поздние времена были варягами. Полоцкая земля, таким образом, оказалась тем регионом, в котором происходили сложные процессы смешения различных культур, различных форм хозяйственной деятельности (сельскохозяйственной и ремесленно-торговой), которая получила свое дальнейшее развитие с установлением торговых связей между греками и варягами (скорее всего, еще до славянского переселения). Сама эта деятельность требовала более четкой организации и соответствующего управления. Управление же предполагает концентрацию власти, создание особых управленческих структур. Князья с подчиненными им воинами (дружиной) и представляли собой такую форму власти. Можно предположить, что такая форма власти впервые стала утверждаться именно в Полоцке, ставшем опорным пунктом и перевалочной базой на западной ветви пути из Варяг в Греки.

Глухим отголоском, указывающим на более древнюю историю Полоцка по сравнению с Новгородом и Киевом, являются следующие сведения, зафиксированные в летописи: «Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и называли его Новгородом» [5]. Получается, что Полоцк уже существовал, когда там появились славяне, а Новгород возник только с появлением славян в этом регионе.

Интересен еще и тот факт, что полочане (представлявшие собой пеструю смесь славянских переселенцев и местных балтских племен) явились родоначальниками таких ветвей славянства, как кривичи и северяне. Вот что говорится по этому поводу в «Повести временных лет»: «И по смерти братьев этих (речь идет о братьях, основавших г. Киев. – А. Е.) потомство их стало держать княжение у полян, у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне» [5, 29].

Здесь же указывается и такая особенность славян этого региона, что все они имели один язык: «Вот кто только говорит по славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, про-

званные так потому, что сели по Бугу, а затем ставшие называться волянянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, – эти говорят на своих языках» [5, 29].

Данная цитата имеет весьма глубокий историко-этнический и политический смысл. Во-первых, в ней указывается на то, что все славяне, переселившиеся в Восточную часть Европы, говорили на одном родственном языке, они говорили «по славянски». Причем, регион расселения славян (как особого этноса) весьма обширный. Он занимал территорию от Новгорода, Смоленска и Полоцка на Севере, до Киева и Буга на Юге.

Во-вторых, появляется термин, который стал названием всей территории восточных славян – «Русь». В этом названии одновременно сливаются два смысла. Один – территориально-географический (обозначающий земли славян), второй – политический, обозначающий власть варягов, которые постепенно расширяли пределы своего правления, собирая дань с подвластных племен. Этническое родство правящей элиты (их варяжско-русское происхождение) как бы узаконивало их право на верховную власть в славянских землях, местное население почему-то этому не сопротивлялось.

Термин «Русская земля» постепенно действительно стал общим обозначением всех славянских земель, которые, однако, так и не слились в единое государство, а представляли собой самостоятельные княжества: Киевская русь, Новгородская русь, Полоцкая русь, Смоленская русь, а затем и Владимирская русь, Московская русь и т. д.

Эта раздробленность прослеживается уже с момента правления Рюрика, который, став единовластным правителем в Новгородской земле (после весьма загадочной смерти его младших братьев), стал раздавать города и земли славян своим родственникам, как бы распространяя понятие «Руси» на все земли, где властвовали варяги. Таким образом, понятие «Русь» действительно приобрело двойное значение. Оно имело как географический смысл, который отчетливо проявляется в выражении «Русская земля», так и политический, обозначающий систему варяжско-княжеского управления, т. е. господство варягов на этой земле. Поэтому фразу «народы, дающие дань Руси» следует понимать как дающие дань варягам, т. е. правящей элите, а не славянам. Славяне также платили дань, как и все остальные народы, оказавшиеся под властью варягов. Характерно, что еще до появления Рюрика в Новгороде славяне и соседние племена платили дань варягам. Вот что говорится в «Повести» на этот счет: «Варяги из заморья вимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех криви-

чей. А хозары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма» [5, 35, 37].

(Здесь необходимо сделать одно пояснение. Дело в том, что термин «славяне» также имеет двойной смысл. Им в «Повести» обозначаются как все славянские племена, переселившиеся в Восточную Европу, так и те, что поселились в Новгороде. В приведенной цитате речь идет именно о новгородцах. Получается, что они платили дань варягам еще до появления Рюрика в этом городе. Но тогда существенно меняется и картина его призвания на княжение в этом городе, ибо получается, что новгородцы еще до него были в подчинении у варягов. Правда, они могли прогонять одних, почему-то не понаравившихся им варягов и призывать других на освободившееся место князя, но это не меняет сути политической власти в этом городе).

Продолжая разговор о политическом характере выплаты дани и о политическом значении термина «Русь», можно отметить тот факт, что славяне продолжали выплачивать дань варягам и в то время, когда последние стали расширять территорию своего правления. Вот как об этом повествует летопись: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет матерью городам русским”. И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозванные русью. Тот Олег начал ставить города и установил дань славянам, и кривичам, и мери, положил и для варяг давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава» [5, 39].

В-третьих, указывается на то, что славяне жили вперемешку с другими племенами и народами (которые говорили «на своих языках»). И все они должны были платить дань княжеской фамилии, т. е. давать «дань Руси». Одним из проявлений этой дани было рекрутирование молодых парней в состав княжеских дружин, само же управление дружинами оставалось привилегией варягов.

В-четвертых, в подчиненном положении от варягов находились как славянские, так и многие неславянские племена, в том числе литовцы и ливонцы.

С возникновением Новгорода и призванием варягов на княжение в нем история восточных славян приобретает странные метаморфозы, которые и зафиксированы в названной летописи. Территориальные топонимы (кривичи, поляне, древляне и т. д.) и этническое обозначение родственных (по языку) племен под общим названием «славяне» дополняется еще одним термином, имеющим своеобразную политическую окраску – «Русь». Происходит своеобразная русификация славян: славянский язык вдруг превращается в русский, древнеславянская литература – в литературу древнерусскую, славянские земли переименовываются в земли русские, а славянский

Киев превращается в Киевскую Русь. Это преобразование до сих пор остается загадкой, которую не могут разгадать историки. Фиксируя, например, появление русской литературы, Д. С. Лихачев отмечает: «Появление русской литературы в конце X – начале XI века – “дивлению подобно”. Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании» [5, 14].

Этот известный исследователь российской словесности объясняет данное явление глубокой связью (языковой и культурной) между Русью и Болгарией (на эту связь указывает и летопись). Но эта связь, действительно имевшая место в общем развитии славянства, ничего не говорит о том, почему же восточные славяне в одночасье вдруг стали русскими (в то время, как западные славяне сохранили свои традиционные названия), почему новая культура стала называться «древней», хотя и появилась на столет позже болгарской и существовала не в древнем мире, а в средние века. Одним словом, здесь не одна, а целый клубок терминологических загадок. Одной из таких загадок и является вопрос о том, существовало ли реально Древнерусское государство или это плод воображения более поздних историков, которые попытались идеализировать истоки российской истории. По крайней мере, на основе текста «Повести» невозможно сделать вывод о существовании такого государства. Речь, скорее, идет о каких-то первичных формах его зарождения, которые так и не были реализованы, в связи с процессами феодального раздробления, а затем утверждением господства новых правящих элит, т. е. переходом власти в славянских землях от варягов к литовцам, к полякам и к московским князьям (и царям).

Кроме того, с появлением варягов в Новгороде история восточных славян как бы расслаивается на два потока. С одной стороны, выступает этно-территориальная и общекультурная история славян этой ветви (процессы их миграции и расселения в Восточной Европе, их хозяйственной деятельности). С другой стороны, выделяется политическая история этих территорий, оказавшихся под сильным воздействием балтийских племен, а затем и княжеств (варягов, литовцев, поляков). С постепенным возрастанием политического интереса к этим территориям со стороны московских князей, а затем и царей.

Политика и границы политических образований в Восточной Европе постоянно менялись, а народы (местное население) продолжали существовать на своих территориях, занимаясь не менее важной, чем политика, хозяйственной деятельностью (сельским хозяйством, ремеслом, торговлей),

обеспечивая всем необходимым князей, их двор и дружины, сохраняя особенности своего языка и повседневной культуры. Тем самым хозяйственно-бытовая жизнь и политика как бы расслаивались и осуществлялись представителями разных племен. Элитно-политическую часть общества составляли варяги (а затем литовцы и поляки), а хозяйственную – славяне и представители других местных племен. Это расслоение имело место как внутри города (между его жителями и княжеской дружиной), так и между городом и сельскими поселениями. Так как городское население не могло полностью удовлетворить материальные запросы княжеского окружения, то приходилось собирать дань с окрестных сел. Сам способ такого сбора носил силовой характер, т. е. собиралась дружина (как правило, по осени) и объезжала соседние села, изымая излишки сельскохозяйственной продукции. Такой способ сбора дани хорошо описан в «Повести» на примере деятельности киевского князя Игоря (которого из-за его жадности и убили местные селяне). На этом примере хорошо иллюстрируется и понятие границ княжества. Территориально они никогда не были строго обозначены и определялись лишь тем, до какого пункта могла добраться княжеская дружина. Эти земли и считались княжеским владением (поэтому современные исторические карты с обозначением границ Киевского княжества представляют собой весьма условное обозначение, как и само название «Киевская держава»).

До тех пор пока княжеские владения отделялись большими пространствами свободных земель, территориальных споров между князьями (потомками Рюрика) не было. Но постепенно увеличивалось количество населения этих княжеств, появлялись новые города, увеличивалось количество уделов, сел, какой-то княжеский стол становился более престижным (более развитым, богатым), что и приводило к обострению политических интересов, носителями которых было княжеское окружение.

В водовороте этих событий и оказалась Полоцкая земля, князья которой, находясь в родственных связях с рюриковичами, то сближались со своими соседями в Новгороде и Киеве, то вступали в яростные схватки с ними. Никакие родственные связи не гарантировали подлинного политического единства. Наоборот, политические интересы разводили по разные стороны баррикад даже самых близких родственников. Споры решались главным образом с помощью оружия и военных операций. Начиная с самого Рюрика и кончая последним киевским князем Мстиславом Владимировичем (1125–1132) история этих княжеств – это история бесконечных войн и переделов, расширения зон сбора дани, борьба за тот или иной княжеский престол. Наряду с военными действиями политическая жизнь

княжеств определялась династическими браками, дипломатическими союзами и процессами христианизации славян.

Особое значение, с точки зрения политической ситуации, имел процесс появления уделов и удельных княжеств. Клан рюриковичей постоянно разрастался, требуя обеспечения новых членов рода соответствующими земельными наделами. Этот процесс закончился тем, что на территории трех великих княжеств образовалось множество мелких удельных образований, претендующих на самостоятельный политический статус, но ставших легкой добычей внешних завоевателей.

В водовороте этих преобразований Полоцкому княжеству принадлежала отнюдь не последняя роль. Его правители на равных (с Киевом и Новгородом) участвовали в организации политической жизни этого европейского региона, что и нашло свое отражение в летописных памятниках славянской культуры. Такие летописи (разные редакции «Повести») писались священнослужителями с явно идеологической установкой на возвеличение новой для России религии (христианства) и княжеской власти (описание их военных походов и впечатляющих побед). Они создавались во всех трех основных центрах славянского расселения, но до нас дошли только те летописи, которые создавались в Киеве и в Новгороде, что касается летописей Полоцкого княжества, то они оказались утерянными. Поэтому политическую историю этого княжества приходится восстанавливать по имеющимся источникам.

Политическая история Полоцка (как, в равной мере, и Киева) начинается с момента появления в Новгороде варяжского князя – Рюрика (сами новгородцы в «Повести» почему-то постоянно выступают просителями княжеской власти: и Рюрик, и Владимир оказываются такими приглашенными князьями). Но, так или иначе, политическая история Полоцка (а затем и Киева) начинается с правления Рюрика в Новгороде.

После загадочной смерти младших братьев Рюрика, он стал единоличным правителем Новгородской земли, раздавая города своим родственникам. А род его был, видимо, достаточно большим. В «Повести» говорится: «И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома. Теми всеми правил Рюрик» [5, 37].

Но властные претензии Рюрика этим не ограничивались. Его интересы простирались аж до самой столицы Византии – Царьграда (Константинополя), куда он и отправил военную экспедицию во главе с Аскольдом

и Диром. Но те дошли только до Киева, посчитав, видимо, что и этой добычи для них хватит. Киевляне в это время платили дань хазарам. «Аскольд и Дир, – как отмечается в летописи, – остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян» [6]. Владение, как уже отмечалось, сводилось к обязанности платить дань. Следует признать, что варяги в это время (вторая половина IX в.) были одним из самых воинственных племен в Европе, поэтому их территориальные претензии выходили далеко за пределы славянских земель. Об этом говорит тот факт, что Аскольд и Дир, передохнув в Киеве и укрепив свою дружину новыми воинами, все же двинулись на греков. Но поход этот оказался неудачным. Разыгралась буря и разметала корабли, как говорится в «Повести», «язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой» [6, 39].

После смерти Рюрика (879 г.) княжеская власть в Новгороде перешла к его родственнику – Олегу (в связи с тем, что Игорь – сын Рюрика – был еще малолетним ребенком). Этот правитель прославился своими боевыми походами и расширением территории властных полномочий варягов. При нем под власть варягов перешел Смоленск. Как отмечается в летописи о походе Олега, «и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей» [6, 39]. А затем захватил Любеч и, наконец, сам Киев, который по территории и количеству жителей явно уступал Полоцку. Сами же полочане принимали самое активное участие в этих походах Олега, так как составляли основную часть его дружины.

В 907 г. Олег предпринял еще более грандиозный поход на Царьград, собрав воинов со всех подчиненных варягам территорий, в том числе и кривичей из Полоцка и Смоленска. Таким образом, кривичи (а исходя из территориальных соображений, именно они и являются предками беларусов) оказались втянутыми в сложный водоворот политических событий, инициаторами которых были новгородские варяги. В летописи отмечается: «Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варяг, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки Великая Скиф» [6, 45]. И добился-таки своих притязаний, заключив весьма выгодный мир с греческими царями, получив с них богатую дань, укрепив тем самым свою власть в Киеве и расширив рамки Киевского княжества аж до Черного моря.

Что же касается простых жителей Полоцка, Смоленска и Новгорода, то, судя по всему, они жили по своим законам, не являясь в это время подданными Киева, сохраняя свой автономный статус.

Война с Византией (или, как говорится в летописи, с греками) становится доминантой военно-политической деятельности русских варягов. В походах на греков активно участвовала Ольга (одна из первых на Руси принявшая крещение в 955 г., причем крестили ее, как отмечается в летописи, сам царь греческий и патриарх) и ее сын Святослав, одолевший болгар и перенесший свою резиденцию из Киева в Переяславце. В летописи так повествуется об этом: «Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков» [7]. Здесь также можно обратить внимание на тот факт, что выплата греками дани русским варягам отнюдь не приводила к гибели греческого государства. Тем более что понятие выплаты дани отнюдь не всегда означало многолетней зависимости, а представляло собой лишь получение военных трофеев.

Что же касается русских земель, то власть там (в 970 г.) распределилась между сыновьями Святослава. Ярополку досталась Киевская земля, Олегу – земля древлян, а Владимир отправился в Новгород (опять же по просьбе новгородцев). Так что в это время вряд ли можно говорить о каком-то едином древнерусском государстве, это все еще отдельные земли, управляемые самостоятельными князьями, взимающими дань в свою пользу.

И кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба болгар (подвластных Византии), если бы и там остались варяги. Но на Киев напали печенеги, и Святославу срочно пришлось возвращаться к своим родным очагам, спасая мать и своих детей. Но Святослава не очень привлекал Киев, и он все время рвался в полюбившийся ему Переяславец. Летопись отмечает: «Сказал Святослав матери своей и боярам своим: “Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекают все блага: из Греческой земли – золото, пшеница, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы”» [7, 81]. На эти слова мать ему сказала, что когда она умрет, он вправе будет поехать куда захочет.

Попутно можно заметить, что в тексте летописи постоянно упоминается тот факт, что славянские земли были постоянным источником рабов для Византии.

Заветной же мечтой Святослава было завоевание столицы Византии. Однако постоянные набеги печенегов на Киев помешали сбыться его планам. Более того, в одном из таких набегов он был пленен и казнен. Как отмечается в летописи, «и напал на него Куря, князь печенежский и убил Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него» [7, 89].

Политическая же жизнь набирала свои обороты. Она зависела не только от военных операций, но и от интриг княжеского двора. Свою роль в политических событиях варяжской правящей элиты сыграл один из старейших воевод Святослава Свинельд, к советам которого не прислушался князь (в результате чего и погиб). А Свинельд вернулся в Киев и стал служить Ярополку. Но после того, как сын Свинельда был убит Олегом (по неосторожности или с умыслом – история о том умалчивает), этот воевода стал травлять Ярополка на его брата (Олега). Дело дошло до вооруженного столкновения, в результате которого Олег погиб (в 977 г.), «и наследовал его власть Ярополк» [7, 89]. К Киевскому княжеству таким образом была присоединена земля древлян. Но Полоцк оставался самостоятельным княжеством.

Когда весть об убийстве Олега дошла до Владимира, княжившего в Новгороде, она настолько потрясла его, что он «испугался и бежал за море» [7, 91]. Скорее всего, к своим родственникам-варягам. А Ярополк, воспользовавшись этим, захватил и новгородский княжеский стол. Как говорится в летописи, «посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею» [7, 91]. И на этот раз Полоцк оставался самостоятельным княжеством.

Однако владение это продолжалось недолго (поэтому опять же невозможно говорить о существовании какого-то полноценного централизованного государства), ибо уже в 980 г. Владимир, собрав новую варяжскую дружину, вернулся в Новгород и объявил, что идет войной на Киев отомстить Ярополку за убийство брата. А на самом деле с явным намерением расширить свои владения. Родственные связи здесь отступали на задний план. С этого момента Полоцк вновь втягивается в политические интриги варягов.

Дело в том, что дочь Полоцкого князя Рогнеда, достигнув зрелого возраста, пожелала вступить в брак с киевским князем Ярополком. Это явно усиливало бы мощь Киева и мешало Владимиру осуществить свои планы. Поэтому он решил опередить события. Прежде чем идти войной на Киев, он направился в Полоцк. «И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены» [7, 91]. Можно сказать, что таким коварным способом состоялся династический брак. Но династические браки (которые в это время были весьма популярной формой заключения политических союзов) не приводили к потере самостоятельности вступающих в союз сторон, и Полоцк продолжал конкурировать на политической сцене с Киевом и Новгородом, вступая в те или иные союзные отношения.

Обеспечив себе тыл, укрепив свою дружину за счет полоцких воинов, Владимир двинулся дальше на Киев. Противостояние Новгорода и Киева

закончилось тем, что Владимир убил своего брата, а жену его (гречанку) взял себе в наложницы.

Не ограничившись этим, он предпринимал новые походы против соседних славянских племен (радимичей и болгар). Установив мир с болгарами, вернулся в Киев и занялся чистой политикой. Объединение трех основных княжеств (Киевского, Полоцкого и Новгородского), казалось бы, было завершено. Но для полноценного оформления нового государственного объединения нужна была соответствующая идеологическая база, чисто силовые методы удержания этого единства были явно недостаточны.

Идеологической основой политического единства была в то время только религия. Язычество, традиционное для славян, не могло служить объединяющей силой, так как подпитывалось в основном местными традициями (ритуалами, изваяниями богов-идолов, особенностями шаманских действий и т. д.). Нужна была такая вера, которая была бы общей для всех славянских племен и княжеств (только после этого можно было бы говорить о существовании единого государства, как бы оно ни называлось – «Киевская русь» или «Древнерусское государство»). Решение этого вопроса и стало основной целью проводимой Владимиром политики.

Ко времени его правления в Европе уже сложились и были хорошо известны три мировые религии – иудаизм, христианство и мусульманство (ислам). В летописи весьма подробно и красочно описывается, как Владимир подбирал наиболее подходящую для славян новую религию. Процесс этот занял целых два года. То к нему приходили представители этих религий и рассказывали о преимуществах своей веры, то Владимир посылал своих послов в те страны, где эти религии уже утвердились (чтобы на месте узнать, как происходит служба), постоянно советовался со своими боярами и дружиной. Немалую роль, очевидно, сыграли и те обстоятельства, что его бабка (Ольга) уже была крещенной и могла рассказывать внукам о ее понятии бога, да и его жена Рогнеда явно тяготела к идеям христианства. Но и этого оказалось мало. Понадобился еще целый ряд событий (в том числе связанных с захватом Корсуни, с требованием выдать за него сестру греческих царей Анну, с внезапным его ослеплением и прозрением), прежде чем он сам согласился на собственное крещение, что и произошло в 988 г. в Корсуне.

Вернувшись крещенным в Киев, Владимир стал уничтожать языческие идылы и организовал массовое крещение киевлян в Днепре. Разумеется, от единичных актов крещения до массового принятия новой религии проходят многие годы. Мировоззрение в одночасье переделать невозможно. Но

сам факт принятия христианства правящей элитой (которая все еще вела свою родословную от варяга Рюрика) имел большое политическое и культурное значение как для самого Киева, так и для всей Русской земли, в том числе и для Полоцкого княжества, куда постепенно начали проникать идеи новой религии и формироваться ее адепты. В Полоцке создается своя епархия и строится великолепный Софийский собор (XI в.), не уступавший по своему значению Киевскому и Новгородскому. Тем не менее можно сказать, что Полоцкая земля никогда не была в полном подчинении от Киева, несмотря на династические браки и общую родословную с Рюриковичами. Вплоть до возникновения Великого княжества Литовского Полоцк находился как бы в оппозиции Киеву и Новгороду, проводя достаточно самостоятельную политику. Об этом говорят следующие события.

После того как жена Владимира Рогнеда с сыном Изяславом была выдворена из Киева (после неудавшегося заговора против ее мужа) и переправлена в Полоцкую землю, ее сын стал княжить в Полоцке, продолжая политику отца по внедрению в массовое сознание местного населения новой религии, т. е. занимался в основном вопросами культурно-просветительской деятельности. Его сын Бречислав Изяславович (1003–1044), унаследовавший княжеский стол Полоцка, в духе своих предков, сразу же стал проводить политику на расширение территории своего княжества. Но трудность проведения этой политики заключалась в том, что Полоцкое княжество оказалось зажатым между своими соседями (Киевом и Новгородом) и расширяться можно было только за счет соседей, что неминуемо приводило к столкновению интересов бывших родственников и как бы к разделению их полномочий. Бречислав несколько расширил границы своего княжества за счет Новгородских земель. Даже сам Киевский князь Ярослав Мудрый вынужден был признать независимость Полоцкой земли.

Эту же политику продолжал и Всеслав Чародей (1044–1101). Вначале он вместе со своими воинами сотрудничал в боевых операциях киевлян против печенегов, что позволило ему набраться боевого опыта и создать весьма боеспособную дружину. После окончания этих походов он вернулся в Полоцк и продолжил политику расширения территории своего княжества. Отвоевал Псков (1065) и штурмом овладел Новгородом (1066). При этом в качестве трофеев не погнушался даже снять колокола с Софийского собора (в настоящее время в Полоцке установлен величественный памятник этому князю).

Разжиганию территориальных аппетитов Всеслава содействовало и то, что после смерти Ярослава Мудрого (1054) Киевское княжество (или «Ки-

евская русь»), уже в который раз, оказалось разделенным на три части, в которых правили сыновья Ярослава (Изяслав в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславце). Их отношения никак нельзя назвать дружескими. Киевское княжество в связи с этим разделом стало утрачивать свое лидирующее положение в славянских землях. Однако, почувствовав опасность со стороны Всеслава Чародея, эти братья объединились и двинулись в пределы Полоцкой земли. 3 марта 1067 г. произошла знаменитая битва на Немиге (под Минском), победителями в которой оказались Ярославичи. Всеслав был пленен, отвезен в Киев и посажен под арест.

Но положение Изяслава в Киеве было, видимо, не очень прочным. Киев раздирали внутренние противоречия. Это привело к тому, что в нем осенью 1068 г. вспыхнуло восстание жителей города. Изяслав бежал из Киева, а восставшие освободили Всеслава и упростили его взять власть в городе. Так Полоцкий князь оказался еще и князем Киева, что, однако, нельзя рассматривать как соединение двух княжеств в одно. Тем более что власть его продолжалась недолго. Через год Изяслав при поддержке польского войска вернулся в Киев, и теперь уже Всеслав вынужден был срочно ретироваться из Киева. Вся последующая деятельность Всеслава Чародея прошла под знаком борьбы с наследниками Ярослава Мудрого. В результате этой борьбы Полоцкое княжество сумело отстоять свою самостоятельность. Но после смерти Всеслава Полоцкая земля оказалась втянутой в общий процесс феодального раздробления. На мелкие уделы распадается все три великих княжества, т. е. политическая власть начинает дробиться, возникает множество местных конфликтов, разрушаются торговые связи, увядают традиционные ремесла, продукция которых обеспечивала рыночные отношения. О размерах Полоцкого княжества можно судить хотя бы по тому факту, что оно распалось на большое количество довольно крупных территорий, среди которых были такие княжеские образования, как Борисовское, Браславское, Витебское, Минское, Заславское, Друцкое, Логойское, Оршанское и ряд других. Город Минск создавался в оборонительных целях и исполнял роль форпоста на южных границах Полоцкого княжества.

Ослабление этого региона в политико-военном отношении приводило к тому, что он становился предметом легкой добычи со стороны более активных в политическом отношении соседей. Одна властная элита уходила, а на место ее приходила другая иноземная властная элита (варягов сменили литовцы). Народ же оставался славянским, сохраняя свои национальные традиции, свой славянский язык и культуру, на базе которых и сложились три современных славянских народа и три самостоятельных государства,

каждое из которых может гордиться своей самобытной историей и уникальностью своей культуры. Почему эти родственные славянские народы (русские славяне) впоследствии стали называться русскими, беларусами и украинцами – это уже другая история, требующая своего особого изучения. Одно лишь можно сказать, что именно Полоцкая земля (которая недавно отметила свое 1150-летие), ее этнополитические традиции стали той основой, благодаря которой сформировалась новая славянская общность – белорусский народ. В настоящее время, избавившись от доминирования иноземных политических элит, этот народ обрел все признаки развитой европейской нации и политической независимости в виде суверенного, многонационального и многоконфессионального государства, авторитет которого постоянно возрастает и укрепляется в современном мире.

Библиографические ссылки

1. Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XII стст.). Наваполацк, 2010. С. 4.
2. Беларусь: народ, государство, время. Минск, 2009. С. 34.
3. Дук Д. У. Полацк і палачане (XI–XIII стст.). Наваполацк, 2010. С. 4.
4. Дук Д. У. Полацк і палачане (XI–XIII стст.). Наваполацк, 2010. С. 4.
5. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 25, 27.
6. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 37.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 79.

ПРАВЯЩИЕ ЭЛИТЫ И НАРОДНЫЕ МАССЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ (историко-социологический анализ)

История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Это, однако, не означает, что нарративная история, т. е. история как наука, представляет собой абсолютно точное и объективное описание реалий прошлого, не требующее каких-либо изменений и уточнений. Дело в том, что история (как плод человеческого разума) постоянно находилась и находится под воздействием национально-политических и иных социальных интересов, которые накладывают свой отпечаток на характер исторического описа-

ния, подгоняя прошлое под интересы настоящего, что-то особо выпячивая, а на что-то закрывая глаза. Неудивительно поэтому, что время от времени в исторической методологии вспыхивают острые дискуссии по поводу исторического познания, критериев его истинности и объективности, сущности исторических фактов и законов, необходимости пересмотра старых исторических концепций. Особенно наглядно такое переосмысление происходит тогда, когда общество само переживает глубокие процессы своей трансформации. Достаточно в этом плане сравнить исторические трактаты царской России, советского периода и постсоветской действительности. В настоящее время, когда на постсоветском пространстве сформировался целый ряд новых самостоятельных государств, историки этих государств включились в работу по переосмыслению своего прошлого, особенно тех периодов, когда эти государства существовали до и вне рамок общероссийской истории. Не составляет исключения в этом плане и история Беларуси. А материал исторического прошлого Беларуси столь разнообразен и противоречив, что позволяет формировать самые разнообразные концепции этнического, социального и политического планов в угоду тем или иным политическим амбициям. Русофобство сменяется русофильством, тяга к Западу заставляет переоценивать роль литовского, польского и российского влияния на Беларусь, с явным намеком на то, что именно западное влияние оказало решающее воздействие на возникновение белорусской государственности в то время, как российское сдерживало этот процесс. Утверждается, например, что Новогородок (Новогрудок) является «калыскай беларускай дзяржаўнасці». При этом забывается, во-первых, что именно с Новогородка начинается литовская экспансия земель предков беларусов-кривичей и формируется не белорусская, а литовская княжеская власть; во-вторых, и это особенно важно, из политической истории Беларуси вычеркивается многовековая история Полоцкого княжества, которое существовало намного раньше литовского вторжения и действительно заложило основы государственного правления на будущей белорусской земле; в-третьих, в состав Великого княжества Литовского входило намного больше славянских земель, чем земли Полоцкого княжества, но никто из современных жителей Новгорода или Киева не считает литовских князей своими политическими предками. Одним словом, историческое прошлое Беларуси, ангажированное различными политическими пристрастиями, само становится частью политики, влияя на расклад политических сил в обществе.

Важными проблемами истории Беларуси как раз таки и оказываются вопросы образования белорусской народности и белорусской государ-

ственности (когда и как славяне-кривичи стали называться беларусами, когда и как начинают формироваться первичные институты политической власти на территории, получившей впоследствии название «Беларусь»).

Анализируя типы политической власти, М. Вебер в качестве первого из них указывает на так называемое «традиционное государство». С его точки зрения, легитимность «традиционного государства» зиждется на авторитете нравов, «освященных исконной законностью и привычной ориентацией на их соблюдение», это авторитет «вечно вчерашних», это такая власть, которую «осуществляли патриарх и патримональный князь старого типа» [1].

Комментируя эту идею, Дж. Масионис пишет: «Вебер полагал, что доиндустриальные общества характеризуются традиционной властью – той, которая приобретает легитимность через уважение к давно устоявшимся культурным образцам. Она как бы входит в коллективную память общества таким образом, что люди считают социальное устройство едва ли не священным. Так воспринимались в древности китайские императоры, подобным же образом утверждалась элита средневековой Европы» [2].

Уточняя эти положения, можно отметить, что М. Вебер имел в виду тот период, когда политическая власть приобретает привычно-традиционный характер. Но любая традиция имеет и свою начальную стадию. С исторической и политической точек зрения важно не только фиксировать наличие традиционной власти, но и попытаться раскрыть причины и механизмы ее зарождения. Особенность этого процесса состоит в том, что власть может зарождаться двумя способами: либо путем естественного развития самого общества, когда происходит выделение родо-племенной верхушки (аристократии), которая присваивает себе властные полномочия; либо путем внешнего влияния как проявление силового давления со стороны более сильных в военном отношении соседей. История восточно-европейских княжеств дает наиболее яркие примеры именно второго способа установления власти и формирования политических элит. Правда, процесс этого формирования имеет весьма запутанную историю, ибо представляет собой сложную картину, во-первых, смешения различных этнических групп и потоков, во-вторых, многозначности понятия «Русь», которое использовалось для обозначения как некоторых шведских племен, так и для обозначения земель передней части Восточной Европы (т. е. для обозначения Новгородского, Полоцкого и Киевского княжеств, которые возникли задолго до формирования централизованных систем управления московского региона, ставшего впоследствии преемницей этого названия). Поэтому

часто встречающиеся в летописях выражения «Русская земля», «платили дань Руси», «русские победили» и т. д. отнюдь не всегда однозначно интерпретируются в исторической литературе. Так, если дворянско-буржуазные историки (включая Н. М. Карамзина) слова «Русь», «русин», «русский» связывали с появлением варягов на славянских землях, то советские историки немало потрудились над тем, чтобы доказать сугубо славянский дух этих понятий, исключительную самобытность русской культуры и местных истоков политической власти.

Кроме этого, необходимо учитывать еще и то обстоятельство, что в настоящее время со все большей очевидностью проявляется стремление национально ориентированных авторов подтягивать историю Беларуси к традициям Великого княжества Литовского. В этом случае вся предшествующая история этого региона уходит как бы в тень далекого прошлого и утрачивает свое значение в плане раскрытия более глубоких истоков формирования белорусской народности и ее политических институтов.

Все это и заставляет вновь обратиться к хорошо известным историческим фактам, с точки зрения их современного переосмысления. Для этого необходимо выйти за узкие рамки сугубо национальной историографии (включая ее российский и советский периоды) и обратиться к более широкой источниковедческой базе, включающей работы как современных отечественных, так и зарубежных авторов.

В этой связи хотелось бы обратиться к ряду изданий, в которых посвоему освещается процесс политического развития славянских земель, в том числе и тех, которые впоследствии стали называться Беларусью. Это, прежде всего, курс лекций «История Беларуси в контексте европейской истории», подготовленный профессором П. И. Бригадиным. Свою точку зрения на процесс политического развития Беларуси высказал и профессор А. Е. Криштапович в работе «Беларусь как русская святыня», вышедшей в 2011 г. Большой археологический и источниковедческий материал содержится в книге Д. В. Дука «Полоцк и полочане (IX–XII века)», а также в монографии «Полоцк», выпущенной сотрудниками Института истории НАН Беларуси. Большой интерес представляет книга А. Котлярчука «Шведы в истории и культуре белорусов», изданной в Минске в 2002 г., а также учебник шведских авторов «История Швеции», переведенный на русский язык в 2002 г. Интересные сведения о начальном этапе политического развития славян содержатся в книге «Военная история России», вышедшей в 2012 г. Весьма оригинальный взгляд на развитие российской государственности развивает М. Ефремов в статье «К вопросу о российской государ-

ственности», напечатанной в журнале «Молодая гвардия» (2012, № 10). Наконец, необходимо указать и на такие фундаментальные труды последнего времени, как «Ілюстраваная гісторыя – Краіна Беларусь» и «Ілюстраваная гісторыя – Краіна Беларусь. Вялікае Княства Літоўскае», изданные при материальной поддержке Белорусско-Шведского банка в 2012 г.

Углубляясь в историю политического развития восточных славян, хотелось бы обратиться именно к начальной стадии этого развития, уточнив при этом объект исследования и те традиционные понятия, которые сложились в старой историографии для описания этого объекта. Анализируя эту проблему, мы будем касаться в основном той части славянских земель, которая связана с историей Новгорода, Полоцка и Киева. В рамках этой исследовательской задачи сформируем ряд гипотез.

Гипотеза первая. Переселение славян, начавшееся в VI в. и продолжавшееся несколько веков, двигавшихся с юга на север Европы, совпало со встречным движением скандинавов (норманнов, викингов, варягов, русов), первоначально осуществлявших свои набеги на приморские страны Западной Европы, а затем начавших распространять свое влияние на восточное побережье Балтийского моря и речные бассейны Восточной Европы.

Гипотеза вторая. В военном отношении скандинавы превосходили славян, которые, как отмечают многие историки, отличались своим миролюбием, терпимостью и тягой к оседлой земледельческой жизни, т. е. основной формой их проживания были сельские общины. Скандинавы же, проводя военные действия, широко использовали и торговые операции, поэтому их интересовали в основном города (где можно было добыть богатые трофеи) или удобные пункты транзитной торговли (в основном на реках, где можно было получать пошлины с торговцев, например, города, расположенные на знаменитом пути «из варяг в греки»), здесь они либо основывали города, либо завоевывали уже существующие.

Гипотеза третья. Переселение славян происходило не в пустынные, незаселенные зоны Европы, а в такие регионы, где обитали местные племена, поэтому здесь происходило сложное смешение языков и культур с постепенным доминированием славянского языка. В результате такого смешения происходило, с одной стороны, ославянивание как местных племен, так и варяжских завоевателей (многие из них стали получать славянские имена и осваивать местный славянский язык), а с другой стороны, происходило обрусение славян и местных территорий, так как варяги принесли с собой общее для всех завоеванных территорий название – «Русь».

Гипотеза четвертая. Особенностью формирования политической (княжеской) власти у славян является то, что она начинает формироваться не

в силу их внутреннего социального расслоения (как это следует из марксистской теории классового разделения общества), а в силу внешнего влияния со стороны более воинственных соседей, каковыми и оказались варяги.

С позиции этих гипотез мы и попытаемся рассмотреть ряд известных исторических фактов.

К моменту переселения славян Восточная Европа представляла собой достаточно обжитый материк. Здесь находят стоянки даже первобытных людей, а в более поздние времена здесь, как волны, сменяли друг друга представители разных племен: скифы, аланы, обры, готы, гунны, хазары, печенеги, половцы и другие. В северном причерноморье еще в дохристианские времена размещались греческие колонии, которые вели активные торговые операции с местными племенами. Что же касается северной части Восточной Европы, то здесь обитали чудь, меря, весь и другие народы угро-финской группы. Именно поэтому, говоря о славянизации Восточной Европы, необходимо учитывать эту пеструю смесь различных этносов, языков, верований, бытовых условий и культурных традиций. Исследователи отмечают: «Индоевропейцы были предками многих современных европейских народов. В родословном дереве беларусов можно найти и угро-финов, и германцев. Историки считают, что среди очень далеких предков у нас могли быть скифы и кельты. Но самыми мощными корнями будущего белорусского дерева были балты и славяне. Именно они обозначили место и отличие нашего народа в общеевропейской семье» [3].

Картина переселения славян и их топонимы в наиболее полной форме раскрываются в летописи «Повесть временных лет». Все последующие изложения этого вопроса опираются на материал этой летописи. Правда, в свободном пересказе этого материала зачастую утрачиваются важные детали, поэтому есть необходимость обратиться к самому первоисточнику. В указанной летописи так описывается процесс переселения славян: «Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравами, а другие назывались чехи. А вот еще те же славяне; белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные мазовшане, иные поморяне. Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью

и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота называлась “славянская”» [4].

Так красочно описывается процесс расселения славян в летописи. И хотя многие из них получили свои топонимы, все они принадлежали к одному этносу, так как имели один общий язык – славянский (разумеется, с большим количеством диалектов). Автор летописи особо старается подчеркнуть этот факт. В частности, он пишет: «Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сели по Бугу, а затем ставшие называться волянянами» [4, 29].

Описывая расселение славян, летописец указывает и на наличие местных племен на территориях этого расселения, подчеркивая следующий факт: «А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, перьм, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы – эти говорят на своих языках» [4, 29].

Все эти народы до возникновения княжеской власти находились на стадии общинно-родового строя, занимались ремеслом и сельским хозяйством, были жестко прикреплены к земле, т. е. были мирными тружениками. Их воинский дух если и проявлялся, то только при защите своих обжитых территорий. А защищаться в то время, как говорится, было от кого.

В период переселения народов сельская община была основным способом проживания славян, которые занимались мирным трудом, нацеленным на обеспечение людей всем необходимым для их жизни. В силу обширности европейских территорий каждый род жил отдельно и управлялся самостоятельно. «Власть родоначальника, принадлежавшая отцу семейства, по существу своему не ограниченная, у славян, как народа сравнительно миролюбивого и притом земледельческого, значительно смягчалась и не носила того сурового характера, как у их соседей, например, германцев» [5].

Иная картина складывается в Европе в конце VIII – начале IX в. В этот период начинается встречное движение скандинавских племен с севера на материковую часть Европы. Норманны (викинги, варяги – предки шведов), переживая свой пассионарный взрыв, стали активно осваивать западное побережье Европы, а также речные бассейны Восточной Европы с це-

лью осуществления военных и торговых операций (путь «из варяг в греки» им, видимо, был известен давно). Будучи прекрасными мореходами и отменными воинами, они наводили ужас на европейцев, которые никак не могли справиться с тактикой их неожиданных нападений. Англия, Франция, Испания, Италия испытали на себе все тяготы таких нападений.

В VIII в. начинается активное освоение варягами восточного побережья Балтийского моря и речных путей Восточной Европы. Сбиваясь в сплоченные боевые дружины во главе со своим князем, варяги двинулись на Восток. Первым городом, который они основали (или завоевали – это до сих пор не установлено), была Старая Ладога. Именно этих варягов местные финны стали называть русами – хотя само это название имело на севере Европы более широкое хождение. «Первой шведской колонией, – пишет А. Котлярчук, – была Старая Ладога, основанная в середине VIII в. на северо-западе современной России. Именно здесь шведские викинги-купцы получили от местного финского населения название «Русь»... До сих пор термин «Русь» используется для обозначения Швеции в финском и эстонском языках» [6].

Обосновавшись на берегах Ладожского озера (которое в прошлом могло представляться и морем), варяги, скорее всего, делали набеги и на соседние земли, покоряя их жителей. Под их влиянием оказались местные и славянские племена, вынужденные платить дань своим завоевателям. А южная часть славян оказалась под властью хазар, выплачивая им свою дань. В «Повести временных лет» так говорится об этом: «Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма» [4, 35, 37].

Долго терпеть такое положение славяне не могли. Собравшись с силами, они выдворили варягов со своих земель, но после этого между ними начались вооруженные конфликты, что вновь вынудило их обратиться за помощью к варягам. Летопись так описывает эти события: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими

родами и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» [4, 37].

К этому можно было бы добавить еще и то, что именно от этих варягов и началась княжеская власть на славянских землях. Особенность этой власти заключалась в том, что она имела иноземный характер, на долгие годы определив специфику политического развития восточно-славянского региона, ибо здесь классовое деление общества (начавшееся в период разложения родового строя) дополнялось этническим неравенством, так как управляющей элитой стали варяги, а местное население оказалось под их властью, выполняя функцию основных производителей материальных ценностей. Какие же выводы можно сделать на основе приведенной цитаты?

Во-первых, автор стремится доказать мирный приход варягов на славянские земли (их якобы позвали сами местные жители). Однако, зная воинственный дух норманнов, трудно предположить этот вариант утверждения княжеской власти. Скорее всего, здесь не обошлось без силового давления. Но для обоснования легитимности этой власти понадобилась идея «призвания», ибо в условиях примитивно языческих представлений, господствовавших у славян, да и у самих варягов, доказывать божественное происхождение власти (как это делалось в древнем мире) было явно несподручно. Доказывать же свою легитимность варягам явно приходилось, особенно после того, как они стали расширять свои владения на славянских землях и прочно утвердили свою власть в Киеве. Учитывая время и место написания «Повести временных лет», полную зависимость зарождающегося христианства от княжеской власти, можно предположить, что сама эта «Повесть» и есть попытка «теоретического» обоснования легитимности этой власти.

Во-вторых, трудно поверить в то, что враждующие племена (к тому же разбросанные на большой территории) без какого-либо представительского органа могли осуществить акт «призвания». Более вероятным представляется все же акт завоевания, о чем и свидетельствует вся последующая история варяжского правления на первой Руси, т. е. Руси доросийского периода.

В-третьих, важным проявлением легитимизации варяжско-княжеской власти явилось то, что произошло переименование славянских земель в «Русь». Как утверждает летописец, «и от тех варягов прозвалась Русская земля». На основе этого факта несколько уточняется и процесс легитимизации власти. Он происходит не снизу как зарождение привычки, а сверху

как утверждение власти идеологическими средствами, внедрением в сознание людей новых понятий, новых названий, новых законов, новых идеалов. Что же касается привычек, то они появляются уже на стадии закрепления этих инноваций. В этой связи можно было бы вспомнить процесс эллинизации завоеванных территорий Александром Македонским, установление в ходе завоевания новых территорий статуй римских императоров в храмах местных богов, или название новой власти в России – «Власть Советов».

С утверждением варягов на княжеском престоле в Новгороде история восточных славян (и соседних с ними народов) претерпевает странные метаморфозы. Территориальные топонимы (поляне, древляне, кривичи, дреговичи и т. д.) и их общее название – «славяне» дополняются еще одним термином, имеющим определенную политическую окраску – «Русь». Происходит своеобразная русификация славян: славянский язык вдруг превращается в русский, древнеславянская литература – в литературу древнерусскую, славянские земли переименовываются в земли русские, а славянский Киев в Киевскую Русь. Естественно возникает вопрос, о какой же Древней Руси может идти речь, если она только, только возникла в результате такого переименования в IX–X в. В древность, если можно так выразиться, уходит только славянская история. Характерно, что в самой «Повести», написанной в конце XI в., термин «древнерусский» не используется. Поэтому на основе текста этой «Повести» невозможно утверждать о существовании Древнерусского государства. Скорее всего, это название появляется значительно позже, в рамках царско-российской историографии, которая по-своему пыталась обосновать легитимность царской власти в России, отыскивая для этого глубокие исторические корни.

Постепенно это новое название стало господствовать в общественном сознании, вуалируя истинные корни княжеской власти, создавая иллюзию сугубо местного характера этой власти. Например, Д. С. Лихачев в предисловии к данной «Повести» пишет: «В целом “Повесть временных лет” представляла для своего времени своеобразную энциклопедию. Из нее можно было узнать и о происхождении славянской азбуки, и об основах христианской религии, и о происхождении рода русских князей, и о многом другом» [4, 18]. Здесь нетрудно заметить, что фраза «род русских князей» уже не воспринимается как «род варяжских князей», каковыми они были на самом деле, а именно «русских князей», которых российская историография стала рассматривать как предшественников царской власти в России, хотя самой России в это время еще не существовало.

Обрисовав картину зарождения княжеской власти в Новгороде, автор «Повести» показывает дальнейшую эволюцию этой власти, расширение ее пределов на славянских землях. После загадочной смерти младших братьев Рюрика (не исключено, что они были просто убиты) он стал единоличным правителем Новгородской земли. Расширяя свои властные полномочия, он стал одаривать своих приближенных городами и весями славянских земель. «И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро» [4, 37]. При этом автор «Повести» считает необходимым подчеркнуть смешанный этнический состав этих городов. «Варяги, – пишет он, – в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, а в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома. Теми всеми правил Рюрик» [4, 37].

Но властные претензии Рюрика этим не ограничивались. Его интересы простирались до самой столицы Византии – Царьграда (Константинополя), куда он и отправил военную экспедицию во главе с Аскольдом и Диром. Но те дошли только до Киева, утвердив власть варягов в этом городе. Киевляне в это время платили дань хазарам. Летописец фиксирует: «Аскольд и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян» [4]. Тем самым освободили киевлян от необходимости платить дань хазарам, переправив ее в собственные закрома.

Из этой фразы следует, что отряд варягов был весьма многочисленным, что и обеспечило возможность утверждения варяжской власти в Киеве, жители которого, по-видимому, этому утверждению не сопротивлялись, полагая, что они приобрели надежных защитников, освободивших их от необходимости платить дань хазарам. Но, отдохнув четыре года в Киеве и собрав большое войско, куда входили и представители местных племен (а для этого и надо было собирать дань в свою пользу, чтобы содержать это войско), Аскольд со своим поплечником отправились-таки завоевывать Константинополь. Поход оказался неудачным, так как разыгралась буря и разметала корабли «язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой» [4, 39]. В данном случае лишний раз убеждаемся в многозначности термина «русский», так как в приведенной цитате им обозначаются именно варяги, а не славянские завоеватели. Что же касается варяжских устремлений поживиться богатствами Константинополя, то они с маниакальной регулярностью повторялись почти всеми варяжскими князьями, утвердившимися на Киевской земле.

Таким образом, особенностью варяжского правления на Руси (то бишь на славянских землях) были следующие обстоятельства. Во-первых, властные полномочия варягов ничем не ограничивались и никем не оспаривались, поэтому они весьма свободно проводили территориальную политику, раздавая города и земли своим соплеменникам, тем самым расширяя социальную базу своего правления, так как формировался слой варяжских землевладельцев. Во-вторых, они присвоили себе право пополнять свои дружины за счет местного населения (о чем будет сказано ниже), доводя их количество до многотысячных отрядов. Однако командный состав этих отрядов продолжал сохранять свое варяжское происхождение, обеспечивая военную поддержку новой власти. В-третьих, князья присвоили себе право сбора дани с местного населения (как с жителей покоренных городов, так и с жителей соседних сел, т. е. с тех же славян), обеспечив тем самым экономическую поддержку своей власти. Поэтому фразу «платили дань Руси» надо понимать не иначе как платили дань правящей варяжской элите. Сбор дани первоначально проводился княжеской дружиной во главе с самим князем, что и определяло границы княжества, которые никогда не были строго фиксируемыми.

А теперь вновь вернемся к историческим фактам. Если при жизни Рюрика он еще мог рассматриваться как единоличный правитель подвластных ему земель, то после его смерти многие из этих земель (розданных им своим родственникам и соплеменникам) стали заявлять о своей автономии. В частности Полоцкая земля во главе с Рогволодом постепенно стала приобретать черты самостоятельного княжества со своей собственной княжеской родословной и епископской кафедрой (992 г.). Да и Киев все больше и больше стал отделяться от Новгорода, пока не превратился в самостоятельное княжество с признаками централизованной власти над окольными славянскими территориями, что обеспечило экономическое могущество этого княжества и привело к братоубийственной борьбе между наследниками Рюрика, которые жаждали попасть на богатый киевский престол.

После смерти Рюрика (879 г.) княжеская власть в Новгороде перешла к его родственнику – Олегу (так как сын Рюрика в это время был еще малолетним ребенком). Этот правитель прославился своими боевыми походами и расширением властных полномочий варягов. Он покорил Смоленск, Любеч и как бы вторично захватил Киев, хитростью заманив Аскольда и Дира в свой лагерь и уничтожив их. После этого двинул Олег свои отряды на греческий Царьград. Вот как описывает этот поход летописец: «Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собой множество

варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки “великая Скифь”. С этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду... И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги» [4, 95].

Из этой цитаты следует, что, во-первых, властные полномочия варягов значительно расширяются на славянских землях, так как они могли уже собирать свое войнство с достаточно больших территорий, сохраняя за собой командные высоты (первыми в приведенном списке воинов фигурируют все те же варяги); во-вторых, несколько расширяется объем понятия «русские», так как в этом месте оно обозначает не столько самих варягов, сколько все войнство (состоящее из представителей разных народов), подчиненное варягам; в-третьих, показывается, сколь жестокими были отношения между победителями и побежденными, в данном случае проявилась генетическая жестокость, присущая варягам и описанная многими историками.

После такой жесткой расправы, учиненной «русскими» над греками, последним ничего другого не оставалось, как заключить мир на весьма тяжелых для себя условиях. Благодаря этим походам Олег укрепил свою власть в Киеве и расширил рамки Киевского княжества аж до Черного моря. «И жил Олег, – как отмечается в летописи, – княжа в Киеве, мир имя со всеми странами... И было всех лет княжения его тридцать и три», а погиб (по легенде) от своего любимого коня.

По смерти Олега в 913 году стал княжить повзрослевший к этому времени Игорь (сын Рюрика). Возглавив войнство, он тут же включился в боевые действия, расширяя сферу своих полномочий. Вновь обрушился на древлян, возложив «на них дань больше Олеговой», а затем организовал новый поход на греков. И вновь автор летописи отмечает организующие возможности варягов: «Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев – нанял печенегов (в это время печенеги еще сотрудничали с варягами. – А. Е.) и заложников у них взял, – и пошел на греков» [4, 59]. Тем вновь пришлось откупаться от назойливых завоевателей крупной данью и мирным договором.

Вернувшись в Киев, Игорь отправился со своими воинами за данью к древлянам. Сбор дани в то время представлял собой характер военных

трофеев, т. е. она собиралась с помощью силы. Но здесь Игоря подвела жадность. Собрав дань с древлян, он отправил основную часть отряда в Киев, а сам с небольшим количеством воинов решил вернуться к древлянам с целью получить еще большее количество дани и окончательно покорить их. Узнав о возвращении Игоря, древляне решили защищаться. Они, «выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало». Этот пример ярко показывает, как варяги укрепляли свою власть на славянских землях и к чему приводили их непродуманные расчеты. Но убийство князя не означало ликвидацию власти, так как правление варягов приобрело уже характер социального института, поэтому после убийства Игоря власть автоматически перешла к его жене Ольге, которая в это время «была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом».

Жестоко отомстив за убийство мужа, Ольга стала наводить порядок в своем княжестве, «устанавливая распорядок даней и налогов», которыми она обложила древлян (здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что дань собиралась именно с древлян, а не со всех славянских земель), постоянно заботясь о расширении своих властных полномочий не только в Киеве, но и в соседних славянских землях. Этот пример говорит о том, что не только первым варяжско-русским князьям, но и их преемникам приходилось укреплять свою власть на славянских землях с помощью силы. Справившись с этой задачей, Ольга по семейно-варяжской традиции вновь обратила свой взор к богатствам греческой земли. Как утверждает в летописи, «отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду». Поход этот увенчался тем, что Ольга первая среди славянских варягов приняла христианство (в 955 г.). Крестили ее сам греческий «царь с патриархом». Как утверждает летописец, «блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг – Христа» [4, 77].

Этот акт, кроме чисто личного значения (для самой Ольги), имел большое политическое значение, так как власть варягов в Киеве приобретала международное признание. Легитимность этого правления определялась теперь не только силой оружия, но и религиозными санкциями. Тем самым власть киевского князя приобретала более высокий ранг по сравнению с рангами всех остальных варяжско-русских князей, одновременно возвышая и роль Киева, по сравнению с другими варяжско-славянскими княжествами. Видимо, сама Ольга неплохо осознавала эти последствия для укрепления своей власти и старалась вовлечь в христианство своего сына. Летописец отмечает, что после возвращения Ольги в Киев, жила она «вме-

сте с сыном своим Святославом, и учила его мать принять крещение». Но сын ее «и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал этого». Можно предположить, что отдельные акты крещения варяжской элиты Киева уже начали происходить в это время.

Самому Святославу было не до крещения, ибо с молоком матери впитал он боевой дух варягов. Манили его к себе не затхлые кельи монахов, а поля сражений. «Когда Святослав вырос и возмужал, – отмечает летописец, – стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал» [4, 79]. Воевал он и со славянами (с вятичами), и с хазарами, и с болгарами (которые в то время принадлежали греческой Византии). Так летописец описывает один из его походов: «Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков» [4, 79].

Однако на Киев в это время напали печенег, и Святославу срочно пришлось возвращаться к своим родным очагам, спасая мать и своих детей. Но и после этого он постоянно мечтал о Переяславце. Летопись передает следующие слова Святослава: «Сказал Святослав матери своей и боярам своим: “Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы”» [4, 81].

Из этих слов можно сделать следующие выводы. Во-первых, констатировать факт значительного расширения территории Киевского княжества за счет завоевания южных по отношению к Киеву земель. Во-вторых, не очень твердое значение столичного города, так как все сборы стекались не в столицу княжества, а в тот город, в котором находился князь и его дружина. В-третьих, название «Русь» здесь уже используется как название особой страны, то есть оно приобретает более широкий социально-политический смысл. В-четвертых, особое пристрастие Святослава к Переяславцу объясняется еще и тем, что от него, как говорится, было «рукой подать» до Царьграда, завоевание которого все еще оставалось заветной мечтой варягов.

Вскоре, после того как атака печенегов была отбита, Ольга умерла, и начался передел властных полномочий. Святослав разделил власть между своими сыновьями. Ярополк стал княжить в Киеве, Олегу досталась земля древлян, а Владимир отправился в Новгород (здесь нужно отметить, что Владимир, будучи варягом, не принадлежал к прямым потомкам Рюрика,

так как был рожден «от Малуши – ключницы Ольгиной»). Сам же Святослав все же отправился в Переяславец. И неизвестно, чем бы закончилась судьба болгар (а вместе с ними судьба Руси и Византии), если бы Святослав надолго задержался в этом городе. Но осуществить свою мечту о захвате Царьграда Святославу не удалось. Печенег продолжали свои набеги на земли Киевского княжества, и Святославу постоянно приходилось отлучаться из Переяславца для борьбы с ними. Более того, в одном из таких набегов он был пленен и казнен печенегами.

После этого наступили на славянских землях смутные времена, ибо брат пошел на брата, варяг на варяга. Как говорится в летописи, «пошел Ярополк походом на брата своего Олега в Деревскую землю». Олег в той битве погиб (в 977 г.), «и наследовал власть его Ярополк». Узнав об этих событиях, Владимир почему-то покинул Новгород. Летопись так описывает эти события: «Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк послал своих посадников в Новгород и владел один Русскою землею» [4, 91]. Здесь фраза «владел один Русскою землею» нуждается в пояснении. Дело в том, что его власть распространялась на Киевское, Древлянское и Новгородское княжества. Что же касается Полоцкого и Смоленского княжеств, то они в это время были независимыми территориями и управлялись собственными варяжскими князьями. Да и власть Ярополка на обозначенных землях была весьма кратковременной. Уже через три года (в 980 г.) «Владимир вернулся в Новгород с варягами» (опять же «с варягами») и объявил, что идет войной на Ярополка. С этого момента Полоцк втягивается в активные политические действия варягов.

Дело в том, что Владимир, видимо, желая укрепить свое войско за счет кривичей, решил заключить династический брак с дочерью Полоцкого князя Рогнедой. Но та уже дала свое согласие на брак с Ярополком, да и Владимиру ответила весьма дерзко, мол «не хочу разуть сына рабыни», намекая на его не княжеское происхождение. Эта дерзость дорого стоила ее отцу. Владимир объявил войну Рогволоду, напал на Полоцкое княжество, убил его и двух его сыновей и насильно взял себе в жены Рогнеду. После этого, собрав большое войско, двинулся на Киев, одолел Ярополка и убил его, проявив при этом незаурядную хитрость. При этом дополнительно взяв себе в жены его жену-гречанку, видимо, стараясь с помощью этих браков компенсировать свое не княжеское происхождение. О хитрости Владимира говорит и следующий эпизод из его жизни. После того как Киев оказался захваченным, его воины-варяги заявили ему: «Это наш город, мы его захватили, – хотим взять выкуп с горожан по две гривы с человека».

Не возражая своим воинам, Владимир решил тайно избавиться от них. Он «выбрал мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальных же отправил в Царьград к грекам». Но при этом послал своих посланников к греческому царю со словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но расели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного» [4, 93].

И стал, как говорится в летописи, Владимир княжить в Киеве один, демонстрируя свою приверженность языческой религии, «поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносил им жертвы, называя их богами» [4, 95]. Утвердившись в Киеве, продолжал ходить походами и на славян, и на болгар, расширяя пределы своего княжества.

Интересна и личная жизнь Владимира. Этому вопросу летописец уделяет особое внимание. В частности он пишет: «Был же Владимир побежден вождением, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится селцо Предславино, от нее имел четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки он имел Светополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц» [4, 95].

И вот такой человек, навоевавшись вдоволь и, видимо, поняв, что только силой оружия власть над большим количеством завоеванных народов обеспечить невозможно (многих из этих народов ему приходилось завоевывать и дважды, и трижды), задумался над тем, как эту власть сохранить и упрочить. Мировой опыт подсказывал, что большую роль в плане легитимизации власти над большим количеством различных народов имеют новые религиозные системы. Ко времени правления Владимира в мире уже были хорошо известны иудаизм, христианство и мусульманство. В летописи подробно и красочно описывается, как Владимир подбирал религию для укрепления своей власти. Процесс этот занял два года. Владимир принимал представителей этих религий, которые рассказывали ему о преимуществах своей веры; отправлял своих послов в те страны, где эти религии уже утвердились (чтобы на месте узнать, как проходит служба); постоянно советовался со своими боярами и дружиной (среди которых уже были некоторые крещенные), пока не убедился в преимуществах христианства. Тем не менее понадобился еще ряд событий (в том числе связанных с за-

хватом Корсуни, требованием выдать за него сестру греческих царей Анну, с внезапным его ослеплением и прозрением), прежде чем он сам принял решение о собственном крещении, которое произошло в Корсуни в 988 г.

Вернувшись в Киев, Владимир организовал массовое крещение подчиненных ему варягов и местных жителей в Днепре. Разумеется, от единичных актов крещения до массового принятия новой религии проходят многие годы. Мировоззрение в одночасье переделать невозможно. Но факт принятия христианства правящей элитой имел большое политическое и социальное значение, так как включал Киев в число цивилизованных европейских городов, повышал уровень легитимности власти и придавал киевскому князю статус первого князя среди всех остальных варяжско-русских князей.

Эти положительные последствия принятия христианства несколько не повлияли на смягчение воинского духа варягов. Наоборот, необходимость раздела княжеской власти привела к кровопролитной борьбе между наследниками Владимира, а наследников, как мы убедились, было достаточно много (чтобы удовлетворить их наследственные претензии, Владимиру пришлось даже строить новые города). Так или иначе, но Киевское княжество (как в равной мере, Новгородское и Полоцкое) стало распадаться на уделы, на формирование большого количества феодальных землевладений, обладающих своей юридической и политической автономией. Так постепенно начал формироваться новый класс феодалов в основном варяжского происхождения. Классовое разделение общества приняло ярко выраженную этническую окраску. Такое распыление властных полномочий снижало авторитет центральной власти, падала роль Киева как объединяющего политического центра, снижалась военная мощь «Русской земли». Сложными становились социальные отношения не только между варягами и славянами, но и внутри самого варяжского социума. Возникла необходимость юридического регулирования всего спектра этих отношений.

Таким документом оказалась «Русская правда», ставшая основой варяжско-феодального права, ибо основными владельцами земли на первой Руси (т. е. домосковской Руси) оказалось весьма разросшееся племя варягов (из вышесказанного можно заключить, что многие князья постоянно обращались к своим соплеменникам-варягам, приводя их на славянские земли, а затем за доблестную службу раздавая им славянские города и земли). Но важно не только это обстоятельство, но и то, что авторами ее были представители варяжско-княжеского рода, не зря же ее первоначально называли «Правда Ярославичей». С выходом этой «Правды» феодальные отношения на Руси (еще в домосковский период) получили пол-

ноценную юридическую основу и окончательно легитимизировали власть варягов на славянских землях.

В российской историографии долгое время дискутировался вопрос о местном или инородном происхождении термина «Русь», о заимствовании многих статей «Русской правды» из западных юридических документов. Но дело даже не в этом, а в том, кому первоначально принадлежала власть на славянских землях. Все исторические источники неопровержимо доказывают тот факт, что власть эта принадлежала варягам, которые стремились удержать ее как силовыми, так и идеолого-юридическими средствами. Более того, именно варяжские князья, широко практикуя раздачу славянских земель своим родственникам и приближенным (а земля раздавалась вместе с живущими на ней труженниками), начали формировать класс крупных землевладельцев-феодалов, которые также в большинстве своем относились к варяжскому племени. Таким образом, классовое деление на Руси в его первоначальной форме имело ярко выраженную этническую подоплеку.

Все население русско-славянских земель по «Русской правде» делилось на следующие категории:

- князья – вожди варяжских племен и боевых отрядов, правители княжеств (мы уже отмечали тот факт, что приспособляясь к новым условиям, варяги называли своих детей славянскими именами, но первые варяги, обосновавшиеся на Новгородской земле, имели свои скандинавские имена);
- бояре – представители высшего сословия феодалов на Руси. Пользовались иммунитетом, судебным правом на своих территориях и возможностью переезжать от одного князя к другому, большинство бояр также имело варяжское происхождение;
- дружинники – воины княжеской дружины, подручные князя, служившие ему за денежное или натуральное вознаграждение в мирное и в военное время, командный состав дружинников также состоял из варягов;
- горожане (Градские люди) – жители города, делились на купцов и ремесленников, среди купцов преобладали варяги;
- мужи – свободные люди;
- смерды – свободные крестьяне-общинники, имевшие свое хозяйство и свою пашню, члены сельской общины, в основном представители местных племен;
- холопы – феодально зависимые люди, по своему положению близкие к рабам, выполняли различные работы в хозяйстве феодала, формировались за счет пленных (в том числе и соседних славянских земель), продажи за долги, а также за счет вступивших в брак с холопом или холопкой;

- изгои – люди, утратившие свой прежний социальный статус, не занимающиеся никакой хозяйственной деятельностью и никому не нужные.

О социальном неравенстве говорят некоторые статьи «Русской правды». Так, за убитого смерда или холопа следовало заплатить 5 гривен, а за убийство княжеского тиуна или конюха полагалось заплатить аж 80 гривен (это стоимость 40 лошадей). Если же холопа убивал сам хозяин, то он вообще не привлекался ни к какой ответственности, более того, феодал мог купить, продать или подарить своего холопа (и при всем этом почему-то многие российские историки утверждали, что на Руси не существовало рабства). Таковы в общих чертах особенности формирования княжеской власти у восточных славян. Поэтому можно считать, что все наши гипотезы получили свое доскональное подтверждение соответствующими историческими документами.

Однако, несмотря на все усилия закрепить свою власть на славянских землях, варяги столкнулись с негативными последствиями своего правления. Во-первых, не были четко отрегулированы права наследования княжеской власти. Получалось так, что еще живущий князь распределял города между своими сыновьями, назначая их удельными князьями (часто уступая власть в Киеве одному из своих сыновей, причем не всегда старшему). А дальше перераспределение властей осуществлялось с помощью военной силы (когда «брат воевал против брата»). Достаточно в этом плане вспомнить историю утверждения в Киеве Владимира или Юрия Долгорукова.

Описывая практику наследования в Киевской Руси, М. Ефремов отмечает: «При этом часто возникали споры из-за власти, которые приходилось разрешать военной силой, от чего страдало мирное население. Опустошалась земля князя-противника и уводило его людей в полон, «грабить и продавать людей» было обычным делом. В лучшем случае плененных жителей селили на землях захватчика, в худшем – продавали в рабство» [7]. Так получилось, что варяжские князья, получая большие земельные угодья, не сумели перестроить свое сознание в сторону хозяйственной деятельности (в лучшем случае этим занимались их помощники), а сами они всю свою страсть отдавали войне (с ее трофеями) и охоте. Как отмечал советский историк Рыбаков, «самым большим бедствием и проклятием Киевской Руси были ее князья».

Во-вторых, по мере расширения княжеского рода и появления большого количества удельных князей, ослабевала центральная власть (т. е. власть Киева). Власть как бы размазывалась по всей территории Киевской Руси. Свою роль в атомизации власти сыграли и бояре (в большинстве сво-

ем также выходцы из варяжского племени), которых было трудно собрать на какое-нибудь общегосударственное дело. «Бояре, – отмечает М. Ефремов, – были в еще большей степени, чем князья, носителями анархического, антигосударственного начала. Боярин в любой момент мог “отъехать” от “своего” князя и поступить на службу к другому (даже враждебно настроенному по отношению к князю, у которого боярин служил), не рискуя потерять имения в “своем” княжестве» [7, 256].

В-третьих, по мере закрепощения местного населения и усиления его эксплуатации начался отток его части в северо-восточном направлении. «Русский народ, – отмечает М. Ефремов, – образовался на рубеже XI–XII веков на северо-восточной окраине Киевской Руси, в Залеской Руси или в Ростово-Суздальской (позднее названной Владимиро-Суздальской) земле. Туда в то время устремился мощный поток славян из терявших свое значение Киева и других южных княжеств (прежде пионерами освоения этого края были новгородцы). Причина проста: эксплуатация местного населения князьями Киевской Руси и ростовщиками, находившими княжеское покровительство, была очень жесткой, что неоднократно приводило к народным бунтам и вызвало массовое бегство населения из южных княжеств в Суздальскую землю» [7, 256].

После всего этого нетрудно понять, почему монгольское нашествие как бы врасплох застало киевскую политическую элиту, которая не сумела оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления новым захватчикам. Монгольский утюг безжалостно прошелся по Киевской земле, превратив ее в безжизненную пустыню. В Киеве, в котором ранее насчитывалось несколько десятков тысяч жителей, в живых осталось только двести человек, а окрестные поля были усеяны человеческими костями, многие города и села были просто стерты с лица земли. Период монгольского господства ознаменовался тем, что на Западе и на Востоке по отношению к Киевской Руси начали формироваться два новых политических центра со своими политическими элитами – это Великое княжество Литовское и Московское царство, борьба между которыми наложила свой отпечаток на всю последующую историю славянства и на процесс формирования трех братских славянских народов, истоки которых связаны с такими городами, как Новгород, Полоцк и Киев. Литовским князьям нетрудно было завоевать опустошенные земли. Миндовг просто-напросто переехал в Новогородок и объявил о своей власти в нем, а затем перебрался в Вильно. С этих событий начинается весьма своеобразная история нового государственного образования под названием «Великое княжество Литовское, Русское

и Жемойтское». Вскоре, однако, из этого названия исчезли два последних обозначения, как бы демонстрируя полное господство новой политической элиты. Теперь уже литовские князья стали определять политическую жизнь русско-славянских территорий, начав расширение пределов своего княжества, вступив при этом в острый политический конфликт с интересами Москвы, ставшей преемницей русских традиций.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.
2. Мационис Дж. Социология. СПб. : Питер, 2004. С. 542.
3. Ілюстраваная гісторыя «Краіна Беларусь». 2012. С. 16.
4. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы XI – начало XII веков. М., 1978. С. 25, 27, 29.
5. Военная история России. М., 2012. С. 10.
6. Котлярчук А. Шведы ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск, 2002. С. 1–2.
7. Ефремов М. К вопросу о российской государственности // Молодая гвардия. М., 2012. С. 255.

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ МАСКАМ? КРИТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИРВИНА ГОФМАНА

Развитие отечественной социологии на современном этапе тесно связано с глубоким осмыслением западной теоретической мысли. Однако осмысление это носит в основном апологетический характер, разъясняются или комментируются идеи зарубежных авторов без сколько-нибудь глубокого их критического анализа. Дело представляется так, как будто перед нами тексты, выражающие абсолютную истину, доступную только западным теоретикам. А между тем эти тексты весьма остро критикуются самими западными исследователями. Идея фальсификации, которая лежит в основе западной критики, не отменяет (не разрушает) критикуемую теорию, а создает базу для более глубокого ее осмысления с учетом тех противоречий, которые неизбежно в ней присутствуют. С позиции этой идеи и хотелось бы рассмотреть весьма интересную, но отнюдь не лишенную своих противоречий концепцию социального взаимодействия Ирвина Гофмана.

Для американской теоретической социологии характерна очевидная рассогласованность между макро- и микротеоретическими построениями.

После общесоциологических теорий П. Сорокина и Т. Парсонса американская теоретическая мысль явно качнулась в сторону микросоциальных построений. С одной стороны, это оправдывалось тем, что социология не должна воспарять к заоблачным высотам абстрактных построений, а с другой стороны, утверждалась мысль о том, что эта наука должна быть ближе к человеку, к его повседневному опыту, к конкретным ситуациям социального общения и взаимодействия, доступным непосредственному наблюдению и калькулированию. Ярким проявлением второго направления стали теории «зеркального Я», «обмена», «символического интеракционизма», «микроконфликта» и т. д., которые с полным правом могут быть отнесены к парадигме психологизма. К этому же направлению социологической мысли относится и теория социального взаимодействия И. Гофмана.

Хотя идеи этого автора подразделяются многими специалистами на два периода, исходя из того факта, что вначале своего творчества он был сторонником символического интеракционизма, а затем стал приверженцем структурализма, на самом деле это утверждение не соответствует действительности и в какой-то степени искажает суть его учения. Дело в том, что структурализм (как и функционализм) можно истолковывать в самых различных аспектах. Все представители теоретической социологии (начиная с Платона) были сторонниками структурализма, пытаясь ответить на вопрос, как устроено общество, каковы его составные элементы. А вот как эти элементы интерпретировались – с позиции механического, экономического, биологического, психологического или кибернетического подходов, – во многом зависело и истолкование структурно-функциональной характеристики общества. Можно сказать, что ни один из представителей теоретической социологии не ограничивал свою теорию только анализом исходного элемента общества, а стремился на базе своей интерпретации этого элемента воссоздать общую картину общества, особенностей его изменения и функционирования. Переход от выяснения исходной «клеточки» общества к его структуре, к вопросам функционирования и развития общества является общей тенденцией всей теоретической социологии. В этом плане нет какого-то принципиального различия между сторонниками макро- и микротеоретических построений социологии. Разница заключается лишь в интерпретации самого исходного начала социальной структуры. Для кого-то это классы и сословия, нации или народы, а для кого-то отдельно взятые индивиды или их бинарные контакты.

Эта связь между анализом исходного элемента общества и его структурой прослеживается и в творчестве Гофмана, в котором соединяются идеи

символического интракционизма и структурализма (разумеется, истолковываемые в сугубо авторском подходе). Поэтому более правильным было бы считать, что в творчестве Гофмана интеракционизм и структурализм выступают не как два самостоятельных блока (или этапа) в его теоретических построениях, а как две логически связанные части теории, взаимно обуславливающие друг друга. Без его учения взаимодействия «лицом-к-лицу» (в рамках которого речь идет об исходном элементе социума) невозможно понять и раскрыть специфику истолкования им социальной структуры. Как в равной мере, концепция «фрейм-анализа», имея ярко выраженный структуралистский характер, помогает уяснить специфику его истолкования интеракционизма, понимаемого им как «управление впечатлением». Это единая, неразрывная теория, в рамках которой автор вначале раскрывает свое представление об исходном элементе социальной структуры (исходным «атомом» которой, по его мнению, является взаимодействие «лицом-к-лицу» с помощью «маски», что вполне укладывается в парадигму психологизма символического интеракционизма), а затем использует этот образ для построения общей картины устройства общества и отдельных его подструктур (типа групп и организаций). В этой взаимосвязи идей интеракционизма и структурализма в полной мере проявляется оригинальность его теории, получившая название «драматургического» или «театрального подхода». Это стигматизированное название теории (предложенное самим автором) предполагает сопоставление между театральными подмостками (где есть актеры и зрители) с «подмостками» повседневной жизни. При этом Гофман, разумеется, не повторяет уже сложившихся и устоявшихся представлений о характере социального взаимодействия, а старается разработать свою собственную концепцию этого явления, в какой-то мере даже отkreшиваться от классических основ интеракционизма.

Если в интеракционизме в качестве исходной социальной единицы выступают как минимум два субъекта (взаимодействие между которыми и выступает как «единица» социальности), то в теории Гофмана все внимание уделено отдельно взятому человеку, сознание которого раздвоено между его самостью и тем, кем ему хотелось бы казаться в глазах окружающих его людей, что фиксируется понятиями «Я сам» и «Моя маска», что постулирует наличие в человеке его личностных и социальных качеств. При этом автор полагает, что если у здорового человека эта раздвоенность имеет несколько скрытый (латентный) характер, то у людей с психическими расстройствами (или иными нарушениями идентичности) она проявляется в наиболее яркой форме, не удивительно поэтому, что мно-

гие примеры в работах этого автора описывают поведение пациентов особых медицинских учреждений. Получается, что Гофман разрабатывает базисные понятия своей теории на примерах «испорченной идентичности», а затем переносит их на характеристику поведения обычных людей, их групп и общества в целом. В этом плане его трактовка интеракционизма весьма существенно отличается от мидовской, хотя и заимствует из нее некоторые базисные понятия.

Дж. Мид, признанный основоположник символического интеракционизма, попытался проследить все этапы созревания личности от грудного возраста до зрелого состояния, используя при этом понятие «игры», которое заменяет у него понятие социального общения. Именно в рамках игры и осуществляется, по его мнению, процесс ролевого созревания личности. Исследователь полагал, что в развитии личности существуют три стадии кристаллизации и стабилизации собственного «Я». Первую стадию он и назвал «игрой». Как полагал Мид, в процессе этой игры дети способны усваивать весьма ограниченный круг участников общения, сначала только одного-двух (в основном это родители). По мере созревания человек обретает способность принимать роли нескольких лиц (так называемых «Я-образов»), являющихся участниками какой-либо ограниченной деятельности в рамках отдельно взятой организации. Эту стадию он назвал «коллективной игрой». На заключительной стадии формирования личности человек принимает роль «обобщенного другого», т. е. усваивает «сообщество установок», включаясь в наиболее широкий круг общения. На этой стадии не только расширяется круг общения, но и происходит генерализация социально-психологических установок других людей. Этот «обобщенный другой» отождествляется с такими понятиями, как «Бог», «народ», «общество», «мораль», «право», «государство» и т. д. Таким образом, с переходом человека на каждую последующую стадию развития «Я» усиливается его способность принятия роли всевозрастающего числа «других». В сущности, это хорошо известный в социологии и социальной психологии процесс социализации личности, только поданный в несколько ином словесном обрамлении. Нетрудно заметить, что Гофман заимствовал из мидовской концепции такие понятия, как «игра» и «жест», придав им сугубо театральный антураж, в рамках которого социальная роль стала мыслиться как своеобразная маска.

При такой трактовке существенно меняются представления как о природе взаимодействия, так и о понятии социальной роли. Предполагается, что человек не столько выполняет ту роль, которая определяется соот-

ветствующим статусом, сколько подстраивается под нее, стремится сформировать положительное мнение о себе у окружающих его людей (демонстрирует видимость усердного работника, исполнителя, талантливого актера). Он не столько принимает образ всех «других», сколько пытается этим «другим» навязать свой образ, что и реализуется в понятии «управляемое воздействие». Структурно-статусная характеристика социальных образований как некая объективная категория, определяющая природу социального поведения, трансформируется в чисто экспромтное действие, в интенцию приспособления к наличной ситуации. Тем самым учение Гоффмана представляет собой попытку изобразить «повседневность» как некое театральное представление, в котором происходит игра «масок». Индивид в этой «игре» подает себя не тем, чем он является на самом деле, а всего лишь той «маской», которая диктуется той или иной ситуацией общения. Именно этот образ человека-актера (человека-маски) и определяет, по мнению Гоффмана, сущность личности, его внутренний мир, ту социальную реальность, которую он сам в себе конструирует и которая накладывает свой отпечаток на всю систему человеческих отношений и взаимодействий.

Пожонглировав некоторой системой изобретенных понятий, как актер на сцене (а его теория драматургического действия вполне может быть распространена и на его собственное творчество), Гоффман старается убедить читателя в том, что подобное представление социального действия не более чем вспомогательная аналогия, что суть его теории не стоит сводить к этой аналогии. В частности он пишет: «При развитии системы понятий, принятой в данной работе, был использован некий язык театральной сцены. Я говорил об исполнителях и аудиториях (публиках); о рутинных номерах, партиях и ролях; об исполнениях удавшихся или провалившихся; о репликах, сценических декорациях, реквизите, обстановке и закулисе; драматургическом мастерстве и драматургических стратегиях. Теперь пришла пора признаться, что это злоупотребление простой аналогией, отчасти было лишь риторикой и тактическим маневром» [1, 301]. Но как бы ни извинялся автор за свое увлечение различного рода аналогиями (а их в его работах встречается достаточно много), стараясь доказать, что содержание его работ намного глубже поверхностных сравнений, надо признать, что понятие драматургического подхода стало своеобразным клеймом (стигмой) его теории социального взаимодействия и вуалирует основное ее содержание, в том числе и все ее противоречия.

Гоффман попытался разрешить извечную альтернативу социально-исторической необходимости и проявление свободного волеизъявления че-

ловека. В данном контексте прослеживается общее стремление многих американских теоретиков вывести человека из-под диктата внешних обстоятельств, тех статусно-ролевых требований, которые определяют внешние условия поведения и ограничивают волеизъявление человека, заставляя его действовать по определенной схеме, превращая его в некий винтик сложной социальной машины. Человек, с точки зрения этих теоретиков, не пассивный исполнитель социальных требований, а активный творец своей собственной судьбы. Здесь западный индивидуализм и либерализм дополняется идеей творческого волеизъявления человека. Но само это творчество преподносится весьма специфично. У Гофмана это волеизъявление приобретает несколько странное истолкование, нацеленное не столько на добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей (т. е. статусно-ролевых характеристик), сколько на создание деловой видимости. Человек в ситуации общения (формального или неформального) как бы надевает маску, чтобы произвести благоприятное впечатление у окружающих. Поэтому, с точки зрения Гофмана, человек сам себе и автор, и актер, и зритель, так как постоянно отслеживает, какое он производит впечатление на окружающих его людей. При такой интерпретации социальность утрачивает свою стабильность и устойчивую характеристику личности. Человек не столько выполняет роль, сколько просто подстраивается под нее. Само общение «лицом-к-лицу» становится как бы игрой масок, ибо не только отдельный индивид, но и все участники общения являются носителями масок. Социальная коммуникация превращается в быстро изменяющийся процесс смены масок, где нет ничего устойчивого и постоянного, ибо маски приходится менять много раз даже в течение одного дня, оказываясь в тех или иных социальных кругах. И это несмотря на то, что сам автор стремится доказать, что только за счет такого общения и создаются условия для формирования социальной стабильности, или, как он говорит, «стабилизации ситуации».

Наличие подобных кругов в структурах социального общения создает те условия, которые детерминируют как характер масок, так и их смену. Автор определяет их понятием рамки (фрейма). Эти «рамки» и создают ту конкретную ситуацию социального общения (некую социально-сценическую площадку), где разворачивается игра масок, происходит своеобразная «притирка» членов группы друг к другу и начинает формироваться социальная структура как таковая. Определяя основные принципы своей концепции, Гофман пишет: «Подход, развиваемый в данной работе, – это подход театрального представления, а следующие из него принципы суть принципы

драматургические. В ней рассматриваются способы, какими индивид в самых обычных рабочих ситуациях представляет себя и свою деятельность другим людям, способы, какими он направляет и контролирует формирование у них впечатлений о себе, а также образцы того, что ему можно и что нельзя делать во время представления себя перед ними» [1, 29–30].

Разбирая структуру театрально-социального действия, Гофман выделяет следующие ее элементы. Во-первых, это сам участник социального действия (актер, или актор); во-вторых, окружающие его актеры происходящего действия; в-третьих, сторонние зрители (публика, или аудитория). Путем объединения двух последних участников социального «спектакля» структура общения доводится до двух основных элементов – актера и публики. «В действительности, – пишет Гофман, – эти три участника сжаты в два: роль, которую играет один, приспосабливается к ролям, исполняемым другими присутствующими, и эти другие составляют также публику» [1, 30].

Таким образом, взаимодействие истолковывается Гофманом как акт общения между личностью и его непосредственным социальным окружением. Так как ситуаций подобного окружения может быть бесконечное множество, то и ролевое взаимодействие также принимает самые различные формы. Конкретизируя свою позицию по этому вопросу, Гофман отмечает: «В этом беглом обзоре я затронул несколько основных подразделений взаимодействия: подвижные единицы, контакты, разговорные схватки, формальные собрания, сценopodobные выступления и общественные праздники. Подобным же образом можно бы потолковать о процессах или механизмах взаимодействия. Но хотя довольно легко обнаружить периодически повторяющиеся достаточно общие процессы взаимодействия (особенно микроскопические), трудно определить основные из них, за возможным исключением процессов, связанных с поворотами в разговоре. Нечто подобное можно сказать и о ролях во взаимодействии» [2, 78].

В этой круговерти отношений люди как бы теряют свое лицо, свою «самость» и начинают общаться с помощью сконструированных ими же самими масок, стремясь что-то скрыть в себе и что-то представить в наиболее выгодном для себя свете. Тем самым подменяя подлинную социальную реальность искусственно созданной схемой. «Исполнитель, – с точки зрения Гофмана, – может быть захвачен и обманут своей собственной игрой и в этот момент верить, что насаждаемое им впечатление о реальности – это единственная и подлинная реальность» [1, 116].

На этом, однако, теория масок Гофмана не заканчивается. Дело в том, что понятие публики (аудитории) рассматривается им в двух планах. Во-

первых, как реальное социальное окружение человека, во-вторых, как внутренний план действия, как некая «внутренняя аудитория», которая и диктует механизм конструирования масок. Это нечто такое, что в обычной психологии определяется понятием «совесть». Получается так, что пытаясь обмануть других, человек прежде всего обманывает самого себя, стремясь хоть как-то понравится своему внутреннему контролеру. На этой основе он конструирует и проигрывает план будущего представления. Социальная реальность в этом случае приобретает характер сплошного (всеобщего) обмана. Автор вполне уверенно формулирует эту мысль: «Индивиду в качестве исполнителя придется скрывать от самого себя в качестве своеобразной аудитории определенные дискредитирующие факты... В обиходных понятиях это значит, что в исполнении обязательно найдутся вещи, о которых он не пожелает признаться самому себе. В жизни постоянно случается этот замысловатый маневр самообмана» [1, 116]. В этой формулировке нетрудно заметить влияние фрейдовской идеи вытеснения, которая связана либо с нервными расстройствами, либо с процессами сублимации. По Гофману и получается, что именно благодаря сублимации человек приходит к необходимости конструировать свои маски, маскируя негативные черты своей натуры, которые он старается скрыть и выдворить их из своего сознания.

В этом сложном процессе социального конструирования Гофман выделяет два вида коммуникации: *произвольную* и *непроизвольную*. Первая представляет собой такой способ коммуникации, который связан с общезначимыми символами и способами общения, контролируясь разумом и вербальными средствами. Второй связан со случайными способами самовыражения и реализуется в различного рода оговорках, мимике, жестах, гримасах и т. д., т. е. это нечто такое, что не контролируется разумом, но, тем не менее, участвует в конструировании масок. Гофман полагает, что именно этот второй вид коммуникации в наибольшей степени передает театральный смысл общения, некое врожденное свойство человека в его стремлении подстраиваться под мнение «других», если так можно выразиться, к своего рода благородному «обману». Эта игра действительно разворачивается в целостное драматургическое действие, для анализа структуры которого автор вводит такие понятия, как «передний план», «закулисье», «декорация», «явное общение», «тайные зоны общения» и т. д., придавая им сугубо социально-психологический смысл. И хотя автор пытается несколько смягчить свое увлечение театральными аналогиями, подчеркивая особую важность выяснения непосредственных контактов между людьми в ограниченном пространстве их взаимодействий, в рамках которых особое значение приобретают произвольные гримасы и жесты, тем

не менее сама эта аналогия воспринимается читателем (гофмановских текстов) как весьма важный элемент его теории, который накладывает свой отпечаток как на определение социального взаимодействия, так и на его понимание социальной структуры. Получается, что стигматизированное название теории как бы перекрывает саму ее сущность. Аналогия оказывается намного сильнее теоретических постулатов, теория в этом случае приобретает форму («маску») своеобразного эпатажа.

Расширяя рамки своей концепции, Гофман признает не только раздвоенность личности, но и допускает определенную раздвоенность коллектива, вводя понятие «команда». Любой коллектив, по его мнению, включает в себя как формальные, так и неформальные отношения. Именно в рамках последних особенно зримо проявляется социальная значимость общения масок, на основе которых и создается «команда» как своего рода коллектив в коллективе, как его групповая маска. Эта групповая маска выступает как общий корпоративный «дух» коллектива, своего рода «корпоративный этос». «Команда, – пишет Гофман, – это группировка, но группировка не в контексте отношений социальной структуры или социальной организации, а скорее в контексте взаимодействий, в которых удерживается нужное определение ситуации... индивиды, числящиеся в штате заведения, становятся членами команды не просто в силу своего штатного статуса, а благодаря сотрудничеству, которое они поддерживают, чтобы отстоять данное определение ситуации» [1, 140].

Таким образом, понятие коллектива у Гофмана также удваивается. С одной стороны, это понятие истолковывается в обычном смысле как некое количество людей, сплоченных штатным расписанием. А с другой стороны, это круг единомышленников, т. е. некая незримая команда, члены которой бесконечно доверяют друг другу. Это единодушие и выступает в качестве коллективной маски. При этом утверждается, что эта коллективная маска должна скрывать не столько недостатки реального коллектива, сколько его достоинства, превращая тем самым данный коллектив в некое закрытое сообщество. Такое определение коллектива вполне оправдано в условиях острой конкуренции, в рамках которой участники социального общения явно не заинтересованы в том, чтобы раскрывать все карты своего успеха. По этому поводу Гофман пишет: «...если исполнение вынуждено быть эффективным, то очень вероятно, что степень и характер сотрудничества, которые делают это возможным, будут скрывать и держать от всех в секрете... Поэтому команда, в используемом здесь значении, – это своеобразное секретное общество» [1, 140].

Получается так, что помимо желания самого автора он стал явным или неявным критиком своего общества, ибо предполагается, что современное западное общество, кичащееся своей открытостью, состоит из закрытых систем отдельных организаций и их команд. Последний финансовый кризис на Западе действительно показал, что это общество состоит из наглухо закрытых сегментов общественной жизни (банков, корпораций, монополий), которые эффективность своей деятельности понимают в исключительной пользе только для себя. Эта же закрытость проявляется и в постсоветских странах, в которых субъекты хозяйствования эффективность своей деятельности стали понимать не иначе как приватизацию бюджетных средств, что и стало основой всеобщей коррупции и взяточничества.

Какие же выводы методологического характера можно сделать на основе идей гофмановской интерпретации человеческого общения и масочно-рамочной структуры общества? Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать противоречивую сущность той ситуации, которая сложилась в американской социологии. С одной стороны, в ней наблюдается мощный всплеск прикладных социологических исследований с разработкой соответствующей методологии этих исследований, которая включала солидный математический аппарат обработки исходных данных. Но полученные в результате такой обработки сведения имели сугубо частный и весьма тривиальный характер. Для их более широкого использования нужна была соответствующая теоретическая интерпретация. С другой стороны, в социологии (как в американской, так и западноевропейской) сформировалось обширное поле макросоциологических концепций, которые, однако, плохо согласовывались с данными прикладных исследований. Сложилась такая ситуация в социологии, при которой образовался своеобразный зазор между эмпирическими и теоретическими исследованиями, их логическая рассогласованность. Возникла необходимость создания таких теоретических построений, на базе которых можно было бы осуществлять соответствующую концептуализацию социологических данных, придавая им более широкий социальный контекст. Так возникла необходимость создания теорий среднего и даже микроструктурного калибра, появление которых не заставило себя ждать в американской теоретической мысли. Но и появление этих теорий не сняло проблему согласования эмпирических и теоретических исследований в социологии. Эти разновидности социологического знания продолжали развиваться как вполне автономные системы. Более того, появление микротеорий в социологии приводило лишь к значительному увеличению поля логических противоречий, не столько расширяя возможности объек-

тивного познания социальных явлений, сколько проблематизируя эту возможность, так как бесконечное умножение этих теорий приводило лишь к их плюрализации и утрате четких критериев их методологических ориентиров.

Наличие таких противоречий вполне наглядно проявляется и в творчестве Гофмана. С одной стороны, он как бы задался общей целью конкретизировать объект социологического исследования, выявляя его микроструктурные элементы, и на этой основе определить сущность социальной организации, в рамках которой разыгрываются, по его мнению, основные компоненты социальной коммуникации. Но, с другой стороны, он столь противоречиво описал характер этой коммуникации, что пропадает уверенность в получении хоть сколько-нибудь положительного знания о характере деятельности этой организации. Ибо картина коммуникации в рамках предлагаемой стратегии общения превращается в некий калейдоскоп субъективных реакций, сочетание «моментальных снимков», за которыми скрываются подлинные лица ее участников и объективный смысл социального бытия. И как бы ни пытался Гофман предоставить действующему лицу полное право его свободного волеизъявления в общении с другими людьми, превратить это общение в некое «подстраивание» к мнению коллектива в рамках отдельно взятой организации, такая интерпретация социальных связей оказывалась мало продуктивной для осмысления специфики функционирования даже одной самой маленькой организации, не говоря уже о деятельности многотысячных коллективов и общества в целом, что и снижает методологическое значение этой теории. Для примера можно было бы взять такой коллектив, как семья, где, как говорится, никуда не деться от общения «лицом-к-лицу». Но спрашивается, можно ли с помощью этой интерпретации общения вывести все то множество житейских («повседневных») ситуаций, которые случаются в этом традиционном коллективе, очевидно, что нет. Конечно, автор может утверждать, что в его теории речь идет только о повседневном общении в рамках служебного коллектива, но тогда возникает вопрос, почему этому общению придается общесоциологический смысл, ибо общение в рамках такого коллектива вовсе не исчерпывает весь объем социальных структур, что явно ограничивает методологические рамки («фреймы») самой этой теории. О некотором ограничении методологического значения теории Гофмана говорит и тот факт, что в ней отсутствует терминологическая ясность: некоторые ключевые понятия имеют двойное и даже тройное значение, и наоборот, в разных работах одно и то же социальное явление обозначается разными терминами. Так, например, ключевое понятие общения «лицом-к-лицу» в более поздних работах обозначается понятием «контакт». Вот как он определяет это

понятие: «Контактом я буду называть любое событие, когда индивид вступает в сферу ответного соприсутствия другого, будь то в форме физического соприсутствия, телефонной связи или обмена письмами. Поэтому я считаю частями контакта все те взаимные попадания в поле зрения и обмена, которые случаются за время одного такого события. Так, беглый уличный обмен взглядами, разговор, обмен все более скупыми приветствиями при встречах в одном кругу общения, взгляд на присутствующих трибунного оратора – все подходит под определение единичного контакта» [2, 76].

Методологическая ущербность рассматриваемого учения особенно ярко проявляется и в том случае, если идеи Гофмана переложить на процесс социологического исследования. Дело в том, что ситуация социологического исследования также строится на основе различного рода коммуникаций, т. е. общения «лицом-к-лицу». А раз так, то получается, что социолог изучает не реальную действительность общественной жизни, не подлинное «лицо» респондента, а только то, как он себя представляет в своей маске. Ибо волей-неволей из теории Гофмана следует вывод о том, что нет никакой уверенности в том, что в опросах люди отвечают от своего собственного «Я», а не от имени своей «маски». И независимо от того, каков опрашиваемый на самом деле, является ли он «честным респондентом» (не осознающим того, какую роль он играет в момент опроса) или «циничным актером» (осознающим роль своей маски в момент общения с исследователем), он в одинаковой степени «скрывает свое лицо», подстраиваясь под определенную ситуацию. В этом случае общественное мнение в целом выступает как «большой обманщик», что зачастую и приводит к весьма негативным его оценкам. И хотя в арсенале социологов много «хитрых» вопросов, нацеленных на получение объективной информации, тем не менее «барьер масок» отнюдь не всегда удается преодолеть с достаточной полнотой, что иногда и бросает тень на все социологические исследования в целом. Трудности этого исследования усугубляются еще и тем, что оно представляет собой комплексный (коллективный) характер. А коллектив исследователей – это тоже корпоративная команда, которой есть что скрывать и как себя представлять общественности. Одни в этой команде определяют программу, другие анкетировать, третьи обрабатывают полученную информацию и формируют социологические данные, а четвертые осуществляют аналитическую работу. И на всех этих этапах может проявляться «игра масок», так или иначе сказываясь на окончательных результатах исследования. Сама социология в этом случае приобретает характер некоей социальной игры, что и формирует в обществе несколько настроенное отношение к ней, к ее якобы «абсолютно» объективным данным.

Да, социология как наука должна стремиться к получению таких данных, но по теории Гофмана эта перспектива явно ускользает от нее, ибо и респонденты, и ученые также являются носителями «масок», которые своей «игрой» искажают социальную действительность. Таков печальный методологический вывод из пафосных построений гофмановской теории социального взаимодействия «лицом-к-лицу» или путем непосредственного контакта.

Библиографические ссылки

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
2. Гофман И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология: антология : в 2 ч. М., 2002. Ч. 2.

ДИАЛЕКТИКА ИЛИ ЭКЛЕКТИКА? К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ НОВАЦИЯХ ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО

История развития человеческого духа полна драматических сцен борьбы рационализма и иррационализма, науки и теологии, знания и веры, материализма и идеализма. В периоды Возрождения и Просвещения казалось, что схоластика и теологическая догматика утратили свой духовно-социальный смысл, уступая место человеческому разуму и научному знанию. Наука стала определяться как единственная форма истинного познания, как двигатель общественного прогресса. Вместе с успехами науки, с разработкой новых методологических основ ее развития и совершенствования в философии начинает формироваться новая парадигма природы рационального познания. С одной стороны, наука очищается от средневековых предрассудков, а с другой стороны, все более очевидным становится стремление философов очистить науку от ее собственных недостатков и заблуждений, от стремления части ученых формулировать свои открытия в виде абсолютных истин. Кантовская критика теоретического разума и гегелевская диалектика раскрыли противоречивую сущность человеческого сознания и познания. Для Канта эта противоречивость воплотилась в его учении об антиномиях теоретического разума. Гегель же попытался увязать ряд противоположностей духовно-познавательной деятельности в системе диалектических категорий, отстаивая исторический характер всяких истин. Так или иначе, в философии и методологии науки стала ут-

верждаться мысль об относительности научных истин и их исторической изменчивости. Подобная критика не только не уничтожила науку, не только не ослабляла ее роль в борьбе с теологией, а, наоборот, вселяла уверенность у передовой части общества, что именно наука (прежде всего естествознание) является подлинной носительницей истинных представлений о мире. Диалектика все больше и больше стала вытеснять из науки ее схоластические, догматические и эклектические элементы, став подлинной методологией современного научного познания. Особенность этого метода заключается в том, что диалектика позволяет преодолеть трагическую раздвоенность человеческого познания, позволяет соединить в рамках противоречивого единства ряд важных познавательных категорий, преодолевая тем самым метафизические противопоставления различных сторон изучаемых явлений.

Однако диалектику не стоит рассматривать как оправдание единства всяких противоположностей. В природе, обществе и в мышлении имеется большое количество таких противоположностей, которые никак не совмещаются друг с другом. Такими противоположностями являются, например, свет и тьма, жидкое и твердое, горячее и холодное, жизнь и смерть, война и мир, счастье и несчастье, истина и ложь, правда и обман, сакральное и секулярное, материализм и идеализм и т. д. Однако несмотря на несовместимость подобных противоположностей, человеческий разум часто пытался и пытается объединить и их в рамках какой-либо единой теоретической системы. В этом случае диалектика произвольно (а иногда и умышленно) трансформируется в свою противоположность – в эклектику, плодом которой являются формирование в общественном сознании многочисленных кентавр-проблем и кентавр-теорий. Как отмечает известный российский социолог Ж. Т. Тощенко, «анализ современного общественного сознания и поведения, социальной практики показывает, что возрождается в более высокой степени, чем ранее, **иррациональная составляющая**, которая все чаще проявляет себя в форме “совмещение несовместимого”, “сочетание несочетаемого”» [1].

Такое «сочетание несочетаемого» отнюдь не всегда является проявлением естественного заблуждения, а представляет собой осмысленную попытку преодоления логически обоснованных аргументов в рамках тех или иных теоретических дискуссий, т. е. это вполне осознанный прием смешения различных понятий и смыслов с целью либо что-то опровергнуть, либо доказать явно абсурдный тезис. В этом плане эклектика является прямой противоположностью диалектики, которая всегда (от Платона до Гегеля) выступала как методология истинного познания.

Такое смешение понятий и смыслов особенно наглядно проявляется в творчестве Парето, который предпринял очередную попытку модернизации социального познания, почти полностью отождествив его с идеологией и нелогическим действием. Социология, с его точки зрения, будучи общей наукой об обществе, все еще находится на донаучной стадии, так как она не достигла уровня «логико-экспериментального» исследования. Все теоретические системы социологии, в том числе позитивизм, социал-дарвинизм и марксизм, представляют, с его точки зрения, разные проявления псевдонаучного знания. Свою миссию он видит в том, чтобы возвести социологию в ранг подлинной науки, или в его терминологии – в ранг «логико-экспериментальной науки». Характеризуя предшествующую социологию, он пишет: «До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное “позитивная”, данное Контом его философии; она столь же догматична, как и “Рассуждение о всеобщей истории” Боссюэ. Это различные религии, но все же религии; такого рода религии мы находим в трудах Спенсера, Де Греефа, Летурно и других авторов. Среди социологий в большом количестве встречаются “гуманистические”, нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий. Не желая объявлять ошибочными все эти почитаемые социологии, мы позволим себе представить здесь исключительно **экспериментальную социологию** (выделено нами. – А. Е.), подобную химии, физике и иным, близким к ним наукам» [2].

Разъясняя данную мысль, Парето далее пишет: «Необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознанна в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук» [3].

Таким образом, Парето четко формулирует цель своего исследования – реформировать социальное познание (в целом определяемое им термином «социология») по образцу и подобию естественных наук. Разрабатывая свою методологию, он пишет: «Мы намерены руководствоваться только опытом и наблюдением исключительно в том смысле, какой эти два понятия приобрели в естественных науках» [4].

Нельзя забывать, что вопрос о противоречивой природе человеческого познания, о наличии в нем истинных представлений и заблуждений всегда привлекал к себе внимание философов и ученых. Начиная с Античности и вплоть до наших дней мыслители разных эпох и народов пытались разрешить эту проблему, стремясь выработать такие методологические

ориентиры, которые ограждали бы науку от заблуждений. И нет ничего удивительного в том, что и Парето заинтересовался этой важной теоретико-познавательной проблемой. Удивительным является то, что этот исследователь начинает изучение данной проблемы как бы с чистого листа. В своей работе «Трактат по общей социологии» (сокращенный вариант которой под названием «Компендиум по общей социологии» вышел в свет в 1920 г., переведен на русский язык в 2007 г.) он безапелляционно утверждает, что именно ему принадлежит приоритет создания подлинно научной (или экспериментальной) социологии. В пылу критики своих предшественников он почему-то не заметил тех методологических новаций, которые были сделаны до него, в том числе и стремлений ряда философов приблизить общественные науки к логике естественнонаучного познания. Не заметил он и противоположных идей, сформулированных представителями немецкой классической социологии, которые доказывали невозможность полного отождествления наук социально-исторического плана с науками о природе. Выход из этого методологического тупика Парето нашел в весьма оригинальном истолковании социального факта.

С его точки зрения, в качестве социальных фактов могут рассматриваться не реальные явления общественно-исторической жизни, а сами социальные теории. При этом рамки понятия «теория» им настолько расширяются, что включают в себя все проявления социально-духовной мысли, в том числе религиозные, метафизические, идеологические и прочие системы. По этому поводу он пишет: «Не занимаясь изучением их (т. е. теорий – наше замечание. – А. Е.) внутренней ценности, идущей от веры, мы можем рассматривать все подобные положения и теории отвлеченно, как **экспериментальные факты** (выделено нами. – А. Е.), в которых проявляются диспозиции и склонности людей. Они оказываются среди тех элементов, которые воздействуют на общество» [5].

В другом месте он уточняет и конкретизирует это положение, утверждая следующее: «Логико-экспериментальные науки (к которым он относит и свои методологические рассуждения – наше замечание. – А. Е.) исследуют встречаемые в обществе **теории, доктрины, утверждения и т. д. как простые социальные факты** (выделено нами. – А. Е.), даже если они не являются логико-экспериментальными или оказываются фантастическими, абсурдными и т. д.» [6].

Получается, что методолог должен изучать не только подлинные теории науки, но и все проявления человеческой мысли вплоть до фантастических и абсурдных, которые Парето также рассматривает как проявление

теоретического знания. В этом легко убедиться, обратившись к его следующему положению: «В любых общностях, – пишет он, – распространено употребление описательных, предписывающих и им подобных утверждений... Эти высказывания, объединяемые логической или псевдологической связью и дополняемые разнообразными повествованиями, образуют теории, теологии, космологии, метафизики и т. д. <...> Для тех, кто благодаря воздействию чувств верит в них, **эти теории** (выделено нами. – А. Е.) делятся на два класса: истинные и ложные, хотя сами эти термины не особенно определены» [7]. При этом допускается, что и ложная теория может оказаться полезной.

Таким образом, теория (а точнее, весь комплекс духовно-теоретических построений) и является тем фактическим материалом, который составляет эмпирическую базу его методологических рассуждений, что должно, по мнению автора, придать его теоретическим построениям конкретно-научный (строго социологический) характер. Но, стремясь придать своему исследованию строго научный характер, Парето явно прибегает к помощи эклектики, что проявляется в весьма нетрадиционном истолковании уже сложившихся в науке понятий, а также в их весьма произвольном совмещении. В частности, ключевое (в его концепции) понятие теории используется в столь широком диапазоне значения, что теряется грань между собственно теорией и различными проявлениями псевдотеоретического знания, которое, по его мнению, с избытком проявляется в области социальных наук, имея широкий общественный резонанс. Получается, что все общественные теории относятся к категории нелогических действий, которые представляют собой не столько естественные заблуждения, сколько специально создаваемое ложное знание, имеющее определенный идеологический смысл.

Однако, как полагает Парето, псевдонаучный характер таких рассуждений трудно обнаружить. Во-первых, потому что они чаще всего маскируются под научные, вполне логические системы. По этому поводу он замечает: «...у создателей теорий имеется достаточно сильный мотив преподнести нелогические действия в качестве логических» [8]. Во-вторых, такие проявления человеческой мысли просто не замечаются и отбрасываются исследователями, хотя на самом деле они требуют, по мнению автора, пристального изучения. «Кто рассматривает только логические действия, – пишет Парето, – тот, столкнувшись с подобными явлениями (т. е. с нелогическими действиями – наше замечание. – А. Е.), пренебрегает ими, не признает их, считает их патологическими состояниями и далее не рассматривает подобные вещи. Но их следует внимательно изучать тому, кто понимает, насколько большое место занимают нелогические действия в социальной жизни» [9].

На основе этих предпосылок Парето основную цель своей работы видит не столько в том, чтобы объяснить, как формируются (создаются) подлинные теории науки, а в том, чтобы разобраться в структуре уже ставшей (существующей) теории, выявляя составляющие ее компоненты логического и нелогического характера, а также выясняя, какую роль играют теории (т. е. псевдотеории) в обществе, как они воспринимаются теми или иными группами людей, какова их социальная значимость и ценность. Эклектика в данном случае проявляется как попытка соединения логических и нелогических (рациональных и иррациональных) рассуждений в таких взаимоисключающих системах, как теория, миф, теология, метафизика, идеология и им подобные. При таком подходе границы теории полностью размываются, создается возможность теологию трактовать как разновидность теории, а теорию, в свою очередь, называть теологией. А раз так, то признаки теории легко можно обнаружить и вне рамок логико-экспериментального исследования. Тогда такие духовные образования нелогического плана, как религия, миф, метафизика, утопические доктрины и т. д., также выступают в качестве теоретического знания, оказывая свое воздействие на поведение людей. Особенно ярко такое смешение понятий, по мнению Парето, наблюдается именно в области социального познания, в котором они не столько отражают реальную действительность, сколько выражают пожелания авторов, их виртуальные цели.

Таким образом, традиционная для Запада тенденция различать методологический статус наук о природе и наук социокультурного профиля получила в творчестве Парето весьма оригинальное разрешение как проявление оппозиции теории и псевдотеории, логического и псевдологического действия. Факт и наблюдение признаются в учении Парето символами подлинно научного познания. Но перенося эти элементы научно-познавательной деятельности из науки в сферу методологии, Парето придает им чисто словесный (текстовый) характер, т. е. в качестве фактов в его учении выступают различные социальные доктрины, уже сложившиеся в обществе. Свой анализ этого материала Парето проводит, постоянно обращаясь к науке как некоему образцу подлинного познания, синонимами которого в его учении выступают такие понятия, как «логическое действие», «экспериментальная наука», «логико-экспериментальная наука», «рациональное познание».

Все, что выходит за рамки экспериментального исследования, определяется им понятием «нелогическое действие», которое выступает, по мнению автора, своеобразным «логическим» основанием целого ряда псевдотеоретических построений. Эти построения в силу определенных

психологических причин имеют, по мнению Парето, намного больший вес в обществе, чем здравые теоретические идеи. Может быть, именно поэтому он уделяет особое внимание анализу именно этой категории, т. е. понятие нелогического действия.

Создав таким образом несколько карикатурный образ социального познания, в котором теология и социальная теория (элементы логического и нелогического, рационального и иррационального) оказались слиты в некий общий кентавроподобный объект, Парето подробнейшим образом анализирует этот объект, но отнюдь не с целью очищения общественного сознания от него, а с целью извлечения соответствующих уроков для западной правящей элиты на предмет сохранения ее жизнестойкости. Можно сказать, что его концепция «нелогического действия» представляет собой тот теоретический фундамент, на котором выстраивается основная часть его учения, касающаяся природы правящих элит и процессов их циркуляции. И хотя его учение зачастую определяется как «теория нелогического действия», более правильным было бы называть его «теорией циркуляции элит».

Что же представляет собой понятие нелогического действия? Этот вопрос подробно разобран в соответствующей литературе. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые детали этого вопроса.

Понятия логического и нелогического действия в трактовке Парето означают два типа теоретического знания. «В объективном аспекте, – пишет он, – мы разделяем высказывания и теории на два класса: к первому относятся те, которые не выходят за границы экспериментальной сферы; ко второму относятся те, которые каким-либо образом выходят за ее границы» [10].

Первое, как это следует из рассуждений Парето, представляет собой рациональную конструкцию, основанную на фактическом материале, полученном с помощью таких методов, как наблюдение и эксперимент, и в полной мере реализуется в области естествознания. Здесь Парето стоит на вполне реальной почве, допуская, что научное знание есть результат отражения объективной действительности.

Второе проявление человеческой мысли (нелогическое действие) имеет совершенно иную природу. Здесь знание строится не на базе реального отражения, а на базе чувств, эмоций, инстинктов, желаний субъекта. Это знание в основном носит поучительный, воспитательный характер (т. е. его цель совершенно иная в сравнении с положениями экспериментальной науки). Аргументы этого знания существенно отличаются от естественно-научной аргументации. Парето так фиксирует это различие: «Критерий

истинности первого класса суждений (высказываний) обращен исключительно к опыту и к наблюдению, тогда как критерий истинности второго класса высказываний лежит вне объективного опыта. Его могут находить в божественном откровении, в тех концепциях, где, как говорится, человеческий дух обращается к самому себе без того, чтобы нуждаться в объективном опыте, в универсальном консенсусе людей и т. д.» [11].

Таким образом, источником второго класса «теорий», или нелогических действий, являются чувства самих авторов этих теорий (обращаем внимание на то, что и эти иррациональные образования также называются «теория»). Здесь Парето переходит на исключительно психологическую трактовку социального познания, разработав весьма сложную систему классификации чувств, их физических и словесных манифестаций.

Вторым признаком, различающим логические и нелогические действия (или типы теорий), является их разное отношение к языку исследования. «При экспериментальных рассуждениях, – пишет Парето, – основанных на объективном наблюдении, пользуются терминами, лишенными всякой двусмысленности, и стремятся делать их как можно более точными. Следовательно, пользоваться особым техническим языком, т. е. словами, которым придаются вполне четкие и определенные значения, что позволяет избегать неточностей обыденного языка» [12]. Справедливости ради необходимо отметить тот факт, что сам Парето редко использует это правило в своем исследовании. Что же касается социального познания, то здесь имеет место совершенно иная ситуация. «При обращении к социальным темам, – пишет он, – люди обычно используют слова из обыденного языка, что отдаляет их от логико-экспериментальной области» [13].

Обыденный язык, как полагает Парето, не столько связывает сознание человека с объектом отражения, сколько становится своеобразной преградой на пути познания. «Язык, – пишет мыслитель, – отражает внешние факты в лучшем случае как плохая фотография, а в худшем – как очень плохая или никудышная фотография. Кто рассуждает об именах (т. е. о понятиях и словах, отражающих различные предметы и их свойства – наше замечание. – А. Е.), тот подобен тому, кто по таким фотографиям хотел бы получить точное знание об изображенных на них вещах» [14].

Эта идея, безусловно, нацеливала ученых на более критическое отношение к возможностям чисто языкового (словесного) изучения и описания объектов. Но Парето на этой основе старается доказать нестрогий характер социального познания, его выход за рамки экспериментального исследования, а это значит и его нелогический статус.

Но, зафиксировав нелогический статус социальных теорий, Парето не старается очистить науку и общественное сознание от них, а доказывает их непреходящую сущность и даже определенную социальную значимость и ценность. Более того, он даже разрабатывает особую методологию формирования социальных псевдотеорий как необходимое условие выживания правящих элит. Основой этой методологии и является его учение о нелогическом действии.

Сам Парето по-разному определяет сущность нелогического действия, но, так или иначе, остается ощущение, что это не просто заблуждение, а весьма осознанный обман, стремление запутать сознание людей. В рамках нелогических построений широко используются приемы запугивания, угроз, откровенного обмана. На этот счет Парето прямо заявляет: «Связь нелогическая... это логические софизмы или хитроумные рассуждения, выполняемые ради введения в заблуждение других людей» [15]. При всей ложности таких рассуждений они, по мнению исследователя, могут иметь широкое признание в обществе, определяя поведение людей.

Первым тезисом этой методологии является утверждение о том, что источником нелогических действий являются чувства человека, его желания и интересы. Сами чувства, по мнению автора, представляют собой некую глубинную природную основу, что-то вроде врожденных инстинктов и непосредственно не наблюдаемы. Но они имеют свое внешнее проявление, реализуясь в мыслях и поступках людей. Несмотря на то что эти поступки индивидуально различны, тем не менее они имеют некоторые общие формы своего проявления и особую иерархическую структуру. Эти общие проявления он называет остатками и деривациями.

С его точки зрения, существует шесть основных классов остатков. Их перечисление имеет важное значение для объяснения циркуляции элит, поэтому стоит привести их полностью. Таковыми являются: 1. Инстинкт комбинаций; 2. Сохранение агрегатов; 3. Потребность в проявлении чувств посредством внешних действий; 4. Остатки, связанные с социальностью; 5. Целостность индивида и его зависимостей; 6. Сексуальный остаток.

Остатки – это те наблюдаемые явления физической и ментальной природы, которые выражают социальные чувства человека. Учитывая тот факт, что основные классы имеют свои виды и подвиды, то общее количество остатков исчисляется несколькими десятками, и все они в той или иной степени влияют на формирование нелогических действий, на формирование таких «теорий», которые выходят за рамки экспериментального изучения. Здесь также проявляется дух эклектизма. Как отмечают россий-

ские исследователи В. И. Добренев и А. Б. Рахманов, «понимание сущности осадков составляет основную трудность при изучении теории Парето. Дело в том, что он в действительности объединил в этом понятии иррациональные и рациональные явления сознания» [16].

Разработав таким образом методологию псевдотеоретического (псевдологического) знания, Парето пытается объяснить определенную живучесть этого знания. С этой целью он вводит в свой анализ понятие *деривации*. Как уже отмечалось, творцы нелогических конструкций и нелогических действий, видимо осознавая некоторую ущербность своих теоретических построений, стремятся придать им вполне respectable вид строго логического знания. С этой целью и создаются деривации – своего рода псевдологические построения (заполняющие собой весь объем общественного сознания), главной функцией которых являются чисто словесные доказательства отстаиваемых истин. Основной задачей дериваций является маскировка многоликих проявлений остатков, которые выступают первой формой проявления нелогических действий. Как полагает Парето, «почти все рассуждения, проводимые при социальных дискуссиях, являются деривациями». Это ложное знание, но оно имеет свой идеологический смысл и поэтому весьма полезно. Как идеология деривации могут выступать в чистом виде, а могут и вкрапываться во все проявления социального познания, придавая псевдологическим системам обманчиво логический вид.

Таким образом, структура нелогического действия реализуется в цепочке следующих понятий: 1) *социальные чувства* (инстинкты, интересы, желания людей – все то, что не является предметом непосредственного наблюдения); 2) *остатки* – наблюдаемые проявления социальных чувств, которые реализуются в действиях и мнениях людей и не соответствуют идеалам строго логического характера; 3) *деривации* – социальные теории, которые строятся на основе остатков, выдают желаемое за действительное и маскируют нелогический характер остатков, это особые идеологические построения.

Все эти элементы нелогического действия особенно ярко проявляются в системах социального управления, в действиях господствующих элит. В структуре элит Парето выделяет такие группы, как новаторы и консерваторы. Придерживаясь своей теории чувственной обусловленности социального познания, Парето считал, что в сознании первых преобладают остатки комбинации, у вторых – сохранение агрегата. Мыслитель считал, что носители этих остатков должны дополнять друг друга, что и обеспечит социальное равновесие. Кроме того, правящая элита постоянно долж-

на заботиться о привлечении в свои ряды новых представителей (из разных слоев общества), обладающих энергетикой осадков комбинаций.

Сама живучесть элит определяется Парето как ее умение переходить от чисто силовых методов управления к методам идеологического воздействия на умы как можно большего числа людей, умение внедрять в сознание людей такие «истины», которые бы отражали интересы самой элиты. Но при долгом нахождении у власти правящие элиты могут перерождаться, могут утрачивать эту способность обманывать людей, т. е. владеть определенным запасом остатков комбинации. Для того чтобы этого не случилось, правящая элита должна все время обновляться за счет новых элементов, за счет пополнения своих рядов представителями либо оппозиционной элиты, либо политически активной интеллигенции, т. е. наиболее образованной части общества. Только в этом случае социальная система сможет находиться в состоянии равновесия и нормального развития.

Если же элита превращается в закрытую (кастовую) систему, то она утрачивает возможность своего обновления и постепенно вырождается, уступая свое место тем группам людей, которые оказываются носителями новых идей, новых осадков комбинации. Но в этом случае общество могут ожидать революционные потрясения. С позиции этих идей Парето попытался переинтерпретировать всю мировую историю и дать оценку текущим политическим событиям. К сожалению, получилось так, что его методологическими рекомендациями сумели воспользоваться наиболее реакционные круги Западной Европы в преддверии Второй мировой войны, которых меньше всего интересовали какие-то там остатки и деривации, кроме самой идеи продуцировать и широко использовать идеологические мифы.

Библиографические ссылки

1. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М., 2011. С. 22.
2. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 14.
3. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 18.
4. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 14.
5. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 15.
6. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 472.
7. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 14.
8. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 48.
9. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 45.
10. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 17.
11. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 17.

12. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 24.
13. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 64.
14. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 477.
15. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 15.
16. История социологии (XIX – первая половина XX века) : учебник / под ред. проф. В. И. Добренькова. М., 2004. С. 431.

ПРОЦЕДУРЫ ВЫДЕЛЕНИЯ СМЫСЛА В СТРУКТУРАХ КОММУНИКАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ОМАССОВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ

Особенность социальных объектов (от семьи и группы до человечества в целом) состоит в том, что их целостность определяется различными типами ментальных связей, языковыми и материально-знаковыми коммуникаторами, т. е. особыми информационными структурами. Информация тем самым приобретает в обществе структурно-функциональный характер. Становится частью общественной организации. Так как социальные структуры различаются по своему масштабу (общество, как известно, подразделяется на микро-, мезо- и макроструктурные образования), то и информация, функционирующая в обществе, может иметь как узкий, микрогрупповой, так и широкий социетальный характер. По мере расширения масштабов общества расширяется и его информационное поле. Информация приобретает характер социально-институциональных образований. Таковыми, например, являются мифы, легенды, религиозные догмы, традиции, обычаи, нормы, литературные и художественные произведения, научные знания, идеологические системы, политические учения, а также обычные повседневные сообщения и служебные предписания, т. е. все то, что связано с языком.

Вопрос о природе информации и ее роли в общественной жизни приобретает в настоящее время особое философское и научно-практическое значение, так как вполне очевидно, что многие параметры цивилизованного развития (при многих прочих обстоятельствах) определяются именно количеством и качеством используемой информации, широким полем ее социального проявления.

В этой связи возникает вопрос, как и при каких обстоятельствах идея, возникнув в голове отдельно взятого человека, приобретает характер общесоциального достояния, что придает ей массовый характер. Можно предположить, что в этом процессе омассовления информации особую

роль играют какие-то явные или скрытые явления логического и социально-психологического характера.

Если иметь в виду мифы, сказания и другие проявления фольклорного творчества, то тут, очевидно, придется сослаться на родовую память человечества, благодаря которой создаются и передаются от поколения к поколению различного рода сказания, принимая массовый характер.

Что же касается повседневной массовой информации, имеющей сугубо деловой характер, то в этом случае приходится учитывать различные приемы ее тиражирования. В древнем мире такое тиражирование осуществлялось за счет использования глашатаев, которые в массовых скоплениях людей (чаще всего это были базарные площади) оповещали их о тех или иных решениях судебно-государственных органов. Наиболее курьезный случай произошел с запретом на упоминание имени Герострата, который поджег храм Артемиды в Эфесе. За это Герострат был осужден на смертную казнь, а глашатаям предписывалось в течение семи лет на всех площадях предупреждать людей о том, чтобы никто и никогда не упоминал имя этого преступника. Но именно благодаря этим предупреждениям имя Герострата и стало известно всему человечеству.

Для широких сообщений использовались и церковные службы, где наряду с религиозными проповедями прихожанам сообщали о каких-то важных событиях текущей общественно-политической жизни. Долгое время храмы были единственным местом распространения информации, средством ее омащования.

Особым способом омащования информации были и остаются слухи – своеобразный «испорченный телефон» общества, придающий информации повседневно-бытовой характер с явно искаженным смыслом. В настоящее время для распространения слухов особую роль играет телефонная связь. Можно сказать, что в современном обществе омащование информации осуществляется за счет технических средств ее тиражирования. Печать, радио, телевидение, интернет в короткий срок придают информации массовый и даже супермассовый (глобальный) характер.

Расширение информационного поля в современном обществе приводит к сложной проблеме ее личностного усвоения. Специалисты констатируют факт информационной перегрузки потребителей. Человек как бы тонет в беспредельном море информации, часть которой оказывается просто невостребованной. «Современное поколение людей, – отмечает А. Д. Еляков, – вынуждено жить в этом океане информации. Ее поток невозможно воспринять в полном объеме. Речь может идти только о неко-

торых частях, воспринимаемых избирательно и в определенных целях... Налицо все более обостряющееся противоречие между обществом (человечеством) как совокупным производителем неиссякаемого потока информации и отдельным человеком как ее потребителем и пользователем, обладающим ограниченными биолого-физиологическими и социальными возможностями по ее восприятию и освоению. Информация будучи благом, когда человек контролирует ее, превращается во зло, если информация "выходит из повиновения"» [1, 116, 117].

Каков же выход из сложившегося противоречия? Рационально ограничить возрастание информации невозможно, так как каждое поколение людей будет ее только наращивать. Поэтому объем информации по мере развития общества будет и дальше только увеличиваться, актуализируя проблему ее использования.

Решение проблемы выработки и усвоения информации будет идти следующими путями. Во-первых, будет срабатывать субъективный фактор. Суть этого фактора заключается в том, что отдельно взятый человек (индивид) отбирает из потока информации только то, что считает полезным в данный момент для себя. Как бы общество через свою систему духовных институтов ни пыталось «вбить» в сознание человека всю необходимую информацию (научную, религиозную, нравственную, идеологическую и иную), она, так или иначе, фильтруется сознанием самого человека. Это своего рода психологическая защита человека от информационной интервенции. Человек (несмотря на все усилия социальных институтов) воспринимает и использует только то, что сам отбирает. Это хорошо иллюстрируется современной системой высшего образования. Студенты, как правило, особое внимание обращают на те предметы, которые непосредственно связаны с их будущей профессией, все остальное, так или иначе, относя к информационному шуму.

Во-вторых, в обществе существует разделение не только между физическим и умственным трудом, такое же разделение труда имеет место и внутри умственного труда. Специализация разделяет специалистов не только в рамках разных наук (как это имело место в прошлом), но и в рамках одной и той же науки, появляется все больше и больше узких специалистов. За счет такой специализации общество как коллективный субъект познания расширяет свои познавательные способности, продуцируя новые информационные структуры и используя их в практической деятельности. Благодаря такой специализации общество в целом может осваивать все увеличивающийся объем важной для себя информации, как бы разбивая ее на отдельные сектора коммуникативного поля.

В-третьих, существует и такой прием овладения расширяющимся потоком информации, как ее уплотнение и популяризация. Так, например, высокая научная информация (излагаемая в научных публикациях) через систему учебной литературы (разных образовательных ступеней) с помощью популярных изданий и передач (вплоть до детского уровня), в конце концов, становится состоянием широкой публики, приобретая характер массовой информации. Ведь чем проще и яснее сформулировано какое-либо положение, тем доступнее и понятнее оно становится для массового потребителя. О влиянии популярных научных изданий на свое творчество указывали многие выдающиеся мыслители и ученые прошлого, в частности такие, как Дарвин, Спенсер, Маркс, Эйнштейн и многие другие.

Наконец, в-четвертых, особую роль в процессе популяризации информации играет такой прием коммуникации, как выделение основного смысла и своеобразное кодирование различных блоков информационного поля как вербально-понятийными, так и предметно-знаковыми средствами.

В потоке информации, которая обрушивается в современном мире на психику человека, было бы трудно разобраться и ориентироваться, если бы не определенная специализация знания и соответствующие способы ее маркировки и выделения. Простое подчеркивание (или иные способы выделения) отдельного слова, предложения или абзаца в письменном тексте представляет собой наиболее массовый и вполне наглядный пример такого выделения. Этому же служат весьма броские заголовки статей в средствах массовой информации, отдельные фразы или какие-либо знаки в рекламных средствах, украшения упаковок товаров и т. д. Сам способ выделения выступает в качестве особого знака, который «приковывает» внимание людей, заставляет более серьезно всматриваться (вчитываться, вслушиваться) в то, что предлагается нашему сознанию и воображению. Причем эти знаки не только поражают наше воображение, но и определяют характер понимания выделяемой ситуации, характер нашего поведения, соответствующего отношения к тем или иным явлениям общественной жизни. Таким образом, процесс выделения каких-либо элементов из общей структуры информации приобретает весьма значимый социальный смысл. Сам факт и способы выделения могут быть бесконечно разнообразными.

Для уплотнения информации и тем самым для ее омащивления используется ряд логических и практических приемов обработки. К логическим можно отнести такие приемы, как обобщение, идеализация, формализация, концептуализация, классификация, типологизация, факторный анализ, структурно-функциональный анализ и т. д. Эти приемы позволяют выра-

зять большой объем информации в краткой (вплоть до отдельного понятия) форме. Информация в таком случае приобретает характер четких формулировок: законов, принципов, заповедей, правил, лозунгов и т. д., что и обеспечивает ее доступность для массового потребителя. Содействует тому, что информация из узко специальной (иногда замкнутой, групповой, сакральной) превращается в информацию широкого коммуникативного поля.

Еще одним примером кодирования и уплотнения информации является стигматизация. В переводе с греческого языка стигма означает клеймо, выполняемое в виде греческой буквы «сигма». В Древней Греции этим клеймом помечали беглых рабов и преступников. Такое клеймо предупреждало окружающих о том, что его носитель является злостным нарушителем сложившихся норм общественной жизни, делала его изгоем. Стигма становилась позорным ярлыком. Так или иначе, она выделяла носителя этого знака из общей массы людей и предупреждала их об осторожности общения с ним. Само понятие «клеймо» несет этот уничижительный смысл. В качестве примера можно вспомнить практику нацистов, заставляющих евреев в гетто нашивать на верхнюю одежду израильские звезды, и ряд других примеров нанесения клейма как особого знака-выделителя.

Постепенно понятие стигмы стало расширяться и изменяться. Оно широко используется в христианской среде, в медицине, в биологических исследованиях и т. д. После появления работы И. Гофмана «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичности» это понятие стало широко использоваться в психологии и социологии. В целом же сохраняется его первоначальное значение – функция выделения какого-либо признака, явления, предмета, человека или группы людей из общей массы их проявления. Правда, в настоящее время калечащие формы стигматизации отошли в прошлое, но само явление осталось и достаточно широко используется в обществе в системах коммуникации. Начиная от детских дразнилок (толстяк, пончик, рыжик и т. д.) до различных кличек, которыми люди награждают друг друга в бытовой и профессиональной среде. В данном случае стигма имеет персонифицированный характер, определяя структуру межличностных отношений. Источником стигмы в большинстве случаев являются окружающие человека люди. Именно они приписывают одному из членов своего коллектива какую-нибудь стигматизированную кличку. В качестве такого выделителя могут выступать и наименования различных групп населения, например, «холоп», «смерд», «изгой», «бомж», «пролетарий» и т. д.

Такое проявление социальной дифференциации реализуется в сложной системе социальных знаков. Человек живет не только в мире вещей и себе

подобных личностей, но и в мире знаков, выстраивая свои действия и свое понимание действительности под их диктовку. Знаковую природу имеет архитектура престижных и непрестижных районов проживания, манера одеваться представителями разных профессий и слоев населения, торговая марка или бренд, характер поведения и многое, многое другое. Именно в рамках такой знаковости формируются микромиры социальной повседневности.

Особую знаковую природу имеет мода. Это социальное явление хорошо описано в соответствующей литературе. Хотелось бы подчеркнуть именно знаковую природу моды. Прежде всего мода указывает на статусно-стратификационную характеристику субъекта, фиксирует людей по признаку свой/чужой, наш/не наш. Знаками здесь выступает все: одежда, обувь, часы, украшения, прически, автомобили, мебель и даже манера разговора.

Своя мода есть у средних и низших слоев общества, которая либо тяготеет к подражанию атрибутам высокой моды за счет суррогатных предметов, либо ориентируется на этнические особенности жизни простых людей. Она может диктоваться эпатажными соображениями, что реализуется в бриколаже молодежных субкультур. Так или иначе, мода – это знак социального выделения. Специфика же ее формирования на частном уровне (в отличие от форменной одежды) заключается в том, что сам субъект является архитектором своего выделения, своего знакового оформления, что и выражается понятием вкуса.

По мнению Тарда, в моде есть свои инноваторы и свои подражатели. Первые моду вводят, вторые ее омассовляют и тем самым способствуют ее вырождению. Поэтому мода – это особый знак, заставляющий действовать людей по определенному алгоритму. Модным может быть многое: посещение какого-нибудь спектакля, дискотек и других увеселительных учреждений, «болезнь» за спортивную команду, чтение какого-нибудь литературного произведения, открытая демонстрация своей веры и т. д. В последнее время модным стало посещение заморских стран и курортов с обязательным оповещением своих родственников и знакомых. Особым проявлением современной моды стало увлечение людей (особенно молодых) татуировкой и пирсингом, которые порой принимают просто одиозные формы. Своя мода есть у молодежных неформальных объединений, которые с помощью подручных средств превращают одежду в специальную форму (панки, скинхеды, байкеры). Это своего рода проявление автостигматизации, когда сам человек, стремясь выделиться из общей массы людей, изобретает себе нелепую прическу или окраску волос, использует чрезмерный пирсинг или какие-то бросающиеся в глаза атрибуты одежды,

различного рода знаки и т. д. Особую роль в этом деле имеет татуировка, которая зачастую используется не только для украшения, но и выполняет особую функцию выделения, подчеркивая ранг человека в какой-либо неформальной группировке, например в криминальной среде.

Широко используется стигматизация в политической жизни общества. Здесь стигматизация и автостигматизация проявляются как к отдельным персонам (как правило, политические лидеры и исторические личности получают или сами подбирают себе определенные клички или псевдонимы), так и к целым общественным объединениям. «Фашизм», «экстремизм», «шовинизм», «космополитизм», «национализм», «расизм» и т. д. являются примерами подобных выделений.

Особое значение стигматизация имеет в сфере научно-теоретической и философско-идеологической деятельности. Здесь также проявляются элементы борьбы и уничижительного отношения к своим противникам. В качестве стигмы здесь очень часто используется имя самого создателя той или иной теории. Можно вспомнить, какое впечатление производили не в столь отдаленном прошлом такие ярлыки, как «ламаркизм», «менделизм», «вейсманнизм», «фрейдизм», «нищезанство» и многое другое. Стигмой иногда выступало и название философской школы, например философия «кинизма». В качестве научно-философских ярлыков зачастую выступали названия самих теорий и методологических установок, например, «субъективизм», «агностицизм», «релятивизм» и т. д. Самым страшным ярлыком был, конечно, термин «идеализм», который одним махом зачислял множество философских концепций в разряд ложного знания. И это несмотря на то, что наиболее великими философами всех времен и народов были именно представители этого направления. Таковыми, в частности, были Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц, Кант и Гегель. Свою стигматическую окраску имеет и термин «марксизм», который для одних выступал как символ величайшей мудрости, а для других был выражением глубокого заблуждения. Так или иначе, этот термин выделяет и в краткой форме фиксирует одно из самых значимых идеологических явлений общественной мысли XIX–XX вв.

Таким образом, стигма имеет большое социально-познавательное значение. Отвлекаясь от ее положительной или отрицательной роли, можно сказать, что во всех случаях она играет роль особого механизма выделения, благодаря которому те или иные явления общественной жизни, отдельные личности, общественные движения, учения прочно входят в структуру общественного сознания, составляя культурное достояние эпохи. Можно ничего не читать из произведений Маркса, Ницше, Фрейда, Толстого или

Достоевского, но каждый образованный человек имеет свое представление о том, что такое марксизм, нищезанство, фрейдизм или достоевщина. Можно сказать, что весь объем общего знания человека о мире строится на базе понятий-выделителей, понятий-меток, за которыми скрывается большой объем специальной информации.

Понятия стигмы и стигматизации в современной методологии научного познания приобретают роль особого эвристического принципа. На Западе, где проблема стигматизации изучается давно и подробно, многие авторы современных теорий, стремясь поскорее войти в плеяду научных классиков, заранее обращаются к помощи стигмы, чтобы придать своему учению необычный (отличающийся от всего остального) характер, придумывая для этого не только новое теоретическое содержание, но и новое стигматизированное название. Именно таковыми можно считать такие названия теорий, как «психоанализ», «функционализм», «структурализм», «этнометодология», «структурация», а также такие термины, как «габитус», «фрейм», «аутопойезис» и т. д. На эту сторону проблемы обратил внимание российский исследователь А. Б. Гофман, который, анализируя творчество Дюркгейма, пишет: «В истории социологии часто используются ярлыки или метки, выделяющие какие-то существенные черты определенной теории и, таким образом, обозначающие ее. Несомненно, эти ярлыки огрубляют и упрощают обозначаемые ими теории и не могут дать целостное представление о них. Тем не менее они могут служить полезными ориентирами, если ими не ограничиваться и стремиться понять, что стоит за ними, какую теоретическую ценность они отражают. Для обозначения основополагающих принципов теории Дюркгейма и его способа обоснования социологии таким ярлыком послужил термин «социологизм» [2, 316].

Продолжая эту характеристику, можно было бы сказать, что аналогичную роль играют такие термины, как «позитивизм» в творчестве Конта, «интеракционизм» в творчестве Дж. Мида, «этнометодология» в творчестве Г. Гарфинкеля или «структурация» в творчестве Гидденса.

На эту сторону проблемы обращает внимание российский исследователь творчества Спенсера В. Г. Николаев, который по этому поводу пишет: «Имя Спенсера почти столь же быстро обросло массой всевозможных определений – «эволюционист», «позитивист», «натуралист», «проповедник *laissez-faire*», «индивидуалист», «номиналист», «органицист», «социал-дарвинист», – что не благоприятствовало восприятию его идей как таковых и исподволь подталкивало помещению их в значительно более узкие рамки, нежели они того заслуживали... многочисленные искажения, неполные

и не всегда согласующиеся друг с другом “образы Спенсера” обрели самостоятельное существование и стали не менее (а может быть, даже и более) значимыми факторами развития социологической мысли, чем спенсеровские идеи как таковые, многие из которых остались незамеченными и недооцененными» [3, 194].

В этом плане нельзя не согласиться с Дж. Тернером, который пишет: «...хотя большинство ученых и многие обыватели слышали имя Спенсера и знакомы с рядом туманных стереотипных оценок его работы, он остается для нас загадкой... Мы настолько стигматизировали Спенсера, что никто не отважится назвать себя спенсерианцем в век, когда социальные теории из кожи вон лезут, называя себя марксистами, веберийцами, дюркгеймийцами и последователями Мида» [4, 15].

Таким образом, стигма в рамках теоретического знания может выполнять разную роль. Во-первых, она может исполнять роль особой метки, позволяющей быстро определять место теории в рамках большого объема теоретического знания. Во-вторых, она может нести уничижительный ярлык, подчеркивая некую ограниченность выделяемой теории. В-третьих, она может подчеркивать некую особенность оригинальной теории. В-четвертых, она может демонстрировать определенную популярность теории, ее массовое восприятие. Все это и позволяет говорить о том, что процесс стигматизации может иметь особый смысл в плане утверждения теории (учения) в структурах общественного сознания вне зависимости от того, имеет ли стигма положительный или отрицательный смысл.

На основе сказанного можно заключить, что стигматизация (как особый способ презентации) действительно имеет широкое проявление в практике социальных коммуникаций, выделяя особый смысл изучаемых объектов. Так или иначе, стигматизация явно дает о себе знать как в социальной практике, так и в структурах социального познания. Без глубокого теоретического анализа этого коммуникационного явления бывает трудно разобраться в некоторых особенностях развития как философских систем, так и теоретических построений социологии. Только усвоив методологию стигматизации, можно рассчитывать на уяснение процесса широкого признания в обществе вновь создаваемых теоретических конструкций, учитывая их положительный или отрицательный смысл.

Библиографические ссылки

1. Еляков А. Д. Информационная перегрузка людей // Социс. 2005.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

3. История социологии (XIX – первая половина XX века) : учебник / под ред. проф. В. И. Добренькова. М., 2004.

4. Turner J. H. Herbert Spenser: A renewed Appreciation (Masters of Social Theory). Beverly Hills, 1985. Vol. 1.

СТРАХ И ПОЛИТИКА: ОПЫТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Такое психо-физиологическое явление, как страх, подробно описан в обширной философской, психологической, психоаналитической, юридической и художественной литературе. Обращаясь к социальной оценке этого явления, необходимо отметить лишь тот факт, что чувство страха заложено в самом генетическом коде жизни и присуще всем живым существам. В этом смысле страх является защитной реакцией живых организмов при приближающейся опасности, их всеохватывающим желанием избавиться от этой опасности. Именно страх заставляет травоядных животных спасаться бегством от нападающих на них хищников. Особенность страха в животном мире состоит в том, что он проявляется именно в момент столкновения с опасностью и выполняет защитную функцию. В безопасной ситуации они ведут себя вполне спокойно и естественно. Поэтому можно предположить, что животным не присущи фобии – мнимые страхи.

Иная картина наблюдается в обществе, где люди не только переживают страх в момент приближения опасности, но и постоянно сохраняют в себе образ страха как особую программу поведения, которая дает о себе знать даже тогда, когда реально никакой опасности не существует. Если человек боится темноты, то он никогда не пойдет темной ночью на кладбище или в ночной лес. Если человек не умеет плавать и боится глубины, он никогда не посмеет окунуться в незнакомом для него водоеме, испытывая страх перед водой, или так называемую «гидрофобию», и т. д. Именно такие глубоко укоренившиеся в психике человека страхи могут надолго сохранять в его памяти, определяя поступки людей. А это создает основу для того, чтобы использовать страх для воздействия на человека с целью программирования его действий. Особенностью человеческой психики является еще и то, что страх может быть присущ не только отдельно взятому человеку, но и проявляться на уровне групповой психологии (типа паники), а также поражать более широкие социальные общности (тогда носителем страха может стать весь народ или эксплуатируемый класс). Тем самым

категория страха может иметь не только чисто личностный характер, но и носить более широкий социальный контекст.

Наиболее массовой формой сохраняющегося страха является страх получения болевых ощущений, которые с детства знакомы каждому человеку, начиная от нечаянного удара по пальцу, физической боли от каких-либо врачебных процедур до разнообразных физических наказаний.

Физическое наказание – это особое социальное явление, суть которого состоит в том, что один человек (или группа людей) целенаправленно предпринимает такие действия, которые доставляют боль другим людям, другому человеку, добиваясь от него нужного поведения. Физическое наказание как социальное явление имеет свое значение, приобретая особую форму воспитательного действия. Отличительной особенностью такого наказания является то, что оно осуществляется со щадящим проявлением боли. Родительское воспитание ремнем (розгой, веревкой), врачебная процедура или элементарная драка могут служить примерами такого нанесения боли. Кроме физических воздействий, причинами страха могут быть и чисто социальные явления – такие, например, как выговор, оскорбление, штраф, боязнь преступить законы и т. д. Во всех этих случаях страх играет воспитательную роль, становясь тем самым особым феноменом общественной жизни [1].

Совсем иная картина складывается в тех случаях, когда физическое наказание принимает форму пытки или публичной казни. Причинение физических страданий своим врагам или преступникам (перед тем, как их отправить на казнь) издревле сопровождало историю развития человеческих сообществ. Как отмечает В. Гитин, «мучительство имеет четыре основных мотива своего применения:

- 1) Наказание за какое-нибудь преступление.
- 2) Публичная демонстрация с целью устрашения зрителей.
- 3) Принуждение человека сознаться в совершенном преступлении или открыть некую тайну.
- 4) Наслаждение от причиняемых мучений (одна из разновидностей так называемого садизма).

Имеют место и ритуальные пытки как составная часть обрядов тайных обществ и сект.

Человечество во все времена жило более инстинктами, чем разумом, и поэтому жестокость всегда была (и остается) неисчерпаемым источником средств, форм и методов людских взаимоотношений» [2].

Все эти мотивы в той или иной мере проявляются в деятельности правящих элит, которые с помощью устрашающих средств во все времена

стремились утвердить и как можно дольше продлить свою власть. Тем самым физическое воздействие на человека приобретает ярко выраженный политический характер.

Казнь (особенно публичная) – это особый способ культивирования страха, который использовался властями для устрашения своих подданных. Поэтому казнь в прошлом обязательно принимала форму публичного действия, некоего зрелища, которое не только вселяло ужас, но и притягивало внимание людей. Можно в этой связи вспомнить бои гладиаторов или терзание тел христиан хищниками на аренах цирков, которые любили созерцать граждане Рима вместе со своими императорами.

Разумеется, в цивилизованном обществе не только публичная, но и казнь вообще отживает свой век. Но в террористических и бандитских актах пытка и казнь все еще сохраняются как акт устрашения и подавления воли людей к сопротивлению. Особый ужас вселяют в сознание людей массовые расправы типа геноцида.

Естественно предположить, что и те, кто подвергался пыткам, и те, кто их осуществлял, и те, кто оказывался свидетелем пыток и казней, становились постоянными носителями страха и послушными исполнителями воли своих властителей. Страх сам по себе становится не только психо-личностным явлением, но и приобретает особый социальный смысл и масштаб, определяя политическую атмосферу общества, его политический режим, формирующий принудительную лояльность граждан. Поэтому нет ничего удивительного в том, что везде, где в той или иной мере проявлялось господство властных структур над большой массой людей, использовались различные формы принуждения, среди которых не последнюю роль играла и такая форма, как культивирование страха, превращение его в своеобразную коллективную фобию.

Как правило, все завоеватели пытались подчинить себе завоеванных не только силой, но и путем наведения страха с помощью пыток и казней. В свое время на это обратил внимание еще Сенека, который перечисляя причины страха, или того, чего больше всего боятся люди, называл в качестве таковых – *бедность, болезни и насилие*. По этому поводу он писал: «В наибольший трепет приводит нас то, чем грозит чужое могущество: ведь такая беда приходит с великим шумом и смятением. Названные мною естественные невзгоды – бедность и болезни – подкрадываются втихомолку, не внушая ужаса ни слуху, ни зрению, зато у третьей беды пышная свита: она приходит с мечами и факелами, с цепями и зверьми, натравив их на нашу плоть. Вспомним тут же и о темницах, и о крестах, и о дыбе, и о крюке,

и о том, как выходит через рот насквозь пропоровший человека кол, как разрывают тело мчащиеся в разные стороны колесницы, как напиваются горячей смолой тунику из горючей ткани, – словом, обо всем, что выдумала жестокость. Так нечего и удивляться, если сильнее всего ужас перед бедствием, столь многоликим и так страшно оснащенным» [3].

И все это с древнейших времен изобреталось и делалось для устрашения завоеванных народов, против бунтующих масс, против заговорщиков и против всех тех, кто старался разрушить сложившийся порядок вещей.

Тоталитарному правителю, как правило, не хватает тех силовых средств, с помощью которых можно удерживать власть, поэтому он не брезгует и всевозможными приемами культивирования страха. В свое время, анализируя типы политического устройства общества, Ш. Монтескье выделял три основные формы такого устройства – республиканский строй, монархический и деспотический. Для характеристики этих форм правления он выделял ряд критериев количественного и качественного характера, т. е. указал на тот факт, что власть может осуществляться либо большим количеством людей, либо одним человеком. В последнем случае власть одного человека может быть либо подчиненной законам (тогда это есть законная монархия, которой не чужд патернализм), либо определяться только волей самого правителя (который оказался у власти в силу каких-то особых обстоятельств – военный захват, династический переворот или узурпация власти, полученной демократическим путем). По этому поводу мыслитель пишет: «Республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или большей части его; монархическое – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица» [4]. Определяя качественную характеристику этих форм правления, Монтескье отмечает: «Как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна» [5].

В какой-то мере с этими высказываниями великого французского мыслителя можно было бы согласиться, но только с поправкой на то, что в любой форме правления есть свое сочетание добродетели, чести и страха, так как в любом обществе есть свои сторонники и противники власти, которые по-разному к этой власти относятся. В этом плане демократии (или республике) также были не чужды приемы устрашения своих граждан, как и монархическим режимам. Достаточно в этом плане вспомнить осуждение Со-

крата демократической властью Афин, террор якобинцев или «красный террор» большевиков.

Указывая на проявление таких чувств, как любовь и страх, у подданных по отношению к своему правителю, итальянский мыслитель Макиавелли пришел к следующему выводу: «Из этой двойственности, обязательной для государя, вытекает вопрос: что для государя лучше – внушать страх или любовь? Что для него полезнее – чтобы его любили или чтобы его боялись?»

Я нахожу, что желательно было бы, чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно и государям обыкновенно приходится выбирать, то в целях личной их выгоды замечу, что полезнее держать подданных в страхе... боязнь основывается на страхе наказания, никогда не оставляющем человека» [6].

Таким образом, в определенных политических условиях страх становится важным средством социального управления, средством укрепления власти, гарантом ее неприкосновенности. Суверенитет государства при страхо-силовых формах правления незаметно перерастает в суверенитет существующей власти, а эта последняя перерастает в суверенитет единоличного правителя, появляется такая личность, как «суверен». Само понятие суверенитета становится фиговым листком политики страха. При этом всем гражданам государства идеологически внушается та мысль, что это и есть нормальное, спокойное, разумное состояние общества, что порядок представляет собой высшее благо для людей. И нужно сказать, что такой порядок действительно устанавливается в обществе, но это порядок со страхом в сердце. Любой протест против такого порядка воспринимался как проявление деструктивных сил, нейтрализовать которые можно только с помощью силы и страха. Поэтому нет ничего удивительного в том, что страх становится важной составляющей политики. Исторически формы культивирования страха менялись, но суть оставалась неизменной – сохранение и укрепление власти, в особенности, если она приобретала характер сугубо личного правления. Фараоны, цари, короли, императоры, папы, генсеки неизменно обращались к помощи страха, отстаивая свои права на пожизненное или династическое правление.

До наших дней дошли поговорки, рожденные в казематах пыток. Например, выражения «доподлинно известно» или «узнать всю подноготную», смысл которых для современного человека воспринимается как показатель подлинного знания о чем-то, а на самом деле это методы выколачивания признания из осужденных. И в самом деле, какая связь между истиной и какой-то длиной, истиной и ногтями. А оказывается, самая

прямая. Дело в том, что в средние века у допрашиваемого (если тот не соглашался с предъявляемыми ему обвинениями) на спине делали два параллельных надреза и после этого начинали сдирать полоску кожи. Испытывая жуткую боль, человек соглашался с предъявленными обвинениями. Причем чем длиннее была содранная полоска кожи, тем более истинным считалось признание. То же самое было и с «подноготной правдой» – человеку просто напросто втыкали под ногти иголки. И чем больше в пытке было задействовано пальцев, тем вернее представлялось признание.

Особенно сильное впечатление на людей производили те пытки и казни, которые осуществлялись в виде публичных действий, которые вселяли в зрителей неопиcуемый страх и ужас. С древнейших времен наиболее жестокими были расправы над участниками массовых выступлений – бунтов и восстаний. Казни, как правило, приобретали массовый и публичный характер. После подавления римлянами восстания рабов на Сицилии установился порядок открытого террора. «На этот раз, – отмечается в литературе, – репрессии были особенно жестокими: последовали бесчисленные казни, распятия на крестах, тысячи рабов были отправлены в Рим, где пленные рабы принуждены были биться между собой в цирке как гладиаторы. С этого времени во всей Сицилии установился режим постоянного террора, чтобы держать рабов в непрерывном страхе» [7].

И нужно отметить, что страх настолько глубоко вселился в души сицилийцев, что они и спустя тридцать лет не рискнули присоединиться к восстанию рабов в самой Италии, хотя посланники Спартака их к этому призывали. Правда, и это восстание потерпело поражение, вызвав новую волну террора в самой Италии. «Движение рабов под предводительством Спартака было разгромлено. Сам Спартак погиб, остатки его армии, долго укрывавшиеся в горах юга Италии, были постепенно выловлены и истреблены: 6 тысяч пленных рабов Красс распял вдоль всего пути из Капуи в Рим» [8].

Капуя – это город, вблизи которого зародилось восстание Спартака. А дорога из Капуи в Рим была наиболее оживленной магистралью, так что не только казнь восставших путем распятия, но и сама эта дорога с казненными участниками восстания вселяла ужас всем, кто проезжал по ней, ибо крестовины с трупами распятых долго еще сохранялись вдоль этой дороги смерти, воспитывая рабскую покорность перед властью придержащими.

Так публичная казнь стала не просто актом наказания осужденных, но и особым способом культивирования страха властями с целью запугивания граждан и воспитания у них верноподданнических чувств. При этом сам характер массового присутствия людей при казни варьировался: где-то люди сами

собирались на площадях, где-то их сгоняли силой, а где-то использовали и иные способы, просто казни устраивали в наиболее многолюдных местах или казненные долго еще сохранялись на месте казни, устрашая оставшихся в живых.

Нечто подобное происходило и в России. Например, после разгрома восстания Пугачева большая часть его участников была просто уничтожена, но для устрашения был придуман особый способ. Были сооружены плоты с вмонтированным в них столбом и двумя крест-накрест балками, размещенными на вершине столба. К концам балок прикреплялись веревки с крюками. Голых осужденных со связанными руками вздергивали на эти крюки (крюк втыкался под ребра, это делалось для того, чтобы человек не сразу умирал, как это происходило при повешении, а некоторое время находился еще живым, испытывая страшные муки и издавая нечеловеческие вопли.), все это сооружение спускалось на воду и плыло вниз по реке (Яик, ныне река Урал), вселяя ужас в жителей окрестных сел, отбивая всякую охоту бороться с деспотической властью. Именно эту ужасающую экзекуцию и запечатлел в своей гравюре художник Ганвей в 1754 г., а Пушкин в несколько измененном виде описал в «Капитанской дочке» [9].

Сам Пугачев был приговорен к смертной казни путем четвертования. Казнь происходила в Москве при большом скоплении народа, который с леденящим душу ужасом созерцал все происходящее (отрубленная голова Пугачева тут же была нанизана на пику и высоко поднята над толпой, устрашая ее). И нужно сказать, что этот страх надолго сохранился в сознании простых людей. Сочувствуя Пугачеву, крестьянские массы, тем не менее, отказывались от массовых выступлений. И даже спустя целый век они не рискнули выступить против царской власти, хотя народники всячески пытались расшевелить их своей агитацией. Страх и инертность простого народа оказались сильнее пламенных призывов народников. Эту запуганность народа, видимо, хорошо понимали большевики, решившие в своей борьбе за власть опираться не на крестьянские массы, а на новый класс угнетенных – пролетариат, репрессии против которого лишь стимулировали его революционную активность.

В целом история утверждения царской власти в России полна примеров властной жестокости, начиная от первых варяжских князей, утвердившихся в Киеве, до Ивана III, Ивана Грозного и Петра I. Особенно в этом плане прославился Иван III. Хорошо известна его расправа с непокорными новгородцами, которые попытались оказать сопротивление захватнической политике Московского царя. Вот как описывает эти события историк Н. Костомаров.

После прибытия Ивана III в пригород Новгорода он «приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собравши всю эту толпу перед собой, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать «неисповедимыми», как говорит современник, муками... потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, шибко везти за собой в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей, женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали их в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали» [10].

По утверждению летописцев, «пять недель продолжалась неукротимая ярость царева». Разумеется, вся эта расправа чинилась перед глазами обезумевших от страха новгородцев, лишала их мужества и каких-либо попыток сопротивляться захватнической политике Московского царя. На этом, однако, Иван III не успокоился. Видимо, чувствуя шаткость своей власти не только на периферии, но и в самом центре своего царства, он решил использовать новгородские события для борьбы с оппозицией в самой Москве. Историк так описывает эти события:

«После новгородской бойни Ивану взбрело на ум, что в Москве были соучастники новгородской измены. Он начал розыск... 1570 года 25 июля на Красной площади поставлено было восемнадцать виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти («кошки»), клещи, иглы и котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидевши все эти приготовления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда ни попало... Выехал царь с опричниками, за ним вели 300 человек осужденных на казнь в ужасающем виде от следов пыток; они едва держались на ногах. Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Царю не понравилось это, он разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: "Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость". Москвичи стали выползать, кто с чердака, кто из погреба и сходиться на площадь... Тогда царь велел отобрать 180 человек и объявил, что дарует им жизнь по своей великой милости. Остальных всех казнили мучительными казнями. Изобретательность царя так велика, что почти каждому была особая казнь; так, например, Висковатого повесили вверх ногами и рассекли на части; Фуникова обливали попеременно то кипящей, то ледяной водой и т. д. На другой же день после казни потоплены были жены казненных, и неко-

торые перед тем подвергались изнасилованию и поруганию. Тела казненных лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками» [10, 155–156].

Нет сомнения, что все эти жестокости и их публичный характер предпринимались исключительно с целью укрепления единоличной власти царя, утверждения монархического строя в России.

Для устрашения публики придумывали такие формы казни, которые не сразу приводили к смерти, а как бы оттягивали ее, заставляя осужденных переживать нечеловеческие муки, а зрителей – эти муки сопереживать и тем самым проникаться страхом перед властями. Одной из наиболее бесчеловечных пыток-казней было посадить человека на кол. Осужденного со связанными сзади руками действительно сожали на кол, который был вкопан в землю и выступал так высоко, что человек не мог достать до земли ногами. Испытывая жуткую боль, человек начинал издавать нечеловеческие вопли и судорожно дергаться, а кол медленно углублялся в его тело, пока не выходил наружу в районе головы. Так человек погибал и долго еще продолжал висеть мертвым в назидание другим.

При сожжении на костре также можно было растянуть муки казненных, увеличивая время публичной экзекуции и вселяя ужас в сознание присутствующих. В произведениях искусства эта форма казни обычно показывается как полыхание большого костра, в котором быстро погибает осужденный. На самом же деле костер вначале делали небольшим, который не сразу уничтожал человека, а как бы растягивал его муки. Именно таким способом и был казнен Дж. Бруно при большом количестве собравших на эту казнь людей. У одной из старушек, видимо, не выдержали нервы, и желая сократить муки осужденного, она подбросила в костер охапку хвороста, которую несла домой.

В данном случае наша задача состояла не в том, чтобы описать характер пыток и публичных казней (об этом имеется большая историко-художественная литература), а в том, чтобы раскрыть их социальный смысл, стремление властвующих элит сохранить и упрочить свою власть с помощью культивирования страха. При этом чаще всего эта политика осуществлялась как бы для поддержания порядка, велась во имя бога, коммунизма, прогресса или еще каких-либо благородных целей. Особенно в этом плане прославились инквизиция, фашистский режим в Германии и сталинский режим в России, где террор приобрел характер государственной политики и был направлен на уничтожение и дискриминацию целых рас и народов, приобретая форму откровенного геноцида. Страх действительно здесь стал отличительной чертой коллективного духа, сущностью социального бытия.

Удивительным, однако, является то, что по прошествии определенного времени старые страхи притупляются, боль утрат исчезает, жертвы забываются, а тираны входят в историю. Сама история превращается в некую детективную драму, интерес к которой проявляется в тем большей степени, чем больше в ней пролито крови. Такая история действительно нас ничему не учит, поэтому политика страха вряд ли когда-нибудь будет преодолена, ибо без страха власть существовать не может, она утрачивает свои полномочия, свой пресловутый суверенитет.

Парадокс социального развития состоит в том, что смягчение власти, процесс ее гуманизации приводят к бурному возрастанию деструктивных сил (к преступности, коррупции, враждебной оппозиции, к революционной ситуации и т. д.), которые, как болезнь, подтачивают общество изнутри, в результате чего сама власть становится жертвой истории. Мировое зло оказывается не только параличом власти, но и общества в целом. Поэтому естественно встает вопрос, можно ли в политике полностью отказаться от культивирования страха, можно ли сохранять власть, опираясь только на законы. Опыт развитых стран в современном мире не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос.

Разумеется, пытки и казни в современном мире широко используются разве что террористами. Цивилизованные страны частично или полностью от них отказались. Но это не означает, что эти страны полностью избавились от культивирования страха для поддержания своей власти. При сохранении страха внутри страны (перед полицией, перед судьями, перед чиновниками, перед работодателями, перед системными кризисами и т. д.) в этих странах широко используются страховые методы политики на международной арене. Для этого создаются тайные отделы полиции, службы разведок, поддерживаются действия террористических группировок (для которых не существует никаких законов), создаются диверсионные группы и т. д. Можно, конечно, запретить пытки у себя в стране, но использовать для этого тюремные застенки каких-нибудь развивающихся стран.

Тем самым культивирование страха переходит на международный уровень с использованием не только террористических, но и идеологических средств, что осуществляется путем раздувания различного рода политических фобий. У себя в стране раздуваются страхи с помощью образа внешнего врага, а население чужой страны запугивается по поводу отсутствия прав человека, прав заключенных, прав женщин, прав детей, прав геев и т. д. И все это делается с целью подрыва авторитета правительства чужой страны, смягчения его властных полномочий. Таким образом, куль-

тивирование страха приобретает различные формы внутренней и внешней политики, причем чем сильнее государство, тем ярче проявляются эти формы. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что в современном мире исчерпала себя политика страха. Разумеется, она изменяет свои формы, но суть ее сохраняется. Как в домашнем воспитании все еще сохраняются щадящие формы силового воздействия, так и в обществе (как в большой семье) сохраняются свои приемы и методы силового и морального устрашения. И здесь нет какого-либо различия между развитыми странами и так называемыми «странами третьего мира».

Библиографические ссылки

1. Гуляихин В. Н., Тельнова Н. А. Страх и его социальные функции // Философия социальных коммуникаций. 2010. № 10. С. 53–60.
2. Гитин В. Г. Это жестокое животное мужчина. Харьков, 1997. С. 68.
3. Шерба́тых Ю. Психология страха: популярная энциклопедия, М., 2000. С. 157.
4. Монте́скьё Ш. О духе законов // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1970. Т. 2. С. 541.
5. Монте́скьё Ш. О духе законов // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1970. Т. 2. С. 542.
6. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве : сборник. Минск, 2013. С. 81–82.
7. История Древнего мира. М., 1956. С. 528.
8. История Древнего мира. М., 1956. С. 566.
9. Шерба́тых Ю. Психология страха: популярная энциклопедия. М., 2000. С. 153.
10. Шерба́тых Ю. Психология страха: популярная энциклопедия. М., 2000. С. 154–155.

ТЕЗИСЫ О ПАРАДОКСАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

1. В общественном развитии, как и во времени, попятных движений не существует. Что бы ни происходило в жизни людей – спады или подъемы, войны или периоды мирного сосуществования, – все это лишь разные проявления прогресса. При этом никогда не было так, чтобы все люди умирали только своей естественной смертью, всегда существовало что-то такое, что обрывало жизнь людей преждевременно. Чаще всего причиной этого являлись сами люди, которые придумали нечто такое, что не встречается даже в дикой природе – это жертвоприношение, которое со временем при-

обрело характер традиций и социального института со своими статусными ролями, делая одних людей палачами, а других – жертвами.

2. В общественном развитии часто случались эпидемии, голод, войны, революции, экономические спады, технические и природные катастрофы, над человечеством витает тень истощения природных ресурсов, но, несмотря на все это, оно движется только вперед, отдавая прогрессу дань в виде определенного процента своего человеческого материала.

3. Людские жертвы – это трагическая дань человечества прозорливому чудовищу прогресса, своему неумному движению вперед. Старое общество умирает, новое нарождается. Нарождается в муках, грязи и крови. И в периоды войн, и в периоды мирного сосуществования было немало случаев, когда люди убивали друг друга, находясь под воздействием каких-либо высших идей, целей и интересов, оправдываясь исторической необходимостью.

4. Любая неестественная смерть являет собой образ жертвы прогресса. Это жертвы военных сражений, революционных бурь, массовых катастроф, публичных казней, дворцовых заговоров, уголовных акций, медленного изнурения человека непосильным трудом и т. д. – все это и есть плата человечества за свое неумолимое и ускоренное движение вперед.

5. В служении прогрессу есть свои палачи и свои жертвы, свои мучители и свои мученики. Жертвами становятся как простолюдины, так и выдающиеся исторические личности, как слуги, так и господа, не исключая даже самих царей и королей. При этом нельзя не заметить, что история весьма благосклонно относится к своим жертвам. Она их возвышает, возводя в ранг святых и героев, а палачи уходят в небытие или утрачивают свое историческое величие. Поэтому можно сказать, что и победителей судят. Их судит сама история.

6. Можно восхищаться плодами человеческой цивилизации – гробницами и храмами, атомом и ракетами, компьютерами и космическими комплексами, но нельзя забывать, что каждый шаг вперед в общественном развитии сопряжен с громадным количеством человеческих жертв. Расцвет древних цивилизаций определен жертвенностью рабов, этой же жертвенностью определяется развитие североамериканских штатов, пожелавших африканских негров превратить в своих рабов. Гитлер, уничтожая евреев Европы, попытался славян превратить в рабов Германии. Не обминула сия чаша и Россию, которая, превратив часть своих граждан в заключенных, т. е. в рабов XX в., сделала стремительный рывок от третьестепенного феодального государства к современной супердержаве, создав ситуацию двухполярного мира.

7. Сама эта ситуация есть определенный итог общественного развития, своеобразный плод прогресса, на алтарь которого было брошено множество человеческих жизней во многих странах мира, но особенно в Европе. Таким образом, первобытное жертвоприношение людей в честь тех или иных богов не исчезло, оно лишь видоизменилось, приняв новые формы. Богом же людей современности стал Прогресс – самый алчный из богов на человеческие жертвы.

8. Мирное сосуществование, которое установилось после Второй мировой войны, можно было бы назвать ситуацией хрупкого равновесия и относительной стабильности, ибо двухполярный мир позволял подавлять как внутреннюю, так и внешнюю агрессию: коммунисты были пугалом для капиталистов, а капиталисты были пугалом для коммунистов. И в этом взаимном запугивании состояла хрупкая гармония двухполярного мира, которая, тем не менее, также имела свои жертвы.

9. Борьба между полюсами двухполярного мира приобрела хотя и резкий, но в основном вербальный, словесный характер, вошедший в историю под названием холодной войны, которая также имела свои жертвы.

10. Разница между этими полюсами носила цивилизационный характер, определяемый типами социальной организации. На одном полюсе выступала экономика, основанная на товарно-денежных (рыночных) отношениях, на другом – однопартийная система, основанная на централизованно-плановом административном руководстве, со всеми вытекающими отсюда последствиями надстроечно-духовного характера и режима тоталитарного правления.

11. В каждом из лагерей сложилась своя социальная структура. В капиталистическом обществе сохранилось традиционное деление на бедных и богатых (это различие постепенно расширялось, приобретая характер межклассовых, межсословных и межгосударственных отношений). Социалистическое общество, сконцентрировав материальные ценности в руках государства, сделало своих граждан заложником глобальных коммунистических идей, отмеряя каждому прожиточный минимум и компенсируя этот минимум чувством причастности к великим мировым преобразованиям.

12. Можно сказать, что при социализме бедные объединились и передали часть своих богатств государству, чтобы противостоять усилиям богатых господствовать во всем мире, от чего последние никогда не отказывались.

13. Концентрация богатства в руках социалистического государства обезличила его, богатство стало утрачивать свою ценность, что, безусловно, истощало и подрывало экономику. Люди работали, создавали

материальные ценности, а служители государства транжирили их безо всякого ущерба для себя; хотя были созданы все условия для того, чтобы обогащать людей, подтягивать уровень их благосостояния хотя бы до среднего уровня развитых стран. Вместо этого продолжала действовать идеология укрепления системы, т. е. укрепления государственной военной машины, и насильственное геополитическое расширение, что, безусловно, истощало ресурсы государства и приводило к относительному обнищанию граждан. Так колосс оказался на глиняных ногах. У социализма оказались большие претензии глобального переустройства мира при малых возможностях. Слабым звеном социализма оказалось и центральное звено управления – власть генсека. Слабость этого звена определялась, с одной стороны, всевластием, которому мог бы позавидовать любой монарх, а с другой стороны, недопустимостью критики и разумного влияния на эту власть даже ближайшим окружением (политбюро). Поэтому глупости генсеков часто становились реальностью, несмотря на всю их очевидность и масштабность. Непререкаемая власть генсека не позволила ближайшему окружению Горбачева, например, предостеречь его от ошибок, которые в конце концов развалили социализм, построенный с таким трудом и с такими жертвами, которые следовало бы не оплакивать, а возвести в ранг героев, ибо они стали не только жертвами прогресса, но и его созидателями. Развал же социализма обесценил эти жертвы, уничтожил все то положительное, что было достигнуто, разрушил хрупкое равновесие, которое установилось между двумя системами, между двумя точками социальной бифуркации.

14. Стал ли мир гармоничнее и устойчивее после развала социализма и утверждения одного полюса? Нет, нисколько. Однополярный мир чреват новыми катаклизмами и новыми человеческими жертвами. Объясняется это тем, что США, как единственный полюс современного мира, уже не может считаться защитником западного мира, а выступает символом мирового богатства и всемирной эксплуатации, вызывая зависть у одних и вражду у других, даже у своих союзников. Да и в самих Соединенных Штатах утрачивается вера в цементирующую и защитную роль государства, которое начинает растрачивать национальные богатства ради каких-то весьма эфемерных целей. Одним словом, руководство США из защитника интересов западного мира и пресловутого американского снобизма, превращается в силу, враждебную как внешнему, так и внутреннему миру, что чревато зарождением новой идеи глобального переустройства общества, а это неминуемо приведет к новым чело-

веческим жертвам, перед которыми померкнет все то, что уже пришлось пережить человечеству.

15. Мир, видимо, не может быть однополярным. На наших глазах формируется новый полюс социального напряжения – глобальный терроризм с новыми конфликтами и новыми жертвами.

16. Именно поэтому обществу ничего не остается, как наращивать свой человеческий материал, чтобы быть готовым приносить все новые и новые жертвы на алтарь своего развития. Нет необходимости ругать палачей и оплакивать жертвы. Моралью от палачей не избавиться, они неумолимо порождаются самим прогрессом. Тем более что палачами являются не только те, которые исполняют приговоры, но и те, которые их выносят, и те, которые руководят государствами, и великие военачальники и полководцы, и великие ученые, раскрепощающие скрытые силы природы, и, наконец, обыкновенные преступники-убийцы. Видимо, таков уж прогресс, который никак не может обойтись без человеческих жертв. Так давайте же не оплакивать жертвы, а возведем их в ранг святых мучеников Прогресса, плодами которого вынуждены пользоваться ныне живущие люди.

*Н*АУЧНАЯ
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРОФЕССОРА
А. Н. ЕЛСУКОВА

Составители благодарят Фундаментальную библиотеку Белорусского государственного университета в лице ведущего библиотекаря Ж. И. Остроух за помощь в подготовке раздела «Научная и педагогическая деятельность профессора А. Н. Елсукова»

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А. Н. ЕЛСУКОВА

Литература о жизни и деятельности профессора А. Н. Елсукова, рецензии на его труды

- Альберт Николаевич Елсуков // Социология. – 2001. – № 4. – С. 83.
- Альберт Николаевич Елсуков // Социология. – 2006. – № 4. – С. 94.
- Кукушкина, Е. И. Содружество муз: (о поэтическом творчестве людей науки) / Е. И. Кукушкина // Социол. исслед. – 2008. – № 1. – С. 119–128.
- Альберт Николаевич Елсуков: [к 60-летию со дня рождения] // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1997. – № 1. – С. 79.
- Гуцаленко, Л. А. Вселенная мыслей, чувств и свершений / Л. А. Гуцаленко // Социология. – 2009. – № 2. – С. 132–135. – Рец. на кн.: Елсуков, А. Н. Философия любви, жизни и смерти в афоризмах и стихах / А. Н. Елсуков. – Минск : Право и экономика, 2008. – 128 с.
- Данилов, А. Н. Памяти профессора А. Н. Елсукова / А. Н. Данилов // Социология. – 2014. – № 1. – С. 54–55.
- Елсуков Альберт Николаевич // Кафедра социологии БГУ: история и современность: к 25-летию создания / А. Н. Данилов [и др.] ; под ред. А. Н. Данилова. – Минск : БГУ, 2014. – С. 95–96.
- Елсуков Альберт Николаевич // Кто есть кто в Республике Беларусь. Люди дела = WHO is WHO in the Republic of Belarus. People of Business : энциклопедия. – Минск : Энциклопедикс, 1999. – С. 266.
- Елсуков Альберт Николаевич // Новейший социологический словарь / сост.: А. А. Грицанов [и др.] ; редкол.: А. А. Грицанов (пред.) [и др.]. – Минск : Книж. дом, 2010. – С. 307–308.

Елсуков Альберт Николаевич // Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1921–2001 (80 год) / склад. А. А. Яноўскі. – Мінск : БДУ, 2001. – С. 88.

Елсуков Альберт Николаевич // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 96.

Елсуков Альберт Николаевич // Социология : энциклопедия / сост.: А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 307–308.

Елсуков Альберт Николаевич // Республика Беларусь : энциклопедия : в 6 т. / редкол.: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭн, 2006. – Т. 3 : Герасименко – Картель. – С. 496.

Елсукоў Альберт Мікалаевіч // Культура Беларусі : энцыклапедыя : у 5 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.] ; рэд. савет: Н. А. Агафонава [і інш.]. – Мінск, 2012. – Т. 3 : Г–З. – С. 585.

Елсукоў Альберт Мікалаевіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1998. Т. 6 : Дадаізм – Застава. – С. 386.

Кукушкина, Е. И. [Рецензия] / Е. И. Кукушкина // Социол. исслед. – 2005. – № 1. – С. 151–153. – Рец. на кн.: Елсуков, А. Н. Методика преподавания социологии в высшей школе : учеб. пособие / А. Н. Елсуков. – Минск, 2002. – 230 с.

Кукушкина, Е. И. О поэтическом творчестве людей науки / Е. И. Кукушкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2004. – № 4. – С. 145–173.

Лимаренко, А. П. [Рецензия] / А. П. Лимаренко // Социология. – 2012. – № 1. – С. 138–139. – Рец. на кн.: Елсуков, А. Н. Философско-социологический бриколаж / А. Н. Елсуков ; [авт. вступ. ст. А. Н. Данилов]. – Юбилейное изд. – Минск : Книж. дом, 2011. – 479 с.

Памяти профессора А. Н. Елсукова // Кафедра социологии БГУ: история и современность: к 25-летию создания / А. Н. Данилов [и др.] ; под ред. А. Н. Данилова. – Минск : БГУ, 2014. – С. 206–209.

Румянцева, Т. Г. [Рецензия] // Социология. – 2011. – № 4. – С. 135–138. – Рец. на кн.: Елсуков, А. Н. История социологии : учеб. пособие / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : Книж. дом, 2012. – 576 с.

Соколова, Г. Н. [Рецензия] / Г. Н. Соколова // Социология. – 2009. – № 3. – С. 137–140. – Рец. на кн.: Елсуков, А. Н. Предыстория социологии / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : Право и экономика, 2009. – 209 с.

**ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА А. Н. ЕЛСУКОВА**

**Монографии, учебные пособия,
сборники, справочники,
энциклопедические издания, брошюры
(персональные и в соавторстве)**

1969

Елсуков, А. Н. Проблема объяснения в социально-историческом исследовании : автореф. дис. ... канд. философ. наук / А. Н. Елсуков ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1969. – 17 с.

1974

Стёпин, В. С. Методы научного познания / В. С. Стёпин, А. Н. Елсуков. – Минск : Выш. шк., 1974. – 152 с.

1981

Елсуков, А. Н. Эмпирическое познание и факты науки / А. Н. Елсуков. – Минск : Выш. шк., 1981. – 88 с.

1984

Елсуков, А. Н. Познание и миф / А. Н. Елсуков. – Минск : Университетское, 1984. – 151 с.

1985

Елсуков, А. Н. Методологические проблемы формирования научного факта : дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.01 / А. Н. Елсуков. – Минск, 1985. – 359 с.

Елсуков, А. Н. Методологические проблемы формирования научного факта : автореф. дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.01 / А. Н. Елсуков. – Минск, 1985. – 37 с.

Ленинская теория отражения как методология научного познания / В. С. Стёпин [и др.] ; отв. ред. В. С. Стёпин. – Минск : Университетское, 1985. – 302 с.

Методические разработки проведения семинарских занятий по марксистско-ленинской философии в форме «малых групп», «круглого стола», «пресс-конференции» : сборник / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина, каф. марксист.-ленин. философии гуманитар. фак. ; А. В. Барковская [и др.] ; под общ. ред. В. С. Стёпина. – Минск : БГУ, 1985. – 34 с.

Социалистическая культура и духовный мир человека / под ред. Е. М. Бабосова, А. Н. Елсукова. – Минск : Университетское, 1985. – 220 с.

1988

Социализм: идеалы, реальность: научно-методический материал в помощь пропагандистам системы политического образования / Дом полит. просвещения Мин. обкома КП Белоруссии ; авт.-сост.: А. А. Грицанов, А. Н. Елсуков. – Минск : Госкомстат БССР, 1988. – 37 с.

1989

Воробьев, В. Я. Теория и эксперимент / В. Я. Воробьев, А. Н. Елсуков. – Минск : Выш. шк., 1989. – 111 с.

Практикум по марксистско-ленинской философии для аспирантов и соискателей естественнонаучного профиля: 110 учебных часов / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина, каф. марксист.-ленин. философии естеств. наук ; авт.-сост. А. Н. Елсуков. – Минск, 1989. – 35 с.

1991

Методологические основы социологии : учеб. программа курса для студентов социол. отд-ния ун-та : в 2 ч. / ред.-сост.: А. Н. Елсуков [и др.] ; Белорус. гос. ун-т, каф. социологии. – Минск, 1991. – Ч. 1 и 2. – 99 с.

Социологический словарь / науч. ред. Г. Н. Соколова, И. Я. Писаренко ; сост.: А. Н. Елсуков, К. В. Шульга. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Университетское, 1991. – 528 с.

1992

Елсуков, А. Н. История античной гносеологии : учеб. пособие по философии для студентов специальности 02.01.00 / А. Н. Елсуков. – Минск : Белгосуниверситет, 1992. – 83 с.

Методологические основы социологии: социология как наука : учеб. пособие по социологии для студентов специальности 02.03.00 : в 2 ч. / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. И. Я. Писаренко ; Белорус. гос. ун-т, каф. социологии. – Минск, 1992. – Ч. 1. – 145 с.

1993

История социологии : учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. вузов / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Елсукова, Г. Н. Соколовой, А. А. Грицанова. – Минск : Выш. шк., 1993. – 320 с.

1995

Елсуков, А. Н. Афоризмы, максимы и стихи как вид философского творчества / А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т, каф. социологии. – Минск, 1995. – 42 с.

Методологические проблемы социологического познания : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т, каф. социологии ; под общ. ред. А. Н. Елсукова [и др.]. – Минск, 1995. – Вып. 1. – 45 с.

1996

Елсуков, А. Н. Философия жизни в афоризмах и стихах / А. Н. Елсуков. – Минск, 1996. – 64 с.

1997

Елсуков, А. Н. Программа курса «История социологии» : для студентов философ.-экон. фак. ун-та специальности «Социология» / А. Н. Елсуков, Л. Г. Титаренко, А. П. Лимаренко ; БГУ, каф. социологии. – Минск, 1997. – 43 с.

История социологии : учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. вузов / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Елсукова [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 1997. – 382 с.

Кечина, Е. А. Социальная и экономическая статистика : программа для студентов философ.-экон. фак. по одноименному курсу / Е. А. Кечина ; Белорус. гос. ун-т, философ.-экон. фак., каф. социологии ; отв. ред. А. Н. Елсуков. – Минск, 1997. – 11 с.

1998

Социология : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Елсуков [и др.] ; ред.-сост. А. Н. Елсуков. – Минск : ТетраСистемс, 1998. – 560 с.

1999

Безнюк, Д. К. Социология религии : пособие для студентов вузов / Д. К. Безнюк, А. Н. Елсуков. – Минск : Белорус. наука, 1999. – 79 с.

Елсуков, А. Н. Краткий курс теоретической социологии : учеб. пособие для студентов вузов. – Минск : ТетраСистемс, 1999. – 127 с.

Елсуков, А. Н. Программа курса «Методика преподавания социологии в высшей школе»: пособие для студентов отделения социологии философ.-экон. фак. / Белорус. гос. ун-т, каф. социологии. – Минск, 1999. – 15 с.

Елсуков, А. Н. Этика любви, жизни и смерти в афоризмах и стихах / А. Н. Елсуков. – Минск : ДизайнПРО, 1999. – 223 с.

2000

Елсуков, А. Н. Философия жизни в афоризмах и стихах / А. Н. Елсуков. – Минск : Издатель В. М. Скакун, 2000. – 128 с.

Политика, выборы и электоральное поведение: методология оперативного социологического исследования / А. Н. Елсуков [и др.] ; под ред. А. Н. Елсукова, Д. Г. Ротмана ; Белорус. гос. ун-т, Центр социол. и полит. исслед. БГУ, каф. социологии. – Минск, 2000. – 95 с.

Социология : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Елсуков [и др.] ; под ред. А. Н. Елсукова. – 2-е изд., испр. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 543 с.

Управление и власть : сб. ст. / Д. К. Безнюк [и др.] ; науч. ред.: А. Н. Елсуков, Д. К. Безнюк ; Белорус. гос. ун-т, фак. философии и соц. наук, каф. социологии. – Минск, 2000. – 102 с.

2001

Елсуков, А. Н. Социология : учеб.-метод. комплекс по вузовскому курсу общей социологии / А. Н. Елсуков. – Минск : Технопринт, 2001. – 195 с.

Елсуков, А. Н. Человек и общество : терминолог. слов. по обществознанию / А. Н. Елсуков. – Минск : Издатель В. М. Скакун, 2001. – 96 с.

Социология : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Елсукова. – 3-е изд., стер. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 542 с.

2002

Елсуков, А. Н. Методика преподавания социологии в высшей школе : учеб. пособие / А. Н. Елсуков. – Минск : Технопринт, 2002. – 231 с.

2003

Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – 384 с.

Елсуков, А. Н. Методика преподавания социологии в высшей школе : учеб. пособие для студентов вузов специальности «Социология» / А. Н. Елсуков. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 240 с.

Социология : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Елсукова. – 4-е изд., стер. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 542 с.

2004

Социология : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Елсукова. – 5-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 542 с.

2005

Девиантное поведение среди молодежи и меры противодействия / В. А. Бобков [и др.] ; Минский НИИ соц.-экон. и полит. проблем. – Минск : МНИИСЭПП, 2005. – 133 с.

Социология. Методология отраслевых и оперативных исследований : учеб. пособие для студентов социол. специальностей БГУ / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Елсукова. – Минск : БГУ, 2005. – 260 с.

Данилов, А. Н. История социологии : учеб. программа для вузов по специальности 1-23 01 05 «Социология» / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков, Л. Г. Титаренко ; Белорус. гос. ун-т, фак. философии и соц. наук, каф. социологии. – Минск : БГУ, 2006. – 48 с.

2006

Данилов, А. Н. Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков, Д. Г. Ротман. – Минск : БГУ, 2006. – 144 с.

Управление и власть: социологический альманах / Д. К. Безнюк [и др.] ; редкол.: Л. Г. Титаренко (науч. ред.) [и др.] ; Белорус. гос. ун-т, фак. философии и соц. наук, каф. социологии. – Минск : РИВШ, 2006. – Вып. 4. – 108 с.

2007

Елсуков, А. Н. Социология: краткий курс : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / А. Н. Елсуков. – Минск : ТетраСистемс, 2007. – 127 с. – (Ответы на экзаменационные вопросы).

Современное общество как проблемное поле социальных наук : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию БГУ, 19–20 окт. 2006 г. / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.), А. Н. Елсуков [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 7–8.

2008

Елсуков, А. Н. Краткий курс теоретической социологии : учеб. пособие / А. Н. Елсуков ; Междунар. гуманитар.-экон. ин-т. – Минск : МГЭИ, 2008. – 147 с.

Елсуков, А. Н. Социология: краткий курс : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / А. Н. Елсуков. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 127 с. – (Ответы на экзаменационные вопросы).

2009

Елсуков, А. Н. Основы социологии : учеб. пособие для учащихся учреждений, обеспечивающих получение сред. спец. образования / А. Н. Елсуков. – Минск : Респ. ин-т проф. образования, 2009. – 330 с.

Елсуков, А. Н. Предыстория социологии / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : Право и экономика, 2009. – 209 с.

Елсуков, А. Н. Социология: краткий курс : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / А. Н. Елсуков. – 3-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2009. – 127 с.

Елсуков, А. Н. Философия любви, жизни и смерти в афоризмах и стихах / А. Н. Елсуков. – Минск : Право и экономика, 2009. – 128 с.

Кафедре социологии БГУ – 20 лет : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т, каф. социологии ; под науч. ред. А. Н. Данилова, А. Н. Елсукова, Д. К. Безнюка. – Минск : Право и экономика, 2009. – 391 с.

Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию институционализации социол. образования в Беларуси, открытию отд-ния и каф. социологии в Белорус. гос. ун-те, Минск, 4–5 нояб. 2009 г. / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.), А. Н. Елсуков [и др.]. – Минск : БГУ, 2010. – 194, [1] с.

2011

Елсуков, А. Н. История социологии : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности «Социология» / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : Книжный дом, 2011. – 575 с.

Елсуков, А. Н. Предыстория социологии : учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 1-23 01 05 «Социология» / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 191 с.

Елсуков, А. Н. Философско-социологический бриколаж / А. Н. Елсуков ; [авт. вступ. ст. А. Н. Данилов]. – Юбилейное изд. – Минск : Книж. дом, 2011. – 479 с.

2012

Елсуков, А. Н. История социологии : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности «Социология» / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : Книж. дом, 2012. – 575 с.

Елсуков, А. Н. Основы социологии и политологии : учеб. пособие для учащихся учреждений образования, реализующих образоват. программы сред. спец. образования / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : Респ. ин-т проф. образования, 2012. – 303 с.

Социология : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования / А. Н. Данилов [и др.] ; под науч. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2012. – 395 с.

2014

Елсуков, А. Н. Социология: краткий курс : ответы на экзаменационные вопросы / А. Н. Елсуков. – Минск : ВИТпостер, 2014. – 127 с.

Кафедра социологии БГУ: история и современность: к 25-летию создания / А. Н. Данилов [и др.] ; под ред. А. Н. Данилова. – Минск : БГУ, 2014. – 229, [1] с.

Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – 503 с.

Социология : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Выш. шк., 2014. – 309 с.

2015

Елсуков, А. Н. Основы социологии и политологии : учеб. пособие для учащихся учреждений образования, реализующих образоват. программы сред. спец. образования / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов. – Минск : Респ. ин-т проф. обр., 2015. – 303 с.

**Научные статьи в сборниках,
периодических изданиях,
тезисы докладов, рецензии**

1957

Елсуков (Елецков), А. Почему качество мебели низкое? / А. Елсуков // Советская Белоруссия. – 1957. – 13 нояб. – С. 2.

1975

Елсуков, А. Н. Ограниченность позитивистских концепций научного объяснения / А. Н. Елсуков // Философия и научный коммунизм : межведомств. сб. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975. – Вып. 2. – С. 61–68.

Елсуков, А. Н. Проблема объяснения в исторической науке и современный сциентизм / А. Н. Елсуков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1975. – № 1. – С. 26–32.

1976

Елсуков, А. Н. Функции сознания и основной вопрос философии / А. Н. Елсуков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1976. – № 2. – С. 33–37.

1979

Елсуков, А. Н. Структура сознания / А. Н. Елсуков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1979. – № 3. – С. 29–34.

1980

Бабосов, Е. М. Ленинизм – творческое развитие марксистской диалектики / Е. М. Бабосов, А. Н. Елсуков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1980. – № 1. – С. 20–23.

1983

Елсуков, А. Н. Проблема рациональности мифологического сознания / А. Н. Елсуков // Философия и научный коммунизм : межведомств. сб. – Минск, 1983. – Вып. 10 – С. 103–109.

1984

Елсуков, А. Н. Инструментарий социологического исследования / А. Н. Елсуков // Словарь прикладной социологии / сост. К. В. Шульга ; отв. ред. Г. П. Давидюк. – Минск : Университетское, 1984. – С. 46.

1985

Елсуков, А. Н. [Рецензия] / А. Н. Елсуков, В. С. Стёпин // Философ. науки. – 1985. – № 6. – С. 165–167. – Рец. на кн.: *Швырев, В. С.* Научное познание как деятельность / В. С. Швырев. – М. : Изд-во полит. лит., 1984. – 232 с.

1988

Елсуков, А. Н. Дисциплина и трудовая активность / А. Н. Елсуков, А. Т. Павлова, Г. П. Квасинович // Философия и научный коммунизм : межведомств. сб. – Минск, 1988. – Вып. 15. – С. 41–46.

Елсуков, А. Н. Роль конструирования в творческой деятельности ученого / А. Н. Елсуков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1988. – № 2. – С. 31–35.

Елсуков, А. Н. Услышать голос масс / А. Н. Елсуков // Коммунист Белоруссии. – 1988. – № 7. – С. 12–17.

Елсуков, А. Н. Эмпирические предпосылки научной революции / А. Н. Елсуков // Философия и научный коммунизм : межведомств. сб. – Минск, 1988. – Вып. 15. – С. 10–23.

1989

Елсуков, А. Н. Борьба В. И. Ленина за перестройку философского мировоззрения: к 80-летию выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм» / А. Н. Елсуков, А. А. Грицанов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1989. – № 1. – С. 23–26.

Елсуков, А. Н. Пути формирования научного факта / А. Н. Елсуков // Философия и научный коммунизм : межведомств. сб. – Минск, 1989. – Вып. 16. – С. 121–127.

1991

Елсуков, А. Н. Инструментарий социологического исследования / А. Н. Елсуков // Социологический словарь / науч. ред.: Г. Н. Соколова, И. Я. Писаренко ; сост.: А. Н. Елсуков, К. В. Шульга. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1991. – С. 37–38.

Елсуков, А. Н. Использование общественного мнения в совершенствовании процесса управления трудовым коллективом / А. Н. Елсуков // Актуальные проблемы социально-гуманитарных и естественных наук : тез. науч. конф., посвящ. 70-летию университета, Минск, апр. 1991 г. / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина ; редкол.: Ф. Н. Капуцкий [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1991. – С. 32–34.

Елсуков, А. Н. Мировоззренческие основания гносеологических концепций / А. Н. Елсуков, Н. А. Кандричин // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1991. – № 2. – С. 28–31.

Елсуков, А. Н. Основной вопрос гносеологии / А. Н. Елсуков // Философия и современный мир : межведомств. сб. – Минск, 1991. – Вып. 18. – С. 80–86.

Елсуков, А. Н. [Рецензия] / А. Н. Елсуков, Н. К. Кисель // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1991. – № 3. – С. 73–74. – Рец. на кн.: *Овчаренко, В. И.* Социологический психологизм : критич. анализ / В. И. Овчаренко, А. А. Грицанов. – Минск : Выш. шк., 1991. – 205 с.

1993

Елсуков, А. Н. Мировоззренческие основания эмпирического познания / А. Н. Елсуков // Мировоззренческие структуры в научном познании / ред.-сост. А. И. Зеленков. – Минск : Университетское, 1993. – С. 136–152.

Елсуков, А. Н. Основная проблема гносеологии и общие принципы ее разрешения / А. Н. Елсуков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1993. – № 2. – С. 22–25.

1994

Елсуков, А. Н. Социологическая мысль Беларуси: этапы становления и развития. Роль Белгосуниверситета в возрождении социологии / А. Н. Елсуков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1994. – № 2. – С. 43–46.

1997

Дыялог як жыватворная крыніца развіцця і адухаўлення навуковай думкі (да заснавання фонду імя Я. Пятроўскага) / С. Н. Мартынаў [і інш.] // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1997. – № 1. – С. 51–53.

Елсуков, А. Н. Кафедра социологии Белгосуниверситета сегодня / А. Н. Елсуков // Социология. – 1997. – № 1. – С. 89–91.

1998

Елсуков, А. Н. Информационный критерий общественного прогресса / А. Н. Елсуков // Стратегия устойчивого развития и перспективы цивилизационной динамики на рубеже веков : материалы междунар. науч. конф., Минск 21–22 мая 1998 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т, философ.-эконом. фак. ; редкол.: А. И. Зеленков [и др.]. – Минск, 1998. – Ч. 2. – С. 69–70.

Елсуков, А. Н. Социологическая мысль Беларуси: становление и этапы развития / А. Н. Елсуков // Социол. исслед. – 1998. – № 9. – С. 5–11.

2000

Данилов, А. Н. Социология в Белорусском государственном университете: история и современность / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков // Социология. – 2001. – № 1. – С. 3–12.

Елсуков, А. Н. Власть, оппозиция, многопартийность и электоральное поведение / А. Н. Елсуков, З. М. Пинхасик // Управление и власть : сб. ст. / Д. К. Безнюк [и др.] ; науч. ред. А. Н. Елсуков, Д. К. Безнюк. – Минск, 2000. – С. 82–95.

2001

Данилов, А. Н. Этапы развития и институционализации отечественной социологии / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта : у 7 т. – Мінск, 2001. – Т. 1 : Педагогіка. Псіхалогія. Сацыялогія. Філасофія. – С. 273–284.

Елсуков, А. Н. Религия и наука: модели сосуществования в современной культуре / А. Н. Елсуков, Д. К. Безнюк // Христианские ценности в современной куль-

туре: к 2000-летию христианства : материалы междунар. науч. конф., Минск, 20 дек. 2000 г. : в 2 ч. / редкол.: А. И. Зеленков [и др.]. – Минск : Гама-5, 2001. – Ч. 2. – С. 5–7.

Елсуков, А. Н. [Рецензия] / А. Н. Елсуков // Социология. – 2001. – № 3. – С. 93. – Рец. на кн.: Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование : учеб. для студентов вузов / А. С. Панарин. – М., 2000. – 352 с.

2002

Елсуков, А. Н. О связи и соотношении дисциплин социально-гуманитарного профиля в учебных планах вузовских специальностей / А. Н. Елсуков // Социологическая наука и современность : тез. междунар. науч. конф., Минск, 2 окт. 2002 г. / Белорус. обществ. объединение «Социологическое общество» ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2002. – С. 117–119.

Елсуков, А. Н. Особенности электорального поведения различных социально-демографических групп населения Беларуси / А. Н. Елсуков, Л. В. Филинская // Социологическая наука и современность : тез. междунар. науч. конф., Минск, 2 окт. 2002 г. / Белорус. обществ. объединение «Социологическое общество» ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2002. – С. 194–197.

2003

Грищенко, Ж. М. [Рецензия] / Ж. М. Грищенко, А. Н. Елсуков // Социология. – 2003. – № 1. – С. 82–83. – Рец. на кн.: Политическая социология : учебник / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 495 с.

Данилов, А. Н. Каценбоген Соломон Захарович / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 134.

Елсуков, А. Н. Абсолютизм / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 5.

Елсуков, А. Н. Антонович Иван Иванович / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 21.

Елсуков, А. Н. Антонюк Георгий Александрович / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 20.

Елсуков, А. Н. Арон Реймон / А. Н. Елсуков, Е. К. Круглова // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 22.

Елсуков, А. Н. Будон Раймон / А. Н. Елсуков, Е. К. Круглова // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 37.

Елсуков, А. Н. Бурдьё Пьер / А. Н. Елсуков, Е. К. Круглова // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 37.

Елсуков, А. Н. Вардомацкий Андрей Петрович / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 42.

Елсуков, А. Н. Вера / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 43.

Елсуков, А. Н. Грушин Борис Андреевич / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 75.

Елсуков, А. Н. Гурвич Жорж / А. Н. Елсуков, Е. К. Круглова // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 76.

Елсуков, А. Н. Гуцаленко Леонид Авксентьевич / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 76.

Елсуков, А. Н. Действия социальной теории / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 81–82.

Елсуков, А. Н. Де-Роберти Евгений Валентинович / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 87–88.

Елсуков, А. Н. Инструментарий социологического исследования / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 115.

Елсуков, А. Н. Кафедра социологии Белгосуниверситета / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 133–134.

Елсуков, А. Н. Компьютерная обработка данных / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 141.

Елсуков, А. Н. Лапина Светлана Валентиновна / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 175.

Елсуков, А. Н. Международная конференция «Методология социологического исследования: проблемы и новые тенденции» / А. Н. Елсуков // Социология. – 2003. – № 4. – С. 89–91.

Елсуков, А. Н. Русецкая Ванда Ивановна / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 291.

Елсуков, А. Н. Социология западная / А. Н. Елсуков // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларус. энцыкл., 2003. – С. 308–309.

2004

Елсуков, А. Н. Методологические основы социологии спорта / А. Н. Елсуков // Гуманитар.-экан. весн. – 2004. – № 2. – С. 98–107.

Елсуков, А. Н. Учебная литература по социологии как отражение этапов ее институционализации / А. Н. Елсуков // Социология. – 2004. – № 4. – С. 70–77.

2006

Елсуков, А. Н. Вклад И. Я. Писаренко в возрождение научной социологии в Беларуси / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов // Управление и власть: социологический альманах / Д. К. Безнюк [и др.] ; редкол.: Л. Г. Титаренко (науч. ред.) [и др.] ; Белорус. гос. ун-т, фак. философии и соц. наук, каф. социологии. – Минск : РИВШ, 2006. – Вып. 4. – С. 20–23.

2007

Елсуков, А. Н. Концептуализация понятия «общество» как основной категории социологии / А. Н. Елсуков // Современное общество как проблемное поле социальных наук : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию БГУ, Минск, 19–20 окт. 2006 г. / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 7–8.

Елсуков, А. Н. [Рецензия] / А. Н. Елсуков // Социология. – 2007. – № 2. – С. 94–95. – Рец. на кн.: *Гуцаленко Л. А.* Социология конкуренции / Л. А. Гуцаленко. – Минск : Право и экономика, 2007. – 236 с.

Елсуков, А. Н. Четыре стихии или одно начало? К вопросу о том, правильно ли мы понимаем античных натурфилософов / А. Н. Елсуков // Философия и соц. науки. – 2007. – № 1. – С. 11–18.

2008

Елсуков, А. Н. Социологические идеи Платона / А. Н. Елсуков // Социология. – 2008. – № 1. – С. 3–16.

Елсуков, А. Н. [Рецензия] / А. Н. Елсуков // Социология. – 2008. – № 4. – С. 139–140. – Рец. на кн.: *Гуцаленко, Л. А.* Человек – мера добра и зла / Л. А. Гуцаленко. – Минск : Право и экономика, 2008. – 546 с.

Елсуков, А. Н. Эволюция представлений о факте как методологической категории в философии науки / А. Н. Елсуков // Философия и соц. науки. – 2008. – № 2. – С. 43–50.

2009

Данилов, А. Н. Проблемы периодизации истории социологии / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков // Социология. – 2009. – № 1. – С. 28–35.

Елсуков, А. Н. Математическая трактовка основ бытия пифагорейцами и ее философское значение / А. Н. Елсуков // Философия и соц. науки. – 2009. – № 3. – С. 4–14.

Елсуков, А. Н. Теоретико-методологические проблемы определения предмета социологии / А. Н. Елсуков // Кафедре социологии БГУ – 20 лет : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т, каф. социологии ; под науч. ред. А. Н. Данилова, А. Н. Елсукова, Д. К. Безнюка. – Минск : Право и экономика, 2009. – С. 23–34.

2010

Данилов, А. Н. 20 лет кафедре социологии Белорусского государственного университета / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков // Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию институционализации социологического образования в Беларуси, открытию отделения и кафедры социологии в БГУ, Минск, 4–5 нояб. 2009 г. – Минск, 2010. – С. 31–34.

Данилов, А. Н. Методологические проблемы периодизации истории социологии / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков // Социол. исслед. – 2010. – № 10. – С. 114–121.

Данилов, А. Н. Методологическое учение В. Парето и его идеи о научном статусе социологии / А. Н. Данилов, А. Н. Елсуков // Вопр. философии. – 2010. – № 8. – С. 143–154.

Елсуков, А. Н. Конкретизация социальных структур в качестве предмета социологии в учении Э. Дюркгейма / А. Н. Елсуков, Е. Н. Некрашевич // Гуманитар.-экан. весн. – 2010. – № 4. – С. 59–69.

Елсуков, А. Н. Социально-философские и социологические идеи Аристотеля / А. Н. Елсуков // Философия и соц. науки. – 2010. – № 4. – С. 43–48.

Елсуков, А. Н. Стигматизация как способ выделения объектов в структурах коммуникативного действия / А. Н. Елсуков // Социология. – 2010. – № 4. – С. 3–9.

Елсуков, А. Н. Энциклопедия белорусской социологической мысли / А. Елсуков, Л. Гуцаленко // Беларус. думка. – 2011. – № 2. – С. 98–100. – Рец. на кн.: Шавель, С. А. Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 404 с.

Социология в Белорусском государственном университете: этапы становления и развития / А. Н. Елсуков [и др.] // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2010. – № 1. – С. 3–6.

2011

Данилов, А. Н. 90 лет преподаванию социологии в БГУ... / А. Н. Данилов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2011. – № 3. – С. 64–66.

Елсуков, А. Н. Конфликт или диалог цивилизаций? (заочный диспут Ф. Гюлена с С. Хантингтоном) // Социально-философские аспекты учения Ф. Гюлена: взгляд белорусских ученых / ОО «Диалог Евразия», фак. философии и соц. наук БГУ. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 81–87.

Елсуков, А. Н. О специфике развития социологии на постсоветском пространстве / А. Н. Елсуков // Постсоветское пространство в миропорядке XXI века: приоритеты, особенности, будущее : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, окт. 2010 г. / редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.), В. Ф. Гигин, С. Г. Мусиенко. – Минск : Медиафакт, 2011. – С. 138–139.

Елсуков, А. Н. «...пришло время говорить о белорусской социологии как о самостоятельной научной школе...» (интервью доктора философских наук, профессора А. Н. Елсукова главному редактору журнала «Социология» профессору А. Н. Данилову) / А. Н. Елсуков ; беседовал А. Н. Данилов // Социология. – 2011. – № 3. – С. 36–43.

Елсуков, А. Н. Социология в тени теоретических предрассудков / А. Н. Елсуков // Социология. – 2011. – № 3. – С. 43–52.

Елсуков, А. Н. Социология критики / А. Н. Елсуков // Философия и соц. науки. – 2011. – № 2. – С. 31–36.

Роль Белорусского государственного университета в создании национальной школы белорусской социологии / А. Н. Данилов [и др.] // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2011. – № 3. – С. 67–72.

2012

Елсуков, А. Н. Бриколаж в структурах социального конструирования / А. Н. Елсуков // Социология. – 2012. – № 2. – С. 53–61.

Елсуков, А. Н. Социологический анализ отечественной истории: роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян и формирования белорусской народности / А. Н. Елсуков // Социология. – 2012. – № 3. – С. 9–19.

2013

Елсуков, А. Н. Диалектика или эклектика? К вопросу о теоретико-методологических новациях Вильфредо Парето / А. Н. Елсуков // Социология. – 2013. – № 3. – С. 69–75.

Елсуков, А. Н. Можно ли доверять маскам? Критико-методологический анализ теории социального взаимодействия Ирвина Гофмана / А. Н. Елсуков // Социология. – 2013. – № 2. – С. 75–83.

Елсуков, А. Н. Правящие элиты и народные массы Восточной Европы в период утверждения княжеской власти (историко-социологический анализ) / А. Н. Елсуков // Социология. – 2013. – № 1. – С. 51–65.

Елсуков, А. Н. Процедуры выделения смысла в структурах коммуникации и их роль в омассовлении информации / А. Н. Елсуков // Философия и соц. науки. – 2013. – № 2. – С. 73–78.

2014

Елсуков, А. Н. Стигматизация как средство омассовления информации / А. Н. Елсуков // Социол. исслед. – 2014. – № 2. – С. 3–10.

Елсуков, А. Н. Стигматизация как средство омассовления информации // Философия и соц. науки. – 2014. – № 1. – С. 4–10.

Елсуков, А. Н. Страх и политика: опыт историко-социологического анализа / А. Н. Елсуков // Социология. – 2014. – № 1. – С. 55–61.

Елсуков, А. Н. Творец, спортсмен, лидер // Социология. – 2014. – № 3. – С. 66–68.

Елсуков, А. Н. Техничко-теоретическая обусловленность эмпирического познания и формирования фактов науки / А. Н. Елсуков // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 92–101.

2015

Елсуков, А. Н. Стигматизация как способ выделения объектов в структурах коммуникативного действия / А. Н. Елсуков // Знать, чтобы предвидеть... : социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : БГУ, 2015. – С. 247–254.

Докторские и кандидатские диссертации, выполненные и защищенные при научном консультировании профессора А. Н. Елсукова

Бурак, Т. В. Концепция повседневности Ирвинга Гофмана: теоретико-методический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Т. В. Бурак ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 112 с.

Григорович, Е. Н. Учет общественного мнения как условие демократизации управления трудовым коллективом (методологический аспект) : дис. ... канд. социол. наук / Е. Н. Григорович ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1993.

Залыгина, Н. А. Методологические проблемы социологического изучения жизненного самоопределения учащихся, пострадавших от чернобыльской катастрофы : дис. ... канд. социол. наук / Н. А. Залыгина ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – М., 1995. – 160 с.

Кечина, Е. А. Статистические данные как источник социологической информации при изучении проблем личности (методологический аспект) : дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Кечина ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1996. – 148 с.

Коростелева, Е. А. Взаимодействие субъектов современного политического поля Республики Беларусь: методология проблемы : дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Коростелева ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1997. – 138 с.

Кудрявцева, В. И. Методологические основы социального прогнозирования (универсальный подход) : дис. ... канд. социол. наук / В. И. Кудрявцева ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 109 с.

Кунцевич, К. Н. Эволюция социологической концепции либерализма : дис. ... д-ра социол. наук / К. Н. Кунцевич ; науч. консультант А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1993. – 248 с.

Купчинова, Т. В. Экономическое поведение человека как социальный феномен (методологический аспект проблемы) : дис. ... канд. социол. наук / Т. В. Купчинова ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999.

Курилович, Н. В. Методологические аспекты гендерного анализа средств массовой информации : дис. ... канд. социол. наук / Н. В. Курилович ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 115 с.

Лапина, С. В. Моделирование в системе социологического познания : дис. ... д-ра социол. наук / С. В. Лапина ; науч. консультант А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1994.

Мазаник, М. Н. Проблема человека в психоаналитической социологии Эриха Фромма : дис. ... канд. социол. наук / М. Н. Мазаник ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002.

Мицкевич, В. В. Социальный капитал организации : теорет.-метод. анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / В. В. Мицкевич ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2010. – 128 с.

Осипова, О. С. Теоретико-социологический анализ проблем социогенеза : дис. ... д-ра социол. наук / О. С. Осипова ; науч. консультант А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1998. – 229 с.

Полонский, П. Социологическая концепция рава А.-И. Кука : дис. ... канд. социол. наук / П. Полонский ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 98 с.

Романова, С. П. Теория структуризации Э. Гидденса как новая попытка осмысления социальной реальности : дис. ... канд. социол. наук / С. П. Романова ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 111 с.

Фурс, В. В. Философия Мишеля Фуко и проблема человека во французском постструктурализме : дис. ... канд. философ. наук / В. В. Фурс ; науч. рук. А. Н. Елсуков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1995. – 109 с.

Предчувствие
ВЕЧНОСТИ

*М*ы сидим у костра на опушке,
Нам доверена тайна небес,
Свой концерт нам дают лягушки,
И застыл зачарованный лес,

А в костре золотистые угли
Испускают свой солнечный свет
И гадают, что с нами будет,
Этак так, через тысячу лет.

Об уме, его достоинствах и недостатках

Летящая стрела есть выражение силы лука; изреченная мысль есть выражение силы ума.

* * *

Глаза даны человеку для того, чтобы видеть, а ум – для того, чтобы предвидеть.

* * *

Подлинная щедрость доступна только мудрецам, ибо мудрость – это единственное богатство, которое не оскудевает, сколько бы его ни раздавали.

* * *

Чем мудрее человек, тем более всего он ценит время.

* * *

Мудрецы изрекают истины, которыми редко руководствуются сами.

* * *

Свобода творчества не восполняет отсутствия таланта.

* * *

Талант без трудолюбия есть лишь бесплодные терзания души.

* * *

Вера разуму не помеха, если человек верит в истину, добро и красоту.

* * *

Если не можешь мыслить, то не мешай это делать другим.

* * *

Ум, боящийся свернуть с дороги, рискует навсегда остаться в чужой колее.

* * *

Мудрость прошлого не избавляет нас от глупостей настоящего.

* * *

Чуждачества великих – умны, подражания им – глупы.

* * *

Там, где кончается творчество, начинается зависть.

* * *

Мудрость миролюбива, невежество – агрессивно.

* * *

Самый легкий способ стать дураком – это вступить в спор с ним.

* * *

Ум всегда чем-нибудь ограничен, лишь глупость безгранична.

* * *

Бравирование знанием – не признак ума.

* * *

Как осел ни глуп, но и он дорогу к кормушке знает.

* * *

Старики часто выглядят смешными потому, что их ум становится детским, а притязания остаются взрослыми.

* * *

Люди становятся замкнутыми потому, что с возрастом они глупеют и очень боятся того, что об этом кто-нибудь узнает.

* * *

Не боятся своих глупостей только веселые люди.

* * *

Молчание стало цениться как золото тогда, когда люди осознали пустоту слов.

* * *

Если уж вы заговорили, то постарайтесь, чтобы слова ваши были красноречивее молчания.

* * *

Разум господствует над миром и покоряется привычкам.

* * *

Все естественное – разумно, все разумное – естественно.

* * *

Чужие мысли полезны только тогда, когда они помогают появиться нашим собственным.

* * *

Молодой ум атеистичен, старый – теистичен.

* * *

Мудрец, обнаружив у себя недостатки, стремится избавиться от них, глупец же считает их своим достоинством.

* * *

Стремление к знанию не оскорбляет умных богов.

* * *

Быть рабом предрассудков означает отказаться от своего собственного ума.

* * *

Разделяя мнения многих, трудно быть оригинальным.

* * *

Не всегда разумный совет гарантирует разумность действия.

* * *

Гений велик умом, но несносен характером.

* * *

Жизнь обучает лишь тех, кто умеет учиться.

* * *

Философы ничего не делают, но их мысли могут перевернуть мир.

* * *

Благодаря книгам человеческие мысли обретают бессмертие.

* * *

Сомнения – якорь науки, фантазия – ее крылья.

* * *

Научные открытия не опасны, если они не затрагивают человеческих заблуждений.

* * *

Умный человек идет впереди прогресса, а глупый – пытается его ускорить.

* * *

Вечной является та мысль, которую успели записать.

* * *

Душа всегда сопротивляется дисциплине, а разум заставляет подчиняться ей.

* * *

Все дети гении, пока они в коляске.

О правде, истине и заблуждении

Если было бы запрещено заниматься наукой под страхом смерти, то и в этом случае нашлись бы люди, которые посвятили бы себя этому делу, ибо нет ничего более вдохновенного, чем поиск истины.

* * *

Людям часто кажется истинным то, что им нравится.

* * *

Истина существует до тех пор, пока в нее верят.

* * *

Живущие редко удовлетворяются теми идеалами истинного знания, которыми пользовались их предки, поэтому каждое новое поколение людей начинается с ломки старых истин.

* * *

Там, где менее всего можно проверить истинность суждений, они высказываются в наиболее категорической форме.

* * *

Радость открытия делает нас слепыми перед опасностью заблуждений.

* * *

Истина и ложь так часто меняются местами, что их бывает трудно отличать друг от друга.

* * *

Правда отнюдь не всегда бывает приятной, поэтому люди зачастую предпочитают ей ложь.

* * *

Истинная мысль скромна, ложная – криклива.

* * *

Заблуждения потому и существуют, что в них легче верить.

* * *

Логика одинаково служит как истине, так и лжи.

* * *

Вера властвует над чувствами, истина – над разумом.

* * *

Не приукрашивайте правду, она сама постоит за себя.

* * *

Если вы говорите только правду, то подумайте, где вы ошибаетесь.

* * *

Ошибаясь, мы познаем, познавая – ошибаемся.

* * *

Интерес вызывает все то, с чем мы не согласны.

* * *

Людам интересно знать то, что от них скрывают.

* * *

«Упрямыми» факты становятся тогда, когда они подобраны тенденциозно.

* * *

Лучше ошибаться и двигаться вперед, чем сомневаться и стоять на месте.

* * *

Не все очевидное – понятно.

* * *

Старые мысли не умирают, умирают лишь старые предрассудки.

* * *

Авторитет в науке допустим лишь в той степени, в какой он служит истине, все остальные авторитеты – дутые.

* * *

XIX век убил веру в религию, XX век убивает веру в науку.

* * *

Истина служит даже тому, кто ее не признает.

* * *

В философии нет ничего такого, чего не было бы сказано до нас, но каждое новое поколение хочет сказать и что-то такое, что могло бы удивить потомков.

* * *

Философия – не профессия, а особое свойство человеческого ума.

* * *

Очень часто мы называем бессмыслицей то, что недоступно нашему пониманию.

* * *

Люди часто заблуждаются, полагая, что все их друзья исключительно честные люди.

О нравственных принципах и человеческих качествах

Нравственность – это не просто знание моральных норм, а выстраданное убеждение в их необходимости.

* * *

Каждый доходит до нравственных норм своей собственной дорогой.

* * *

Высшая мораль – это мораль самоограничения.

* * *

Надо быть очень сильным человеком, чтобы бороться со своими слабостями.

* * *

Завидуя, человек становится злым.

* * *

Плохих людей больше, чем хороших, потому что хорошим быть труднее.

* * *

Мы уживаемся со своими недостатками потому, что очень часто принимаем их за достоинства.

* * *

Победителей тоже судят и судят особенно безжалостно.

* * *

Люди, идущие одной дорогой, сотрудничают; люди, занимающиеся одним делом, – соперничают.

* * *

Кто недоволен собой, тот всем недоволен.

* * *

Чужими грехами не оправдывайте свои собственные недостатки.

* * *

Порядочность тяжела тем, что ее постоянно нужно подтверждать.

* * *

Завидует каждый, но не всякого зависть толкает на подлость.

* * *

Бедность сближает людей, богатство – разъединяет.

* * *

Взывая к благородству, не забудьте приобрести его сами.

* * *

Умение жить – это умение любить тех, кто вам не нравится.

* * *

Во время драки о морали не думают.

* * *

Любя свое, умеешь ценить и чужое.

* * *

Трудная правда – это когда приходится говорить человеку в глаза то, что ему неприятно.

* * *

О достоинствах человека говорят с трибуны, а о его недостатках – в кулуарах.

* * *

И торгуя совестью, можно сколотить богатство.

* * *

Чем больше вы можете, тем больше вам льстят.

* * *

Невежество человека удивляет, невежество толпы – пугает.

* * *

Не делая зла, мы уже творим добро.

* * *

Насилием добро не создается.

* * *

Чтобы полностью познать друга, нужно однажды с ним разругаться.

* * *

Лучший друг – это книга, она много дает и ничего не требует взамен.

* * *

Дружба начинается улыбкой и заканчивается гримасой недоумения.

* * *

Нравственность – это осознание значимости другого.

* * *

Чем ярче успех человека, тем злее его завистники.

О трудовой деятельности и качествах руководителя

Не учи других тому, чего сам не умеешь делать.

* * *

Печальнее всего на свете та ситуация, когда в жертву карьере приносятся дружба.

* * *

Самым страшным наказанием для человека является его отстранение от работы.

* * *

Карьерист – не бездельник, но вся его деятельность – это смесь деловой активности, подлости и лести.

* * *

Начальник, думай и разрешай это делать другим.

* * *

У начальника должно быть самолюбие, а не самолюбование.

* * *

Не бойтесь быть несправедливым, ибо справедливость не избавляет от врагов и противников.

* * *

Начальник может ошибиться, но нельзя, чтобы он ошибался постоянно.

* * *

Мнение руководителя – это синтез мнений верхов и низов.

* * *

Славу трудно достичь, но еще труднее удержать.

О жизни, старости и смерти

Иные живут так, словно всю жизнь только и делают, что готовятся к ней.

* * *

Наслаждаясь жизнью, не забывайте о черстве хлеба.

* * *

Бог есть последняя надежда затухающей жизни.

* * *

Смерть не стоит приближать, даже если жизнь и опротивела.

* * *

Убить себя – это преступление без наказания.

* * *

Жизнь не такая уж мерзкая штука, чтобы с ней расставаться при первой же трудности.

* * *

Кроме смерти, в жизни нет ничего такого, чего нельзя было бы не исправить.

* * *

Жизнь по-настоящему начинаешь ценить лишь тогда, когда она уже близится к своему завершению.

* * *

Парадокс старости заключается в больших желаниях при малых возможностях.

* * *

Старость, как коварный враг, подкрадывается незаметно и нападает внезапно.

* * *

Первая половина жизни дана человеку для наслаждений, вторая – для избавления от их последствий.

* * *

Стремясь продлить жизнь, мы часто укорачиваем ее.

* * *

Трудно иметь идеалы, когда возраст далеко уже не идеальный.

* * *

В старости теряет смысл всё то, к чему человек стремился в молодости.

* * *

Чем старше человек, тем дороже для него домашний очаг.

* * *

Трагедия поколений состоит в том, что молодые не могут жить по правилам старости.

* * *

На кладбище почему-то хорошо думается о вечности и о любви.

* * *

Как бы ни относиться к смерти, она никого не забудет.

* * *

Лучшая забота о своей старости – это забота о своих детях.

* * *

То, что в юности пропустил, в старости не догонишь.

* * *

Нужно бегать, будучи здоровым, а не говорить про это, будучи больным.

* * *

Старость – это не возраст, а состояние души.

* * *

Жизнь человека – это книга, и чем больше она истрепана, тем интереснее.

*И*НТЕРВЬЮ
И ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ А. Н. ЕЛСУКОВЕ

«...ПРИШЛО ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ О БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ КАК О САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЕ...»

Опубликовано в научно-теоретическом журнале БГУ
«Социология» № 3, 2011 г., подготовлено к печати А. Н. Даниловым

Уважаемый Альберт Николаевич, мы давно с Вами знакомы. Мне вспоминается, когда я принес Вам свою кандидатскую диссертацию как заведующему кафедрой социологии Белгосуниверситета (кафедра в то время находилась еще в корпусе химического факультета). Вы тогда достаточно благосклонно отнеслись к моей работе и поддержали ее. После успешной защиты диссертации Вы пригласили меня поработать на кафедре в качестве совместителя. С тех пор мы работаем с Вами бок о бок вот уже более двух десятилетий. В преддверии Вашего 75-летия хотелось бы больше узнать о Вашей жизни – родных, близких, детстве, мечтах и планах на будущее.

Я родился в первых числах декабря, это время рождения Стрельцов. Хотя я не верю в астрологические предсказания, гадания и приметы, но зодиакальные типажи людей вполне убедительны, в чем может убедиться каждый человек, подводя итоги своей жизни. Стрелец – это такой тип человека, которому свойственны элементы самостоятельности, стремление к риску и авантюре, среди них много путешественников, моряков, артистов, ученых и философов. Всего этого понемножку хватает и у меня. Я родился в городе Архангельске (в городе мореплавателей), мой дедушка преподавал Закон Божий в женской гимназии, после революции он служил священником в небольшом сельском приходе и испытал на себе все «прелести» новой власти. После его гибели бабушка с пятью детьми вынуждена была покинуть город и, скрывая свое происхождение, переселиться в деревню, где еще можно было заниматься какой-либо трудовой деятельностью и получать средства к существованию.

Родился я в 1936 г., мой отец в это время работал в мостостроительной организации, а мама, закончив начальные курсы, работала счетово-

дом. В 1940 г. организацию, в которой работал отец, перевели в Киев, где нас и застала война. Организацию эвакуировали в тыл (в г. Челябинск), куда перебралась и наша семья. Здесь отца мобилизовали в армию, и мы с матерью и младшим братом остались одни. В 1944 г. часть, в которой служил отец, перебросили на переформирование в г. Ташкент, куда пришлось переехать и нам. В Ташкенте мы встретили Победу, а вскоре часть и все мы переехали в г. Брест. Здесь отца демобилизовали, и мы в 1947 г. оказались в Минске. Так что вся моя сознательная жизнь связана с этим городом, а я, помимо своей воли, оказался еще и юным путешественником.

Каким Вы помните Белорусский государственный университет, студенческую среду, кого из Ваших преподавателей вспоминаете до сих пор? Как у простого рабочего парня, умеющего уже многое делать своими руками и имеющего солидный трудовой стаж, вдруг возник такой интерес к философии?

После седьмого класса я со своим другом поступал в автомеханический техникум. Друг мой прошел и был принят в этот техникум, а у меня не хватило баллов. Пришлось продолжить учебу в восьмом классе. Трудности материального характера не позволяли учиться дальше. Пришлось оставить среднюю школу и поступить в Минскую профессионально-техническую школу столяров-краснодеревцев. Окончив эту школу, я работал столяром на мебельной фабрике им. Димитрова в г. Минске. Работая, получил среднее образование в вечерней школе (которая размещалась в помещении дневной школы № 42 по улице Комсомольской) и поступил в 1958 г. (со второй попытки) на исторический факультет Белгосуниверситета. Выбор факультета определялся тем, что я чувствовал какую-то тягу к творческо-писательской деятельности (опять-таки – либо астрология, либо какие-то гены). В частности, еще работая, я пробовал писать небольшие заметки о производственной деятельности и направлял их в местные газеты (некоторые из них были напечатаны). Ну, и я предполагал, что исторический факультет в наибольшей степени соответствует моим творческим склонностям. Набор наш был уникальным. Эта уникальность состояла в том, что из 45 человек только трое были выпускниками средней школы, а остальные – либо с трудовым стажем, либо отслужившие в армии, т. е. люди уже взрослые и с определенным жизненным опытом, что и определяло сплоченность нашего студенческого коллектива. Никогда не было никаких недоразумений и конфликтов по поводу выезда студентов на сельхозработы и выполнения других общественных мероприятий. Работали с нами великолепные преподаватели, чьи лекции вспоминают-

ся до сих пор и книги которых хранятся в моей личной библиотеке. Всех, конечно, не перечислишь, но особая память сохранилась о Л. С. Абецдарском, И. М. Игнатенко, Г. М. Лившице, Р. А. Никольской, Т. И. При-тыцкой, В. М. Сикорском, Л. М. Шнеерсоне. Ну и, конечно, не забывается наш декан П. З. Савочкин.

Будучи студентом, я быстро понял, что все то, что дается на лекциях и семинарах, слишком мало для будущей профессиональной деятельности, что нужно расширять сферу своего самообразования, приобщаясь к иным источникам информации, в том числе и литературного характера. Интересовала меня и литература по философии. Этот интерес также имеет какой-то подспудный, возможно, генетический характер. Так, еще работая на фабрике, где нас (комсомольцев) обязывали подписываться на различного рода политические периодические издания, я, к удивлению своих подписчиков, выписывал журнал «Вопросы философии», и даже пробовал его читать, с удивлением обнаруживая, что я ничего не понимаю из прочитанного. Особенно меня удручал какой-то ускользающий смысл термина «гносеология». Но, так или иначе, интерес к философии у меня сохранялся и в вузе. Особый интерес вызывали лекции по истории философии, которые читал профессор И. М. Лушицкий, и лекции по диалектическому материализму в исполнении П. Ф. Протасени, да и моя дипломная работа также была посвящена философской теме.

Кроме этого, я все годы учебы был участником академического хора Дворца культуры профсоюзов, активно занимался спортом (был членом сборной команды БГУ по фехтованию, имел первый спортивный разряд), все каникулы работал в пионерских лагерях вожатым и старшим пионервожатым, был участником студенческих строительных отрядов. На старших курсах университета выполнял на общественных началах роль руководителя лекторской группы горкома комсомола. Так что, окончив университет, я был вполне подготовлен к самостоятельной жизни, не боясь каких-либо житейских трудностей, по крайней мере, довольно спокойно принял свое распределение учителем в сельскую школу.

После университета Вы были распределены на работу в среднюю школу Браславского района Витебской области! Как Вы осваивались на новом месте, что дала Вам работа с детьми?

К работе с детьми я был подготовлен, наверно, лучше других, так как много лет, будучи студентом, работал вожатым в пионерских лагерях. Более того, эта работа мне нравилась, у меня никогда не возникала мысль оставить профессию учителя и заняться какой-нибудь другой деятельно-

стью. Деревенские будни скрашивались общением с друзьями и коллегами. В этот год в школе оказалось много выпускников вузов, так что у нас сложился весьма дружный и деловой коллектив молодых педагогов. Здесь же в школе я познакомился со своей будущей женой, которая также попала в эту школу после окончания филологического факультета БГУ. Здесь работал Владимир Каризна, ставший затем известным белорусским поэтом-песенником. Так что скучать нам не приходилось, мы были молоды и полной грудью вдыхали прелести самостоятельной, оторванной от родителей, жизни.

Однако останавливаться на достигнутом не хотелось. Зрела мысль о продолжении учебы, а мечта об аспирантуре начала складываться еще в студенческие годы. Книг в школьной библиотеке явно не хватало. Пришлось вернуться в Минск, набить два больших чемодана книгами, которых к концу учебы в университете у меня накопилось достаточно большое количество, и таким образом расширять свой профессиональный кругозор под согревающим светом керосиновой лампы, так как электрического света в то время в деревне Опса еще не было. Но время «отработок» быстро прошло, и мы снова оказались в Минске.

Расскажите, пожалуйста, поподробнее об этом переходе.

Все изменения в работе имели для меня определенный судьбоносный характер, так как резко менялся мой социальный статус. Так случилось и на этот раз. Я из сельского учителя как-то сразу стал преподавателем вуза, так как был принят на работу на кафедру марксистско-ленинской философии Белорусского политехнического института. В это время заведовал кафедрой, уже упоминавшийся ранее, П. Ф. Протасеня, с которым у нас установились хорошие деловые связи еще в БГУ и которому в это время понадобились работники младшего звена. Срочно пришлось осваивать новую профессию. Здесь сложился очень хороший преподавательский коллектив, работали в основном молодые преподаватели, здесь начинал свою научно-преподавательскую карьеру и В. С. Стёпин. Здесь же пришлось столкнуться и со стандартной конфликтной ситуацией, которая часто возникает в творческих коллективах между молодыми и дерзкими исполнителями и уже достаточно пожилым руководителем. Так что с социальными конфликтами я знакомился не по книгам Дарендорфа и Козера, а в их реальном воплощении. Конфликт этот имел достаточно тяжелые последствия для всех конфликтующих сторон, потребовавших вмешательства административных органов, но это особая история.

Проработав в БПИ два года и сдав кандидатские экзамены, я дерзнул поступать в аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по кафедре диалектического материализма. Таким образом, мое философское образование и работа приобретали все более отчетливый профессиональный характер. Закончив аспирантуру и защитив диссертацию на тему «Проблема объяснения в социально-историческом исследовании» (научным руководителем был доцент В. И. Швырев, оппонентами – Г. М. Андреева и В. И. Столяров, имевшие уже в то время непосредственное отношение к социологии, это я намекаю на то, что мой интерес к философии не заглушил мой первичный интерес, связанный с социальной проблематикой), вернулся в Минск на кафедру философии БПИ, где проработал до 1973 г. С этого момента начинается новый период моей жизни, тесно связанный с Белгосуниверситетом.

Кафедра философии, на которой Вы работали в БГУ, гремела на всю страну и своими достижениями, и своими конфликтами. Помните, в советское время вышла шумевшая книга И. Грековой «Кафедра» – это, случайно, не о Вашей кафедре? Расскажите о кафедральной жизни того времени, о людях, работавших вместе с Вами, увлечениях, достижениях, как сложились их судьбы?

Кафедра философии БГУ, на которую я перешел работать, называлась «Кафедра марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов». Она образовалась в 1973 г. путем деления общей философской кафедры (довольно большой по количественному составу) на две – естественных и гуманитарных факультетов. В это время университетом руководил «чистый» гуманитарий профессор В. М. Сикорский, который особое внимание уделял совершенствованию гуманитарного образования в университете. В состав исторического факультета входили отделения истории, политической экономии и философии. Если первые два отделения имели выпускающие кафедры, то философы оказались как бы без специального руководства. Поэтому и было принято решение создать специальную кафедру, которая и курировала бы это отделение. В качестве руководителя этой кафедры был приглашен работник академического Института философии и права профессор Г. П. Давидюк. Нужно отметить, что как деление сложившихся в вузе коллективов, так и образование новых всегда вызывает определенные напряжения и некоторое недовольство работников. Не обошлось без этого и во вновь созданных кафедрах. Но это уже особая история.

Г. П. Давидюк, активно занимавшийся в Академии наук исследованиями социологического плана, перенес это увлечение и на кафедру. Он активно стал формировать группы студентов и преподавателей, интересующихся прикладными социологическими исследованиями. Вскоре это имело свои положительные результаты: на историческом факультете была учреждена специализация по прикладной социологии, на кафедре сформировалась хоздоговорная группа социологов-прикладников. Втянут в эту работу был и я. Одним словом, кафедра взяла очень резкий крен в сторону социологии. Но оставалась и другая задача – готовить профессиональных философов, приверженцы этого направления также имелись на кафедре. Их позиции особенно укрепились, когда на кафедру перешел работать В. С. Стёпин. Так на кафедре образовалось два центра влияния и разных творческих интересов, что не могло не привести к конфликту, в котором в очередной раз пришлось поучаствовать и мне. Мое положение было особенно сложным, так как я был в одинаково хороших отношениях со всеми противоборствующими сторонами. Итогом конфликта стало то, что Г. П. Давидюку пришлось уйти с кафедры, а заведующим был назначен В. С. Стёпин. Книга, о которой спросили Вы, в какой-то мере напоминает то, что происходило на кафедре. Но разница состоит в том, что в книге описывается конфликт карьерного плана, а здесь столкнулись интересы двух лидеров, по-разному оценивающих престиж своих научных интересов, научные и философские приоритеты. Ну, и здесь решение конфликта не обошлось без вмешательства вышестоящих административных организаций, отнюдь не по правилам теоретиков конфликта.

С утверждением В. С. Стёпина в качестве заведующего кафедра резко начала набирать очки в качестве нового философского центра Белгосуниверситета и в целом страны. Стали появляться серьезные научные публикации, подготовленные совместно с ведущими специалистами Москвы и Ленинграда, было защищено большое количество кандидатских и докторских диссертаций. Именно в этот период (1985 г.) мной была защищена докторская диссертация на тему «Методологические проблемы формирования научного факта» (консультантом был назначен В. С. Стёпин, оппонентами были профессора А. Ф. Зотов, М. В. Попович и В. Ф. Берков).

Эти достижения имели как положительный, так и отрицательный смысл. Положительным было то, что успехи кафедры были замечены и соответственно отмечены. Заведующий кафедрой был награжден орденом Дружбы народов, но многочисленные попытки В. С. Стёпина добиться академического звания не увенчались успехом. Он вынужден был по-

кинуть г. Минск и принять предложение московских властей возглавить академический Институт истории естествознания и техники АН СССР, а вскоре после этого стал директором Института философии Российской Академии Наук. Происходили изменения и в Белгосуниверситете. Бывшие члены кафедры распределились по другим университетским структурам: А. А. Михайлов возглавил кафедру истории философии и логики, меня назначили заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии естественных факультетов, а кафедру философии гуманитарных факультетов возглавил А. И. Зеленков. Так и распался мощный центр философского образования. Но перестройка набирала силы, внося новые коррективы в организацию общественной жизни, в том числе и в реорганизацию системы высшего образования.

Итогом всех этих преобразований стало открытие в университете нового факультета (философско-экономического) и кафедры социологии, которые Вы возглавили. Как это в университете быть руководителем? С кого Вы брали пример в своей деятельности? Были ли в Вашей деятельности ошибки, и если «да», то как Вы их преодолевали?

Особенностью первого этапа перестройки явилось то, что давление вертикали административного управления было несколько ослаблено, решения принимались быстро и на местах без всякой волокиты, без вмешательства вышестоящих органов. После того как было принято решение об открытии нового факультета и кафедры социологии, меня просто вызвали в ректорат, а затем в партком, и через несколько дней был отдан приказ о моем назначении на должность декана и заведующего кафедрой. Полагая, что это решение не обошлось без рекомендаций со стороны В. С. Стёпина и А. А. Михайлова, мнение которых весьма высоко ценилось в университете, но я об этом могу только догадываться.

Не скрою, что это назначение для меня было несколько неожиданным и приятным, хотя я и понимал, что создание нового факультета и совершенно новой для университета кафедры – дело непростое. Тем более что никакой материальной базы под это не отводилось, нам просто выделили одну небольшую аудиторию в корпусе химического факультета, которую мне, вместе с моим заместителем А. М. Бобром, пришлось переоборудовать под помещение деканата и кафедры. Но, так или иначе, летом 1989 г. был проведен набор на новый факультет (куда входили три отделения: философии, политэкономии и социологии), и с сентября этого года факультет начал отсчитывать свою историю, претерпев за это время и ряд преобразований.

Откровенно говоря, я не боялся ответственных поручений, так как вся моя сознательная жизнь (от школы до кафедры) была связана с выполнением тех или иных руководящих функций. Передо мной был хорошо усвоенный пример моих предшествующих руководителей, умение хорошо разбираться в конфликтных ситуациях, природное чувство «мягкого» решения административных вопросов, умение подбирать кадры не по принципу блата и угодничества, а по принципу деловой значимости. Все это, как я полагаю, позволило в короткий срок создать хорошо работающий коллектив преподавателей и студентов, который с успехом продолжает эту работу и в настоящее время. Конечно, я не могу не упомянуть и то положительное воздействие, которое оказал на меня В. С. Стёпин, с которым меня связывали долгие годы дружбы и совместной творческой деятельности.

Что касается ошибок, то в микросоциальном процессе, как мне кажется, я их не допускал. Что же касается более отдаленных перспектив, то я их не всегда просчитывал, поэтому не всегда удачно выстраивал свои отношения с теми людьми, которые, спустя некоторое время, становились моими начальниками. Пожалуй, это все, что я могу сказать по поводу своих ошибок.

Вы были активным участником институционализации социологии в Беларуси, стояли у истоков создания отделения социологии и первой в республике кафедры социологии, которую возглавляли 14 лет. Расскажите, как происходил этот процесс, как это все было в действительности. И все же философия или социология, насколько для Вас актуален этот вопрос? Как Вы проводите свое свободное время, что Вас интересует и увлекает сегодня?

По вопросу об институционализации социологии в Беларуси уже создана соответствующая научная литература, поэтому хотелось бы остановиться лишь на том, как этот процесс преломлялся в моей личной деятельности, в сущности, ответить на вопрос о том, как я оказался втянутым в сферу научной социологии. Здесь опять же сказываются судьбоносные повороты в моей жизни. Как я уже отмечал, интерес к философии у меня прорезался еще в студенческие годы и закрепился в моих диссертациях и профессиональной деятельности на кафедрах философии. Но в рамках философии я отдавал предпочтение вопросам истории и методологии научного, в том числе и социального, познания (что видно из названий моих диссертаций). Тут уже сказывается определенная стыковка между философией и социологией. Второе, работая на кафедрах философии, где в советское время существовало разделение труда между «диаматчика-

ми» и «истматчиками», я одним из первых стал читать совместные курсы по диамату и истмату. Исторический же материализм долгое время в нашей стране рассматривался как проявление подлинно социологического знания или как теоретическая основа социологического знания. Так что и в этом случае я был не далек от социологии. Наконец, поступив на кафедру философии гуманитарных факультетов БГУ, которую возглавлял Г. П. Давидюк, я оказался втянутым и в сферу прикладных социологических исследований. Вот так во мне соединились интересы историка, философа и социолога, а объединяющим моментом был интерес к методологическим проблемам научного познания.

Что касается первых этапов работы факультета, отделения социологии и кафедры, то здесь приходилось много осваивать заново. Если отделения философии и политэкономии продолжали работать по ранее созданным планам, то работу отделения социологии, несмотря на теоретико-методологический фундамент, заложенный Г. П. Давидюком и его учениками, приходилось начинать как бы с «чистого листа». В эту работу входило: составление учебных планов, подбор и подготовка дидактических материалов, обеспечение курсов соответствующими специалистами, составление программ курсов, экзаменационных вопросов, организация практик и многое, многое другое. В сущности, эта работа осуществлялась все пять лет, по мере того как студенты первого набора приближались к своему выпуску. По мере увеличения этой работы расширялся и штат работников кафедры, подготавливались соответствующие дидактические материалы. Именно в этот период вышли первые учебные пособия по общему курсу социологии и по истории социологии, подготовленные совместно специалистами кафедры и Института социологии Национальной академии наук. В подготовке этих изданий мне пришлось принимать участие в качестве автора и ответственного редактора.

Расширялся и объем работы факультета. Сейчас мало кто знает, что после переезда факультета в здание бывшей Высшей партийной школы (по ул. К. Маркса) в состав факультета вошло отделение политологии (состоящее из бывших слушателей ВПШ) и первый выпуск политологов университета состоялся на нашем факультете. В состав факультета входила и кафедра политологии. Правда, через некоторое время отделение политологии и курирующая кафедра, по решению ректората, были переведены на юридический факультет, где и существуют до сих пор. Кроме этого, на факультете были открыты два новых отделения по психологии и социальной коммуникации, с соответствующими выпускающими кафедрами.

После того как от факультета отпочковалось отделение экономики и был создан самостоятельный экономический факультет (2000 г.), наш факультет получил новое название – «Факультет философии и социальных наук». В настоящее время факультет также возглавляет специалист в области социологии профессор А. В. Рубанов.

Если говорить о своих увлечениях, то можно отметить, что их у меня на уровне хобби не было и нет. Раньше я увлекался всякими спортивными мероприятиями (байдарка, велосипед, лыжи, шахматы), часто коротал время с друзьями за шахматами. Сейчас занимаюсь в основном пешими прогулками. К творческим проявлениям можно отнести увлечение афоризмами, которые я собираю и пишу сам. Так что, к настоящему времени у меня уже имеется целый сборник опубликованных афоризмов и стихов.

Альберт Николаевич, Вы постоянно погружены в творческий процесс, много работаете на кафедре, факультете, сотрудничаете с другими вузами и исследовательскими структурами, помогаете молодым ученым и преподавателям стать на ноги, руководите аспирантами, дипломниками, участвуете в научной и общественной жизни нашего университета. Что в этой связи Вы могли бы сказать о современном состоянии белорусской социологии?

Во-первых, необходимо указать на экстенсивный рост социологии в Беларуси. Когда открылось отделение социологии в нашем университете, то набор составлял 15–20 человек. В настоящее время число принимаемых на это отделение значительно возросло, особенно за счет платных мест. Кроме этого, открылись подобные отделения в других вузах республики.

Во-вторых, большое значение имеет создание Института социологии НАН Беларуси, где работает большое количество высокопрофессиональных кадров, в том числе и выпускников нашего отделения.

Кроме экстенсивного роста, большое значение имеет и качественное развитие белорусской социологии. Это проявляется и в улучшении подготовки будущих специалистов, и в повышении профессионального уровня молодых специалистов, и в расширении творческих контактов со специалистами других стран. Можно констатировать постоянный рост педагогического мастерства белорусских социологов и развитие их научно-исследовательского потенциала. Все говорит о том, что пришло время говорить о белорусской социологии как о самостоятельной научной школе, имеющей определенное международное значение.

Альберт Николаевич, наше интервью проходит накануне Вашего 75-летия и празднования 90-летия Белорусского государственного университета, который сыграл большую роль в Вашей судьбе. Что бы Вы могли сказать в заключение нашего разговора?

Да, с Белорусским государственным университетом связана вся моя жизнь. Университет дал мне путевку в жизнь. Здесь я сумел реализовать свои возможности творческого роста, пройдя все ступени от студента до преподавателя и от преподавателя до декана и заведующего кафедрой, поэтому я благодарен университету. Хотел бы пожелать всему коллективу Белорусского государственного университета дальнейших творческих успехов в деле подготовки национальных кадров белорусской интеллигенции и больших научных достижений. Особо хотелось бы поздравить коллектив факультета философии и социальных наук, а также сотрудников кафедры социологии со знаменательной датой в истории университета и пожелать им новых достижений в их профессиональной деятельности.

И ЗВЕЗДНОЕ НЕБО НАД ГОЛОВОЙ...

С. Д. Ваганов,
журналист

...В августе 2005 года я решил показать 12-летней внучке места, где в начале 60-х годов прошлого века учительствовал по окончании истфака БГУ. Позвонил Елсукову: «Поедешь с нами?» Он помолчал, потом, показалось, нехотя, произнес: «Поеду...» Прозвучало глухо, словно эхо со дна колодца. И впрямь, подумал я, до дна – больше 40 лет. «Так, поедешь?» – повторил я, будто снова в колодец... «Да, конечно... С Галей...»

Я не понял: Галя умерла в феврале. Но ничего не сказал. Просто вспомнил.

Вспомнил конец августа 1963-го, местечко Опсу в 20 километрах от Браслава... Мы только что подыскали Альберту жилье и, раздобыв где-то велосипеды, двинулись в Далекые, деревню в 7 километрах от Опсы, устраивать меня к бабке Кастусе, которая, по слухам, брала к себе учителей если не со времен Первой мировой, то уж «за польским часам» наверняка... Вот на этом пути, посреди Опсы, и увидели двух девушек, тащивших чемодан и толстый матрац. Притормозили: «Помочь?»

– Нет-нет, мы сами! – решительно, даже с каким-то вызовом ответила та, что постарше, – светловолосая, с тонким профилем и выразительным взглядом голубых глаз. Вторая, помладше, с короткой стрижкой темных волос и мягким округлым лицом, смотрела на нас с нескрываемой иронией, время от времени поправляя в руках тяжелый матрац, который неуклюже сползал к земле...

Они совершенно не были похожи, сестры Шрубок, Люда и Галя. О том, что сестры, узналось чуть позже. Как и вполне объяснимым стал чуть позже отказ от помощи, в которой они явно нуждались, – старшая бдительно оберегала от мужского внимания младшую на пороге ее самостоятельной, вдалеке от дома и родителей, жизни. И тут же, словно пытаясь отвести это внимание в сторону, затеяла какой-то пустяшный спор о фильме «Первый эшелон». Сути спора не помню, помню только, что я с горячностью доказывал, какой это плохой фильм, она с той же горячностью – какой хороший. Остальные участники мизансцены молчали. Не помню, смотрели они друг на друга или нет. Но взгляды запомнил: насмешливо-добрый у Гали и сосредоточенный на чем-то в себе у Альберта...

Через девять месяцев, в мае, они поженились.

...Когда мне предложили написать в книгу об Альберте, я задумался: что делает людей друзьями? Какие обстоятельства жизни, случайные, на первый взгляд, сближают их, а потом, бывает, отдаляют и даже разводят в разные стороны? Я смотрю на его фотографию и все чаще задаю себе эти вопросы, пытаюсь разгадать загадку нашей дружбы. Дружбы, которой по всем привычным представлениям могло и не быть. Особенно если учесть пятилетнюю разницу в возрасте, существенную к моменту знакомства, разницу в жизненном опыте и представлениях о той жизни. Но мы подружились очень быстро, практически сразу, как поступили на истфак. Может, потому, что были единственными на курсе минчанами. Но подружиться и стать друзьями – не одно и то же. Между – загадка...

Конечно, я мог бы рассказать сейчас, как в студенчестве полуголодные путешествовали с палаткой по Кавказу и Крыму – Джанхот... Праскавеевка... Симеиз... Херсонес... Бахчисарай; как посмеивались над его попытками изучить китайский язык – весь туалет в квартирке на последнем этаже одного из самых старых минских домов на углу Кирова и Володарского, где жили Альберт, его младшие брат с сестрой и мама, был обклеен иероглифами; как теми же иероглифами была обклеена комната в Опсе с невероятным количеством философских книг на полке и на столе...

Я немного побаивался этой комнаты – одной из двух в большой, может, самой большой в Опсе хате с высоким чердаком под железной кры-

шей. Особенно после ураганной ночи на 23 ноября, когда, не застав Альберта, я остался у него ночевать. Не раздеваясь я прилег на широкую, сколоченную из досок, кровать, подсунув под щеку заледенелую подушку. Немного согрелся, но не спалось. Дул через рамы ноябрьский ветер, лепились на стекло черные листья, гремело на крыше железо, скреблись по нему голые ветки старой березы... Вдруг что-то блеснуло в темноте, и я заметил на подоконнике «Спидолу»...

Как же это сладко – свободно, наедине с планетой, плыть в ночи по волнам эфира! Через потрескивание, обрывки непонятных слов и далеких мелодий прорываться к чему-то неведомому, даже запрещенному... Вот... Вот... «Голос Америки»... Кеннеди... Даллас... покушение... ранен... убит... кубинцы... Освальд...

Вот в такой комнате жил Альберт. В огромной хате, где в одиночестве жила старуха, кажется, Тэкля. Эту хату построили ей два сына, которые время от времени наезжали из Польши.

Отношения с Тэклей у Альберта не заладились, хотя он помогал бо-былке чем мог: пилил дрова, приносил из местечка керосин, спички и хлеб, привозил из Минска болгарские сигареты, ибо старуха курила, а никаких сигарет, вообще никакого табачного товара не было, даже в райцентре. Отношения совсем испортились, когда Альберт по ее просьбе принес из магазина подсолнечное масло. «Разве это масло?! – трясла сковородой старая Тэкля. – Вот при Польше было масло так масло, не то, что при твоих Советах!» И то правда: вместо брызганья под картофельными оладьями масло в момент исчезало будто вода... А вода и была. Точнее, чай, которым Галя в шутку подменила в бутылке масло, когда Альберт заглянул к ней, что называется, по пути...

Все это, безусловно, с течением времени отстоялось в незабываемых подробностях и стало содержательной частью общих воспоминаний, едва ли кому интересных, кроме нас и наших близких. Но тогда, в начале 60-х, и в студенчестве, и в Опсе, его увлечение философией и моя склонность к занятиям журналистикой оставляли нас в достаточном равнодушии к жизненным перспективам друг друга, не вызывали, попросту говоря, особого интереса...

Нет, я едва ли объясню сейчас, почему умелый, даже талантливый краснодеревщик увлекся философией как наукой – для меня, признать-ся, скучной китайской грамотой. Диамат, истмат, научный коммунизм, марксизм-ленинизм... Альберт же вгрызался в них, испытывая при этом эстетическое удовольствие, которое, в конце концов, воплотилось в сочинение афоризмов и трогательных стихов...

Как-то позвонил Володя Клокоцкий, третий наш пожизненный друг, сказал, что нашел у себя на даче в старом чемодане мои письма, письма Альберта из Опсы, из Москвы, где он после Опсы учился в аспирантуре. Вот что писал Альберт из Опсы: «...Ты, наверное, заметил, что мы, занимаясь более или менее серьезными делами, всегда где-то в глубине души хранили чувство творца, которое иногда прорывалось наружу тем или иным литературным опусом. Если говорить откровенно, то у меня даже сформировалась довольно стойкая литературомания... Суть не в том, напишешь ты книгу или нет, главное – это чувствовать себя поэтом. Без этого мышление становится сухим и постным... Вот почему настоящий ученый должен быть поэтом...»

Мы с Володей посмеивались над его афоризмами и стихами. Нам казалось, что они, особенно стихи, лишены свойств настоящей поэзии. Однажды, лет пятнадцать тому, когда мы с Альбертом прогуливались по ночному Минску, он прочитал новое стихотворение. Я стал критиковать его, разбирать, что называется, по косточкам. Альберт молча выслушал, потом взял за руку и задрал голову: «Посмотри, какое звездное небо! Видишь вон ту звезду, самую яркую? Альдебаран называется...» Я всмотрелся в его вдохновенное лицо и понял, что без этого звездного неба, которое он познавал с неподдельным энтузиазмом, без этого чувства неба он и вправду не стал бы настоящим ученым.

Так в чем же она, загадка дружбы, под какой звездой она рождается и почему не умирает, пока мы сами еще живы?

Может, под этой?

1961-й, начало ноября... Мы – Альберт, Володя и я – вышли после лекций в промозглую осеннюю ночь. И через полторы сотни метров наткнулись на свинцово-серую солдатскую цепь. «Проходите, проходите, нечего тут задерживаться», – сказал офицер. Мы что-то попытались спросить. Он повелительно махнул рукой в сторону от скрытой деревьями городского сквера площади, где пульсировали какие-то синевато-сиреневые всполохи.

Каким-то немислимым путем, который я ни в жизнь не смог бы повторить, через сквозные подъезды и подворотни мы обошли неприступную цепь и, крадучись, проникли в темный двор дома, выходящего угловым фасадом на площадь, где стоял памятник Сталину. Цепляясь за мокрые, обжигающе скользкие ступени пожарной лестницы – только бы не смотреть вниз, – мы забрались на крышу и почти ползком, чтобы не скатиться по скользкому железу, добрались до невысокой оградки на самом

краю. Мы просидели там в обнимку всю ночь, трясаясь от холода и озноба. Странно, я не запомнил какие-то особенные подробности происходившего на площади. Только тягачи, заполненные мешками с песком, тросы, автоген, прожектор... К рассвету остался высокий постамент, украшенный по красноватому с прожилками мрамору белорусским орнаментом. А к середине дня место, где стоял памятник, было ограждено глухим дощатым забором, площадь открыта для движения и предпраздничных, к 7 ноября, коммунальных работ.

Все дни до самого праздника доносились из-за ограды глухие взрывы и остервенелая дробь отбойных молотков и перфораторов – у памятника оказался очень глубокий и прочный фундамент...

И вот, спустя 54 года, в полночь, звонит Володя и говорит, что боится засыпать, потому что почти каждую ночь ему снится Альберт.

– Представляешь, он приходит каждую ночь, читает свои стихи, афоризмы... Даже Таня снится реже...

– Представляю. Ко мне тоже приходит...

Таня, жена Володи, покинула этот мир четыре года тому, Альберта похоронили в минувшем...

Нет, я не знаю, что соединяло нас в более чем полувековой дружбе, со студенческих времен, насыщенных поиском недостижимой истины. То есть знаю, конечно, но привычные объяснения вроде общности интересов, взглядов, моральных принципов – всего, чем обычно объясняется дружба, останутся неисчерпаемыми. Даже, в определенном смысле, ложными, потому что после распада СССР наша дружба могла целиком обрушиться в пропасть политических расхождений. Не обрушилась...

Да и какая, скажите, дружба, когда почти половину упомянутого полувека мы встречались только за шахматами, на семейных праздниках, а потом на похоронах и поминках?

Не исчерпывает объяснение и та ознобная, пронизанная ледяной изморозью ноябрьская ночь, когда мы, обнявшись, до утра смотрели, как сносят памятник Сталину, ощущая причастность к Истории и томительный страх перед ее высотой и глубиной...

Да, вначале – «...третье мое плечо...»

В конце – «...хотя б для шашек друга...»

Тогда почему, спустя годы после ухода Гали, он, решив жениться, позвонил и спросил: «Ты не против?» Хотел получить индульгенцию от невольного греха против памяти о жене? Но ведь он никогда ни о чем не спрашивал, ни о чем не советовался, совершая те или иные поступки...

Нет, тут что-то другое. Что-то очень близкое к разгадке тайны, к тому, с чего начинается и с чем уходит в Пространство настоящая дружба – Чувству.

Чувству не чего-нибудь вроде долга или каких-то обязательств по взаимной помощи в обустройстве жизни. Нет. Простому человеческому чувству.

Ибо настоящая дружба Чувство и есть.

Из того, наверное, чувства и возникла последняя и единственная за всю нашу дружбу просьба: отвезти в Боровляны, где ему была назначена консультация...

Нет, ошибаюсь. Еще была просьба помочь разобрать на дрова купленный в каких-то километрах от Опсы старый хутор. Галя забеременела, их ждала следующая, 1965-я от рождения Христова, сельская учительская зима, на которую выпадало рождение ребенка...

Да, конечно, я ошибаюсь относительно просьб. Еще он попросил однажды помочь затолкать на гору старенький, случайно купленный, послевоенных времен «Москвич». Маленький, но очень тяжелый, может, несколько тонн железа, «Москвич» никак не заводился. Вся надежда была на разгон с горы. Толкали... катились... толкали... катились... Раз пять. Пока Альберт не вспомнил, что отключил аккумулятор. Чтобы не угнали. До «Жигулей» жизнь еще не докатилась.

И вот докатилась до Боровлян...

На протяжении всей своей внезапной тяжелейшей болезни он решительно отказывался от моих услуг. Сам сбегал после операций из больницы читать недочитанные лекции, сам ездил по врачам, озабоченный не своим состоянием, а различными толкованиями белорусской истории... А тут позвонил: сам не доберусь... Еле выполз из машины, не выпуская из рук старый желтый портфель, который был ему уже ни к чему, растерянно усмехнулся и каким-то дурашливым жестом показал мне, что скоро буду плакать... Да, мы всегда насмешничали друг над другом и над самими собой...

...Тогда, в августе 2005, мы приехали в Опсу ближе к вечеру. Не успели обняться с друзьями, бывшими учителями, с которыми в 60-х вместе работали, как Альберт куда-то исчез. Ждали, ждали, а потом пошли с женой искать. Еще издали я заметил, как он идет медленно вдоль шоссе, единственной, в общем-то, опсовской улицы, со своим неизменным желтым портфелем. За спиной его светился в закатном солнце старый красный костел. Там же, возле костела, над чистым озерным даляглядам они и жили, когда поженились... «Вот, – он виновато улыбнулся, – вот и Галя

сюда вернулась... Как хотела...» Мы поняли: он развеял над Опсой, над их молодостью горсточку ее праха.

Постояли, помолчали... И тут я заметил, что стоим на том же месте, где с полвека тому мы с Альбертом впервые встретили сестер Шрубок. Их уже нет на этом свете. Но и сейчас я вижу, как Галя едва удерживает тяжелый матрац и с доброй насмешливой улыбкой смотрит на Елсукова, а он сосредоточенно – куда-то в себя...

Ночью мы пошли с Альбертом к озеру. Мимо почти развалин старого дворца Плятеров, мимо других останков их имения, через умирающий парк, на берег, где еще обнимал небо старый трехсотлетний дуб, к которому, по местной легенде, Наполеон привязывал своего коня. Небо же его и убило в прошлом году, нанеся последний, буквально молниеносный удар... А тогда, в августе 2005-го, оно распростерло над нами свой бесконечный звездный шатер...

И сейчас, когда я пишу о своем друге, я еще и еще раз убеждаюсь в том, что настоящая дружба – это Чувство.

Нравственный закон, если вспомнить Канта.

Закон, по которому звезды тянутся друг к другу, чтобы не сгинуть во Вселенной, не пропасть, не потеряться совсем...

ЯИЧНИЦА С ПОМИДОРАМИ...

Из воспоминаний жены
Елсуковой / Шрубок Галины Александровны
(28 мая 1936 – 28 февраля 2005)

И наконец, мой последний рецепт – **Яичница с помидорами.**

По иронии судьбы он был первым. Не зря все же «**начало**» и «**конец**» – слова одного корня. Удивлены? И у меня это было, единственным запомнившимся моментом в изучении языка. Узнала я об этом, учась на филфаке, на лекциях по исторической грамматике, был такой предмет, наряду с остальными, еще более занудными. Меня это так поразило, что когда на экзамене попался именно этот вопрос, я все с блеском доказала и получила первую и последнюю пятерку по языку, поняв, наконец, что изучение языка – это тоже безумно интересно. Но было слишком поздно. Начинать все осмысливать заново я не стала. И этого примера мне хватает для объяснения многого, происходящего в мире, в жизни других людей и сво-

ей собственной. Вот и для философского осмысления истории яичницы с помидорами, моего первого в жизни самостоятельного блюда, лучшего примера не придумаешь.

Дело было (не в Пенькове, как вы догадываетесь), а в деревне Опса Браславского района, куда я попала по распределению и работала учительницей русского языка и литературы (в нагрузку – немецкого в 5 классе). Об одном годе жизни и работе там можно было написать роман-эпопею, материала бы хватило, как хватает нам воспоминаний на всю оставшуюся жизнь. Нам – это мне, моему мужу, Сережке Ваганову, которые там работали, и многочисленным родным и знакомым, которые были там или не были, все равно вспоминают наши истории постоянно и любят вместе с нами то счастливое время.

«Не на дорожке узкой,
Не в парке над рекой,
В деревне белорусской
Мы встретились с тобой» –

это четверостишие Ваганова, которое он написал в первые дни жизни в деревне. Потом оно дополнялось и дополнялось разными событиями, превратилось в песню, которую в деревне пели после нас уже наши ученики, став взрослыми и намного перешагнув тот возраст, в котором мы приехали к ним.

«Как молоды мы были, как искренно любили, как верили в себя!» Это, правда, не мы придумали, но очень подходит.

А припев в той, Сережкиной, песне был – «А света в Опсе не будет во-все!». Здорово!

У нас действительно не было электричества, сидели при керосиновых лампах, и не то чтобы сидели, работали. Представляете, сколько тетрадей надо проверить учителю русского языка и литературы, если его нагрузка – 36 часов в неделю? Это каждый день по 6 часов, а результат – диктанты, изложения, сочинения, практические и домашние задания! А еще готовится к завтрашним занятиям, а еще написать никому не нужные планы. И все это при керосиновой лампе с 5 вечера до часу ночи.

Сейчас хорошо, все можно свалить на Чубайса какого-нибудь. А тогда, не будешь же валить на советскую власть, которая дала нам образование и прислала работать в такой райский уголок. И еще деньги платили! Пусть маленькие, но, благодаря им, мы, только что вылетевшие из родительского гнезда, чувствовали себя свободными и богатыми людьми. А керосиновая лампа навевала лирическое настроение.

Все это происходило еще в прошлом веке в тот единственный экспериментальный год, когда в БГУ им. В. И. Ленина, теперь просто БГУ, выпускникам не выдали дипломов. Диплом обещали выдать после года работы по распределению. А какое распределение на филфаке да истфаке? – Школа, деревня.

И вот приехали в одну деревню 5 молодых специалистов – редкое явление для деревни. Два историка – Альберт Николаевич Елсуков и Сережка Ваганов, географичка Ирка Песенка, англичанка Людка Стрельцова и я – учительница русского языка и литературы, а по совместительству еще и немецкого в 5 классе (считалось, что на этом уровне я должна знать немецкий, раз уж учила его 6 лет в школе и 5 в университете). Бедные дети!

Всем хватило места, потому что, кроме средней школы, в деревне еще была школа-интернат, где и обосновались Ирка и Людка, мы с Елсуковым работали в 10-летке, а Сережка вообще поехал в соседнюю за 7 километров от нас деревню Далекие, потому что там был свет. Но это только такое название – Далекие, – для нас это было очень даже близко.

Неделю работаем, а в субботу вечером собираемся в Опсе, как правило, у нас, у меня и Сони Гитцович, с которой я жила в одной комнате в учительском доме и которая сыграла в судьбе нашей семьи очень большую роль, за что ей огромное спасибо. Но это, как говорится в современной рекламе, совсем другая история. Для эпопеи!

Работа – работой, веселье – весельем, но кушать-то хочется всегда. Я лично не страдала по этому поводу, готовила Соня, у нее, во-первых, был четырехлетний опыт жизни в деревне, и она знала, где, что, почему и как, а во-вторых, она выросла без мамы и все умела. А я никогда дома не готовила, постельное белье не стирала, печек не топила. Пришлось всему учиться на марше. Помогала ей, конечно, чем могла. А могла я очень мало, да и времени у меня было гораздо меньше, чем у нее.

Но Соня была совершеннейшей прелестью, она все делала с радостью, ни в чем меня не упрекала, а еще и помогала. Работы-то в школе у меня было очень много, и очень трудно было сразу все осилить. В университете нас готовили в основном к исследовательской работе. Это вам не пединститут какой-нибудь, а у н и в е р с и т е т!

Она учила меня писать планы. Это самое страшное в учительской работе, завуч проверяла их чуть ли не каждый день. В деревне порядки строгие! Не забалуешь! До полуночи сидела со мной над тетрадками, я ей давала проверять диктанты, домашние задания – там, где все одинаково.

За Соней я жила как за каменной стеной. А вот ребята, мальчишки, короче, мужчины наши, в смысле еды были в более тяжелых условиях. Сережка, правда, с восторгом вспоминает то время, когда его хозяйка кормила супом с селедкой, а вот Альберт Николаевич, мой будущий муж, о чем я, конечно, тогда даже и не догадывалась и по привычке почти до свадьбы называла его на «Вы», как это принято в учительской, так вот он очень даже страдал. Старая бабка, у которой он жил, кормила его картошкой да елким салом.

И вот однажды он восстал против старого сала и купил своей хозяйке бутылку подсолнечного масла, в разлив оно тогда продавалось. На обратном пути зашел к нам, рассказал, куда и зачем и почему ходил, поставил бутылку у нас на кухне, а сам расположился приятно провести вечер с девочками, тем более причина уважительная. А мы с Сонькой пошептались на кухне, когда готовили ужин, и решили пошутить, скучно же сидеть над планами да тетрадками. Масло вылили, а бутылку наполнили чаем, цвет-то один.

Проходит день, два, три – он молчит. На четвертый мы не выдержали: «Так жарит тебе бабка картошку на масле?» – спрашиваем. «Да пошла она к черту, – говорит, – напарит целую сковородку, да все причитает – да разве ж это масло, вот при Польшче было масло!»

Но вернемся к нашим субботним посиделкам. Елсуков, Ваганов, мы с Сонькой, Ирка Песенка, Людка Стрельцова, Иван да Ванда Веремьевы – старожилы в деревне и в школе, с которыми мы очень дружили, еще кто-нибудь из местной интеллигенции. Представляете, сколько народу. Попробуй всех накорми! Нет, кое-что приносили с собой гости, спиртное в основном покупалось в складчину, но тяжесть стола в основном ложилась на Сонины плечи. Правда, и благодарностью она не была обделена, все ее ценили и любили.

Усаживаемся за стол, выпиваем за встречу, Сережка начинает отбивать на столе такт, и... понеслось:

Под лампой керосиновой
Я с черным котом говорю,
И что-то очень синее
Мерещится в углу.
Когда-то был студентом я,
Таким же вот черным, как ты,
Бродили мы по чердакам,
Как черные коты.

И вот те раз, послали нас
 На просто хлеб и просто квас,
 Со всех концов сторон,
 Послали нас на просто квас,
 А мы – на самогон.
 Я думал, барабанов
 Услышу приветливый гул,
 Увидел тараканов
 Почетный караул...
 Когда-то был студентом я,
 Таким же вот черным на вид,
 Теперь же я интеллигент –
 Плешивый индивид!
 Без ветра ночь и без луны,
 Темно и не видно дорог,
 Ты помнишь, я сказал – смотри!
 И лысину зажег...

Или вот еще:

Утонула деревня в закате,
 Утонули в закате поля.
 Где-то птица залетная плачет,
 Вспоминая родные края.
 Далеко улетела от дома.
 Далеко улетать нелегко.
 Зашуршала на крышах солома,
 И разбилось на солнце стекло.
 Птица стонет и плачет упрямо,
 И слеза покатилась в закат.
 Есть у птицы любимая мама,
 А у мамы немало ребят.
 Что же вы загрустили, ребята,
 Рановато пока унывать.
 Выпьем снова по рюмке заката.
 Нам придется опять улетать.
 Улетим мы в далекие земли.
 Улетим мы в другие края.
 И утонут в закатах деревни.
 И утонут в закатах поля.
 И солома по ветру кружится,
 Опускаясь на плечи ребят.
 Где-то плачет залетная птица,
 Допивая по каплям закат.....

И конечно же:

А света в Опсе
Не будет вовсе!..

Все песни за авторством местного в то время поэта, а ныне известнейшего в республике и не только журналиста, собственного корреспондента газеты «Труд» в Беларуси – Сергея Ваганова. Из других песен помню только «Эх, дороги, пыль да туман», которую они с Елсуковым пели на два голоса очень старательно и красиво.

Сборища наши, как я уже говорила, были каждую неделю. И решила я сделать свое блюдо, чтобы не слыть такой уж иждивенкой. Вспомнила, что папа, когда мама летом уезжала в Свислочь, кормил нас яичницей с помидорами, со свежими, конечно, и мы ее очень любили.

Вот тут-то и фишка! У нас в сельском магазине продавались болгарские помидоры в собственном соку. Как сейчас помню, 40 копеек банка. Деревенские их не брали вообще, то ли дорого им казалось, то ли невкусно. Я спрашивала – почему?

«Несолёные», – говорят.

«Так вы посолите». – «Нет, мы уж лучше свои, солёненькие», – отвечают.

Мы покупали, посолив, пили как томатный сок. И решила я их использовать для яичницы. Оказалось, что это вкуснее, чем со свежими.

На воскресном базарчике, в деревне нашей Опса, можно было купить только солёное сало, сливочное масло, яйца и мед. Все! Мяса вообще не было, так мы и жили, ели постные супы, картошку, кашу, хлеб да сало. Но этого ассортимента мне вполне хватило на, впоследствии ставшее коронным, блюдо.

А делается она так:

На большой сковороде разжаривается сало и лук, потом туда кладутся размятые из болгарской банки помидоры, сок тоже льётся, соль-перец обязательно, когда все это закипит, разбиваются яйца, в нашем случае – много, еще раз соль-перец сверху, и... – до готовности.

Эффект разорвавшейся бомбы! И стали мы ее жарить чуть ли не каждый день. Елсуков зачастил! Он сам покупал помидоры, сало, яйца и уже чувствовал себя за столом не нахлебником, а хозяином.

За зиму мы съели все помидоры в деревенском магазине, где они стояли, думаю, ни один год. А 1 Мая вся деревня гуляла на нашей свадьбе.

Известно, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Сережка до сих пор утверждает, что я своего мужа взяла исключительно яични-

цей с помидорами. Может быть! Елсуков с этим не согласен, он говорит, что полюбил меня не только за это.

Через год родилась Наташка, а когда мы праздновали ее 15-летие, уже давно живя и работая в Минске, но сохранив навсегда любовь к тому времени и месту, все тот же, но уже немного другой Сергей Ваганов посвятил ей эти строки:

Один непризнанный поэт
В забытой богом Опсе
Сказал, что света в Опсе нет,
Да и не будет вовсе.
С тех пор прошло 15 лет,
Один другого краше.
Горит над Опсой яркий свет
По имени – Наташа!

Вот вам и «Яичница с помидорами» !!!

БОЛЬШАЯ ВОЛНА НА БЕРЕЗИНЕ

О. Г. Слука,

доктор исторических наук, профессор,
декан факультета журналистики БГУ 1986–1995 гг.

Река жизни течет в вечность!

Берег реки так крут и так высок, что панорама из окна удивляет, будто дом стоит прямо на воде. А весной, в половодье река Березина заливат противоположный левый берег дальше горизонта, и кажется, что виден с одной стороны промышленный Бобруйск, а с другой – лесной, не приметный городок Клецк.

Бескрайняя вода, конечно, не синее море, но впечатление производит неизгладимое. Возникает чувство, что березинская волна плещет золотыми бликами прямо в окно, рассказывал профессор А. Н. Елсуков, возвратившись в очередной раз из своего «поместья» в д. Свислочь Осиповичского района.

Да, места на Березине на загляденье! Неслучайно когда-то в древнем Свислочьском княжестве крепость была построена на самом крутогорье, там, где многоводная Свислочь впадает в могучую Березину. От крепости остались одни развалины, но то великолепие, которое создано природой

в месте слияния двух крупнейших белорусских рек, тысячелетия не нарушили ценность их красоты, и она увеличивается, потому что люди повернули свои души и сердца к непреходящим сокровищам родной природы.

Любил профессор Елсуков большую воду. В ней он угадывал и вычерчивал силу мысли, величие творческого начала и остроту философского образа, неземную чистоту человеческой души сродни божественной вере. Там, в одухотворенном райском уголке, в чудесном природном Эрмитаже, накапливал творческие и возвышенные душевные силы университетский профессор, философ и поэт А. Н. Елсуков.

Мы, деканы Белорусского государственного университета, шутливо говорили о нем: «Кто в Архангельске родился, тот с Михайло причастился!». Михайло – это, конечно, великий Ломоносов. И деканская шутка была не без умысла. Ломоносов пешком пришел в Петербург, чтобы «открыть» национальную науку и основать высшее образование в Российской империи, воплотившееся в знаменитом на весь мир Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

А. Н. Елсуков «пришел» из Архангельска в Минск, в 1989 г. открыл философский факультет в БГУ и стал его деканом, что он считал главной удачей в своей жизни. Согласимся, что далеко не каждому выпадает божий перст судьбы открыть для поколений молодежи научный путь распознавания законов природы и человека. Это завидная и благородная судьба.

Путь профессора Елсукова пролегал также через Москву. В МГУ им. М. В. Ломоносова он закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию по философии. Это историческое совпадение. Но в благоприятной среде развивается благородное начало, и это аксиома. Около могучего дерева всегда вырастает сильный подрост.

Время профессора Елсукова было очень подходящее для деятельных и талантливых людей. В советской науке и образовании наступил новый качественный этап. В Беларуси закончился послевоенный период партийно-партизанского влияния на все стороны общественной жизни. Он выполнил свою важную восстановительную задачу в обществе и государстве, в том числе и в организации высшего отечественного образования.

Современное качество научно-технического прогресса потребовало новых людей и новых идей. В обществе происходили революционные преобразования, и их обоснование требовало нового импульса в развитии философской науки. Философия снова получила истребуемый обществом академический статус и была введена в университетский курс как самостоятельный институт, который в БГУ и возглавил профессор Елсуков.

Деканская должность – это командир полка, который в постоянном наступлении, как сказал мудрец из университетского храма. И чтобы оно, наступление, было успешным, необходимо просчитать стратегию движения на целых пять лет вперед. И поднять в эту затяжную или, лучше, постоянную атаку на тайны науки людей разного возраста, образования, интеллекта, дисциплины. Не построенного в шеренги и маршевые колонны студентов учебных курсов, не развернутого в наступательную цепь преподавателей, а большую, больше похожую на случайную группу людей, хотя и объединенных единой целью и задачей.

Однако объективная реальность выдвигает своих лидеров. В их числе и был профессор А. Н. Елсуков. Вместе с ним на вершину университетской науки пришла новая генерация ученых, сформированных мирной жизнью послевоенных условий. Они, новые кадры советской науки, прошли закалку суровым, разрушительным после страшной войны, временем. Не имели возможности, да и не хотели почитать на заслугах и пособиях своих отцов, хотя у многих они, отцы, не вернулись с войны. Послевоенное поколение профессора Елсукова самоотверженно устремлялось в ожидаемое счастливое будущее и на патриотическом энтузиазме созидало свое увлекательное настоящее.

Поэтому за столом в ректорате сидели напротив друг друга ученые новой формации, профессора: А. Н. Елсуков – декан философского факультета, В. Н. Годунов – декан юридического факультета, О. А. Лойко – декан филологического факультета, О. Г. Слука – декан факультета журналистики. Такой вот квартет гуманитарного блока университетского образования. Но квартет единомышленный, конструктивный, наделенный остротой предвидения в решении проблем высшего образования в Беларуси.

Каждый понедельник в 10 часов 15 минут утра мы собирались на совещание деканов в ректорате. И жизнь текла за ректорским столом иногда покруче, чем водовороты в глубоком течении Березины. Судьбы тысяч студентов и преподавателей, белорусского общества и государства выставлялись на обсуждение и решение. Иногда проблемы вырастали на изломе чей-то судьбы или образовывался конфликт, вылетающий далеко за стены университета. Эти проблемы необходимо было решать. И их было множество в энциклопедии университетской жизни.

Например, городским властям очень приглянулась площадка в великольном университетском скверике, и они вознамерились организовать

там стоянку автомобилей (!). Что значит – выхлопные газы сотен машин в открытые окна университетских аудиторий как отравляющий подарок для студентов? Трагедия и вопиющее безобразие!

Голос профессора Елсукова всегда был объективен, мысль логична и доказательна. «Мы – против!» В этом протесте была забота об университете, преподавателях и студентах, утверждение своего деканского реноме. Зачем тогда мы здесь, чтобы руководить университетом или только составлять расписание занятий?

Возмутительная эпопея с жалким макдональдом, который торговые ловкачи прямо вмонтировали в живое университетское тело. С одной только целью: притравливать студенчество, выкачивая средства из нашей страны. Или величественно-аляповатый корпус факультета международных отношений, задуманный капризным приближенным к власти служащим на самом вокзале. Он и похож больше на вокзал, подавляя своей неуклюжестью привокзальную площадь.

Общественные проблемы проходили через душу и сердце декана. Потому что он, декан, всегда находится на самой передовой осуществления высшего университетского образования в республике и ответственен за соподчиненный ему авангард специалистов высшей квалификации, которые организуют и осуществляют весь цикл жизнедеятельности социума. Такая ответственность выходит за пределы запросов общества и государства и может приравниваться к божественному провидению.

Декан факультета все время на виду у студентов, преподавателей и общества многочисленных родителей и заинтересованных людей, в общем, на острие университетской жизни. И профессор Елсуков в полной мере соответствовал своему лидерскому положению.

Великолепный «наш» ректор, академик Ф. Н. Капуцкий (ректор университета во время нашего деканского правления), в эмоциональном порыве иногда говорил: «Я ведь не с вокзала пришел!», подчеркивая тем самым, что он в полной мере владеет ситуацией в вверенном ему университете.

«Тогда если Вы не с вокзала, – отвечал ему проф. Елсуков, – то почему Вы рекомендуете на должность первого проректора сотрудника, которого в университете знают только в его лаборатории и не больше? Посмотрите на своих коллег, деканов и директоров институтов, которые сидят за этим столом, опытных организаторов и известных ученых. Они, что, не могут претендовать на должность первого проректора университета? Могут».

Профессор Елсуков учил нас объективной личной позиции, ответственной мудрости и взвешенному отношению к решению сложных задач. Среди университетских деканов он запомнился участием, словом, делом и поступком.

Разговариваем о судьбе своих детей и думаем об их жизненных устремлениях. А он и говорит: пусть поступает Ваш сын к нам на факультет! Философская подготовка – основа высшего образования и освоения профессии, и не только. Это еще и фундамент формирования личности. Я благодарю судьбу, что мудрый и своевременный совет проник в мою душу и был воспринят с пониманием и восторгом моим сыном. В счастливом результате молодая белорусская дипломатия получила еще одного талантливую дипломата!

Да, что одного! Когда в 1990 г. создавался факультет международных отношений, декан философского факультета Елсуков «отжалел» и отправил для обеспечения нового факультета десятков лучших своих студентов, которые в настоящее время достойно представляют Республику Беларусь в разных странах мира.

Далеко видел профессор Елсуков перспективу развития философской науки в белорусском обществе. В университетской системе высшего образования он мудро опирался в развертывании нового факультета на опытное талантливое ядро своих коллег: профессоров А. И. Зеленкова, П. С. Карако, Л. А. Гуцаленко, Т. Г. Румянцеву, Л. Г. Титаренко, А. Н. Данилова, Я. С. Яскевич, Л. Ф. Кузнецову, А. В. Рубанова, И. Л. Зеленкову, А. М. Бобра.

Это тот сильный научный стержень, вокруг которого складывался новый и ведущий в системе социальных наук философский факультет. А главную сольную роль в новом университетском образовании исполнял профессор Елсуков. Только тот, кто отслужил деканом хотя бы один пятилетний срок, знает, какую часть их жизни стоит эта трудная и уважаемая работа.

Думается, что силы и знания находились в том, что профессор Елсуков досконально знал научный метод познания и развития науки. Когда автор этих заметок осмелился предложить издательству монографию «Национальная идея. (Методология формирования)», возникла трудно преодолимая проблема авторитетного рецензирования этого неожиданного издания. Неудачные попытки и поиски, согласования с возможными рецензентами закончились только после обращения к профессору Елсукову

ву. Необычная книга очень скоро пришла к заинтересованному читателю. Это утверждение мудрой истины, что каждый талантливый философ обладает особым божественным даром провидения. Поэтому и профессор Елсуков видел то, что «временем закрыто» (В. Маяковский).

Очень уважительно и особенно приятно подчеркнуть, что каждый философ обязательно – всегда поэт. Это как предназначение судьбы, как задание всевышнего видеть в обыденном возвышенное, в простоте – сложнейшие коллизии человеческой жизни, чудесную музыку в прекрасном буйстве божественной белорусской природы. Кто великолепно скажет о прекрасном начале человеческой жизни, если не дальновидец – философ, поэт-профессор Елсуков!

Я вчитываюсь в эстетично-притягательный томик стихов поэта-философа Елсукова и нахожу в каждом стихотворении образ прекрасной жизни, может, не всегда земной, но очень желаемой для человеческого счастья и представляемой если не в этой, то в следующей жизни. Поэт-философ – это здорово, осмысленно, как подарок нам для размышления и науки! Вслушайтесь в поэтическую музыку – признание Альберта Николаевича:

Мои стихи – мои молитвы,
Я их шепчу в урочный час,
Они, как сталь холодной бритвы,
Мне чистят душу всякий раз.

Пред ними голову склоняю,
Им доверяю свой секрет,
Я божей истины не знаю,
Но божим светом я согрет.

Мне думается, что истину в жизни мудрый философ знал и охранял ее первозданную чистоту своим поэтическим даром. В научном творчестве, в лирической песне его жизни пульсирует многолетний живительный родник земного приручения широкой, полноводной, волнующейся Березины, в которой отражается наше космическое бытие. Нам известно, что благодатная святая вода впитывает, хранит и отражает человеческую интеллектуальную энергию. Кажется, что теперь могучая река стала спокойнее, тише, мудрее. Она – река нашей жизни и прекрасный берег Елсукова. В ее тихих волнах, как и в жизни людей, навсегда сохранена благородная жизнь прекрасного человека.

Березина течет в вечность...

АЛЬБЕРТ НИКОЛАЕВИЧ ЕЛСУКОВ – ПРОФЕССИОНАЛ, КОТОРЫМ МЫ ДОЛЖНЫ ГОРДИТЬСЯ...

Д. Г. Ротман,

доктор социологических наук, профессор,
директор Центра социологических
и политических исследований БГУ

О моем коллеге и друге Альберте Николаевиче Елсукове можно рассказывать очень много. Талантливый ученый и педагог, надежнейший человек, профессионал с большой буквы. Я в этом убежден и не на словах, а на практике. Как-то один знакомый спросил: а почему Альберт руководит кафедрой социологии, он ведь не социолог, а философ? Меня крайне удивил этот вопрос. Очевидно, коллега был очень далек от нашей социологической жизни. Альберт Николаевич Елсуков действительно много лет руководил кафедрой социологии. Но важно отметить и другое: он создавал эту кафедру, подбирал преподавательский состав, активно участвовал в разработке программ учебных курсов, инициировал принятие кафедрой важнейших образовательных решений и, это главное, создавал условия для реализации этих решений. В период его работы на кафедре социологии было подготовлено немало специалистов, которые сегодня известны в стране и во всем мире, проводят международные сравнительные исследования, преподают в ведущих университетах. Среди них можно назвать докторов социологических наук Светлану Валентиновну Лапину, Евгению Аркадьевну Кечину, профессора Елену Александровну Корастелеву, кандидатов наук Н. А. Залыгину, Т. В. Купчинову, В. И. Кудрявцеву, М. Н. Мазаника, С. П. Романову, Т. В. Бурак, В. В. Мицкевич и др.

Наша совместная работа началась в 1974 году в секторе прикладной социологии кафедры марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета. Профессор Георгий Петрович Давидюк, заведующий кафедрой и основатель сектора прикладной социологии, познакомил меня, нового сотрудника сектора, с его работниками. Среди них был и доцент кафедры, кандидат философских наук А. Н. Елсуков. В секторе он работал на половине ставки старшего научного сотрудника и был ответственным исполнителем работ по хозяйственному договору с производственным объединением «Интеграл». Позже я узнал, что руководство «Интеграла» высоко оценивает работу социологов СПС БГУ. Под руководством Альберта Елсукова были изучены проблемы взаимоотношений в трудовых коллективах объединения, причи-

ны текучести кадров, возможности повышения производительности труда и качества выполняемых работ. Опыт исследований на объединении «Интеграл» активно использовался в исследованиях сектора на других предприятиях Беларуси в городах Могилеве, Бресте, Орше, Молодечно и т. д. Ведущие сотрудники сектора, в том числе и Альберт Николаевич, постоянно выезжали на предприятия, помогали молодым сотрудникам-социологам осваивать методы проведения социологических замеров в трудовых коллективах, возможности анализа собранных, в процессе исследований, эмпирических данных, а также приобретать навыки разработки на их базе практических рекомендаций для подразделений управления предприятиями. После моих подробных разъяснений коллега, задавший мне вопрос о компетентности в социологии Альберта Николаевича, произнес только одно слово: «ПОНЯЛ!».

Что говорить, роль Альберта Николаевича в процессе становления и развития белорусской социологии неоспоримо велика. Уже сказано об учениках (он руководил десятками диссертационных работ, долгое время был председателем совета по защите социологических диссертаций). Нельзя не напомнить о десятках статей и книг по социологии. Кстати важным направлением творческой деятельности профессора А. Н. Елсукова были исследования в области истории социологической науки. Здесь его вклад просто огромен. В общем мое мнение таково: Елсуков Альберт Николаевич был и остается ведущим белорусским социологом, профессионалом, которым мы должны гордиться и у которого нужно учиться.

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ И ЧУВСТВО ЮМОРА – ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ А. Н. ЕЛСУКОВА

Е. М. Бабосов,

академик Национальной академии наук Беларуси,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник БГУ

Жизненная судьба свела меня с Альбертом Николаевичем Елсуковым в начале 70-х гг. XX в., когда он работал на кафедре философии в Белорусском политехническом институте. Но резко интенсифицировались наши контакты, став более интересными, содержательными, информативными, когда он перешел на работу в Белгосуниверситет. В БГУ высоко оценили его творческую активность и организационные способности, он много лет

руководил здесь кафедрой философии естественных факультетов, а затем и кафедрой социологии.

Мы были достаточно хорошо и долго знакомы с Альбертом Николаевичем к тому времени, когда он однажды приехал ко мне домой на велосипеде (жили недалеко друг от друга). Основная цель приезда оказалась для меня неожиданной – декан родного мне со студенческих лет факультета решил уговорить меня взяться за заведование кафедрой истории философии, этики и эстетики БГУ. Сначала я активно отказывался от этой затеи: ведь я в то время работал директором Института философии и права Академии наук, но профессор Елсуков был так настойчив и убедителен в своей аргументации, с таким неподдельным ироническим юмором рассказывал о непростой межличностной ситуации, сложившейся в коллективе кафедры, с такой глубокой заинтересованностью необходимости усиления преподавательской работы на факультете, органично связанной с углубленными научными исследованиями, что я, в конце концов, поддался его уговорам и некоторое время, примерно полтора года, работал в коллективе этой кафедры.

Особенно импонировали мне искренность, объективность, требовательность и доброжелательность Альберта Николаевича. Эти его черты отчетливо проявлялись в работе с преподавателями, аспирантами и студентами, перед которыми он ярко и убедительно выступал и в качестве профессора, и в качестве научного руководителя, и в качестве заведующего кафедрой, и, конечно же, в качестве декана факультета. Мне пришлось работать с ним в двух специализированных советах по защите диссертаций в Белгосуниверситете и в Институте социологии НАН Беларуси. Всегда привлекали участников этих заседаний доброжелательность, заинтересованность, строгая взыскательность и высокая требовательность Альберта Николаевича. Этой требовательности, скажу откровенно, побаивались и преподаватели, и студенты, но особенно – аспиранты. Однако все его замечания, советы, пожелания оказывались неизменно столь обоснованными, хорошо аргументированными и корректно сформулированными, что почти все его собеседники – и те, которых он хвалил и поддерживал, и те, которые подвергались критике с его стороны, – в конце концов соглашались с его замечаниями и оставались надолго, а может быть, и на всю жизнь благодарными ему за дельные советы и подсказки, за открытость и доброжелательность занимаемой им позиции в общении и взаимодействии с коллегами, аспирантами и студентами.

А каким непревзойденным спортсменом-байдарочником и танцором он был, надолго останется в памяти и беседах преподавателей и студен-

тов Белгосуниверситета, особенно факультета философии и социальных наук. Столь привлекательные и вызывающие чувства благодарности и одобрения особенностей его жизни и позиции, соединенные с открытостью и интересом ко всему новому, высоко ценились в специализированных ученых советах, куда его довольно часто приглашали выступать в качестве официального оппонента в процессе защиты докторских и кандидатских диссертаций по философии и социологии.

Во всех многообразных формах творческой активности, которых с избытком хватало в преподавательской, исследовательской, воспитательской деятельности профессора Елсукова. Всех тех, кто длительное время или в мимолетные мгновения сотрудничал с ним, всегда привлекали высоко ценимые, порой завораживающе впечатляющие целеустремленность, деловитость, безграничный оптимизм, уважение к людям и забота о них.

Всех, кто имел удовольствие общаться с Альбертом Николаевичем Елсуковым, начиная от студентов-первокурсников и вплоть до умудренных жизнью пожилых профессоров, увенчанных высокими научными степенями, званиями и наградами, всегда впечатляли, притягивали к нему внимание, оставляя в их жизни глубокий след, остроумные искрометные шутки, веселый смех, душевная отзывчивость и в то же время серьезная беседа. Эти глубоко содержательные беседы, поучительные лекции и неожиданные, порой иронично-шутливые, порой очень серьезные реплики, которые были свойственны этому великолепному учителю, мудрому человеку и мастеру своего дела, подлинному мэтру белорусской философии и социологии, каким всегда был и останется в нашей памяти Альберт Николаевич, снискали ему глубокое уважение, почитание и благодарность его близкого и дальнего социального окружения.

«...ОН ЗАРЯЖАЛ СВОЕЙ ЭНЕРГИЕЙ»

Л. Г. Титаренко,

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
факультета философии и социальных наук БГУ

Наше знакомство с Альбертом Николаевичем состоялось в 1974 году, когда я была студенткой 4-го курса отделения философии БГУ, а Альберт Николаевич перешел в БГУ из БГПА и стал читать спецкурс по методам научного познания. Как раз в том году вышла его книга «Методы науч-

ного познания», написанная совместно с В. С. Стёпиным, и содержание курса в целом совпадало с содержанием этой работы. Спецкурс был интересным, носил творческий характер: студенты вместе с преподавателем обсуждали каждый изучаемый метод познания, спорили, выступали с докладами. Для тех лет метод преподавания, используемый Альбертом Николаевичем, был довольно инновационным, стимулировал самостоятельность мышления и стимулировал студенческую инициативу. Само преподавание было демократичным, что импонировало студентам. С тех пор и сформировалось уважительное отношение к новому преподавателю – тогда доценту кафедры философии А. Н. Елсукову.

Мое следующее воспоминание относится уже к периоду, когда мы стали коллегами по кафедре философии, т. е. к началу 1980-х гг. Тогда в советских вузах было «традицией» посылать на сельскохозяйственные работы не только студентов (так называемая студенческая «картошка» в сентябре учебного года), но и преподавателей и научных сотрудников учебных заведений в их выходные дни. Подневольный бесплатный труд не особенно радовал работников высшего образования и не был производительным, некоторые искали легитимные причины отвертеться от этой «трудовой повинности»: заболевания, возраст, срочные дела и т. п. Альберт Николаевич никогда этого не делал. Я помню, что он работал на уборке овощей в колхозе ответственно, старался выполнить «задание» до конца, не устраивал себе долгих «перекуров» – в общем, был примером для других в работе. Более того, он подбадривал коллег, шутил, рассказывал разные истории, т. е. создавал хорошее настроение, некую позитивную ауру вокруг себя. Работать рядом с ним было легче, он заряжал своей энергией других. Такой же ответственный подход был присущ Альберту Николаевичу в любом деле: сделать работу качественно, в срок, довести ее до конца было его правилом. Хорошо выполненная работа приносила ему удовлетворение, будь то физический или интеллектуальный труд. В отпуске он часто уходил с друзьями в байдарочные походы, т. е. предпочитал отдыхать активно, нагружая свои мышцы и одновременно имея много времени для обдумывания других, научных проблем. На кафедре Альберт Николаевич всегда был душой коллектива: шутил, сочинял для коллег стихи к разным праздникам, дарил маленькие подарки именинникам. Позднее я узнала, что стихи были для него важной частью жизни, им написано несколько стихотворных сборников.

Запомнился мне А. Н. Елсуков также незаурядными организационными способностями. В 1989 году ему впервые удалось создать и возглавить как кафедру социологии, так и философско-экономический факультет Белгосуниверситета. Наконец-то начатая Г. П. Давидюком легализация социологии в Беларуси была окончательно институционализирована! И деканом, и заведующим кафедрой социологии Альберт Николаевич оставался много лет, пользуясь уважением у преподавателей и студентов. Его стиль руководства был демократическим, как и стиль преподавания. Все вопросы на кафедре решались коллегиально, можно было возражать руководителю, будучи уверенным, что тебя внимательно выслушают и примут во внимание твои аргументы. Сначала кафедра была компактная – на ней трудилось всего четыре доцента и заведующий кафедрой, профессор. Жизнь кафедры была насыщенной, но этот маленький коллектив оказался способен успешно справляться со всеми задачами. На мой взгляд, в этом была его личная огромная заслуга: он сумел найти людей под стать ему, готовых к творческой деятельности и инновациям. Нам всем было очень интересно работать под руководством Альберта Николаевича, который оставался душой нашего коллектива как на работе, так и вне ее.

Кафедра росла, росло число студентов-социологов, но руководителю хватало энергии, знаний, умений и энтузиазма мотивировать всех на высокие показатели в работе и получать удовольствие от достигнутых результатов. Декан поддерживал научные инициативы преподавателей и поощрял их заниматься интересными для них исследовательскими темами. Мы писали коллективные учебники, издавали методическую литературу. К сожалению, интриги и годы взяли свое, Елсукова в руководстве сменили другие люди, но чувствовалось, что у Альберта Николаевича оставалось еще очень много нерастрченных сил. Он достаточно тяжело переживал эту ситуацию, но старался не показывать вида, оставался энергичным и инициативным. Огромное количество статей и книг вышли из-под его пера и в 1990-е годы, и позднее, когда он оставался профессором кафедры.

Еще запомнилось, что когда сотрудники кафедры имели возможность совместно проводить часть свободного времени, А. Н. Елсуков умел превратить это время в праздник для всех, проявляя выдумку и творчество, собственные умения во всем.

До последних дней своей жизни он не показывал виду, что тяжело болен, и вселял в нас оптимизм и уверенность в будущем социологии.

ЭСТАФЕТА ЗНАНИЙ, ИДЕЙ И ДЕЛ

Л. А. Гуцаленко,

доктор философских наук, профессор

Судьбе было угодно, чтобы Альберт Николаевич Елсуков родился в Архангельске, в том краю, который дал миру великого Ломоносова. Пожалуй, обитает здесь какое-то загадочное чудо, наделяющее питомцев этой земли сказочным набором талантов и бессмертием. Вспомним того же Альберта: и на смелый, дерзкий рывок, опрокидывающий все благоразумные представления о жизненных трудностях, готов был с «младых лет»; и на мысль не только научную, но и поэтическую скор; и на довольно рискованные виды спорта горазд; и бог весть каким другим дарованиям был открыт.

Но, пожалуй, всех их превосходило потрясающее упорство, настойчивость в достижении цели. Послевоенное лихолетье вынудило подростка соединить борьбу за «кусочек хлеба» в цеху наравне со взрослыми и за основы познания мира в так называемой «Вечерней школе рабочей молодежи». Затем, едва закончив университет, был направлен учителем в сельскую глубинку. Мечту о высшем образовании пришлось сочетать с углублением школьной программы при керосиновой лампе, поскольку электричество в той округе отсутствовало.

Вопреки всем бедам, «всем чертям назло», Елсуков в 1973 году появился в БГУ, но уже как выпускник не его, а МГУ. Точнее, защитивший кандидатскую диссертацию по философии в аспирантуре московского университета.

Не ведая яркой изобиловавшей экстримом предыстории профессионального и гражданского становления будущего ученого, автору этих строк, тогдашнему сотруднику кафедры философии, было нелегко понять ярко выраженную самобытность, самостоятельность, уверенность в себе, независимость и самоуважение молодого коллеги. Это явно выделялось на фоне робких взглядов его молодых сослуживцев в сторону «местных авторитетов».

Надо признать, что и само время 1980–90-х гг. способствовало пробуждению в людях, особенно у молодежи, чувства собственного достоинства, самоуважения, самоопределения. А когда решался вопрос в возрождении способствовавшей этому стилю мышления и поведения социологии, то ректорат на роль организатора ее институциональных структур выбрал именно Альберта Николаевича.

В свою очередь он и мне предложил работать во вновь созданном подразделении в качестве его заместителя по науке. Хотя время было благоприятное для реализации новых проектов, но оно и напрягало людей краткостью сроков для неотложных дел, скромностью средств, отсутствием достаточного опыта и проч., и проч. Декан нового факультета, и он же заведующий новой кафедры, работал на пределе.

Несмотря ни на что, шефа никогда не покидала выдержка, а стремление «надавить» на работника всегда уступало место искусству мотивации людей на успешную работу. Даже замечания чаще всего преподносились в доброжелательном, дружески шутливом тоне. Так, давая мне понять, что в моей должности куратора науки надлежит показывать другим сотрудникам пример исследовательской продуктивности, он однажды сказал: «Слушай, ты часто целыми днями пропадаешь в библиотеке. Все штудируешь новинки. А кто знает, что ты там читаешь, как используешь новые знания в своих работах?»

Разумеется, я постарался правильно понять намеки и значительно прибавил в исследовательской активности, пополняя портфели издательств и журналов соответствующей продукцией.

Но при всем огромном значении организационных и теоретических усилий главная миссия Елсукова заключалась в другом. Главное, чем этот человек обеспечил свое вечное присутствие в умах, сердцах и делах людей, видится в другом. В той непрерывной цепочке учеников, студентов, которые полученную от него эстафету знаний, идей и дел будут передавать своим современникам и потомкам.

Наряду с этим, справедливости ради, необходимо подчеркнуть: требуя творческой активности от других, он сам подавал личный пример в этом. Здесь стоит выделить две, на наш взгляд, наиболее перспективные его идеи. Речь идет о критике им теоретических установок некоторых классиков социологии, преувеличивавших роль объективных образований в структурировании и динамике социальных систем. Тем самым они обрекали индивидуальностей на роль пленников объективных обстоятельств. Вторая идея, во многом связанная с углублением предыдущей: необходимость разработки критической функции социологии, да и всей обществоведческой науки. Без этого она обречена на сохранение консервативных, застойных явлений и тенденций в социальных системах. Это означает игнорирование возможностей в поиске наиболее эффективных путей и механизмов социального прогресса.

В ПАМЯТЬ ОБ АЛЬБЕРТЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ЕЛСУКОВЕ

Г. Н. Соколова,

доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник образования Республики Беларусь

Альберт Николаевич Елсуков – великолепный ученый, мудрый руководитель и просто широкой души человек – таким он запомнился мне на самых разных этапах нашего сотрудничества. Мобилизовав свою память, я понимаю, что Альберт Николаевич сыграл немалую роль в моем профессиональном становлении как Педагога и Учителя. В этом контексте наше постоянное сотрудничество началось с 1991 года, когда я (в статусе доктора наук и профессора) пришла в Белорусский государственный университет в качестве профессора-совместителя по приглашению профессора Альберта Николаевича Елсукова, набиравшего штат преподавателей на новую кафедру – социологии – факультета философии и социальных наук, которую он тогда возглавил. У нас состоялся серьезный разговор по поводу чтения учебного курса по социологии труда (что было близко и понятно) и нового учебного курса по дисциплине, название которой еще предстояло определить. Это могла быть «Социология экономики» или «Экономическая социология» – на мой выбор. Остановились на втором варианте. Но эту дисциплину еще предстояло разработать, а начинать следовало здесь и сейчас. С уверенностью могу сказать, что это приглашение сыграло определяющую роль в систематизации и оформлении моего исследовательского опыта в сфере экономической социологии и появлении авторской монографии «Экономическая социология» (1995) – основы будущих учебников и учебных пособий по этой дисциплине.

Наше сотрудничество в подготовке словарных и учебных изданий по социологии началось значительно раньше, при подготовке к изданию «Словаря прикладной социологии» (1984). И я горжусь тем, что мне было доверено Георгием Петровичем Давидюком редактирование разделов по методологии и логике социологических исследований совместно с Альбертом Николаевичем Елсуковым и Давидом Генриховичем Ротманом. К слову, академик Николай Александрович Борисевич, когда получил от меня в подарок этот словарь, сказал: «Если есть социологический словарь, значит, есть и наука социология».

Меня всегда поражала масштабность мышления Альберта Николаевича. Он был не просто философ, но социальный философ, в центре внимания которого были вопросы социального бытия; представитель той части философского знания, которая содержала в себе социальную проблематику и имела глубокий социологический смысл. Он рассматривает социальную философию как раздел общей социологии, одно из ее направлений, содержащее исследование социальных проблем с помощью категорий теоретической социологии и граничных с ней научных дисциплин. При этом он обращает особое внимание на связь идей социальной философии и теоретической социологии, выражая их историческую преемственность. Истоки социологической мысли он связывает с развитием социально-философских идей, которые начали формироваться еще в Античности и продолжают сохранять свое значение в наше время в качестве солидной теоретической основы современной социологической науки.

Отсюда появились такие знаковые монографии, как «Предыстория социологии», написанная в соавторстве с А. Н. Даниловым (2009, 2011), и «История социологии» (1993, 1997, 2012) – учебное пособие, написанное совместно с ведущими социологами Беларуси и России, под общей редакцией А. Н. Елсукова. Имею основания полагать, что эти книги не подвластны времени и до сих пор делают честь белорусской социологии.

Особое, я бы сказала личное, место в многогранном творчестве Альберта Николаевича, раскрывающее его мудрость и душевные качества, занимает «Этика любви, жизни и смерти в афоризмах и стихах» (1999). Эта маленькая, изящно изданная книжечка, которую я храню, была подарена мне с надписью: «Удивительной женщине в научном мире от автора с наилучшими пожеланиями» (24.09.1999). Хочу обратить внимание на первый из афоризмов Альберта Николаевича, который мне близок: «Если бы было запрещено заниматься наукой под страхом смерти, то и тогда нашлись бы люди, которые посвятили бы себя этому делу, ибо нет ничего более вдохновенного, чем поиск истины». Строки его стихов: «Мои стихи – мои молитвы, // Я их шепчу в урочный час. // Они как сталь холодной бритвы, // Мне чистят душу всякий раз...» – удивительным образом сочетаются со строками Н. А. Заболоцкого: «Не позволяй душе лениться! // Чтоб воду в ступе не толочь, // Душа обязана трудиться // И день и ночь, и день и ночь...» – и отражают такие качества авторов, как творческая одержимость в деле, которому посвящена вся жизнь.

В Предисловии к юбилейному изданию под названием «Философско-социологический бриколаж: Юбилейное издание» (2011) Альберт Никола-

евич, подводя итоги своей творческой деятельности, отмечает, что в конце книги представлено собрание афоризмов, сочинением которых он стал увлекаться еще в студенческие годы. Эти афоризмы также имеют свой философский и социологический смысл и, полагая, отражают эту самую обязанность души трудиться и день и ночь, и день и ночь.

Память о талантливом ученом и тонком деликатном человеке, сделавшем огромный вклад в развитие науки социологии и повлиявшем так или иначе на наше творчество и нашу жизнь, остается с нами всегда. И мы благодарны Альберту Николаевичу за этот вклад и гордимся тем, что оказались причастными к той эпохе, в которой он жил и творил.

АЛЬБЕРТ НИКОЛАЕВИЧ ЕЛСУКОВ – УЧИТЕЛЬ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И ДРУГ

Т. В. Бурак,

кандидат социологических наук, доцент

Так сложилось, что мое первое знакомство с факультетом, тогда еще философско-экономическим, началось со встречи с Альбертом Николаевичем Елсуковым. Тогда всех, первыми зачисленных в ряды студентов факультета, он пригласил поучаствовать в облагораживании аудиторий факультета, размещавшегося в здании химического факультета БГУ. И как-то сразу расположил к себе. Своим отношением к нам и к факультету дал понять, что главное – это сопричастность и любовь к «нашему» факультету. Надо сказать, ощущение тепла, душевности, опеки и соучастия всегда ассоциируется у меня со студенческим периодом моей жизни.

Альберт Николаевич во многом оказал влияние на мою дальнейшую судьбу. По крайней мере, для меня он оказался знаковой фигурой. Он всегда был как будто рядом как преподаватель, декан, научный руководитель и лидер «философско-экономического движения». Пожалуй, каждый выпускник факультета помнит его лекции, увлекающие в мир Платона и Аристотеля. Его глаза, одновременно строгие и лукавые, мудрые и понимающие, но всегда излучающие жизнелюбие.

Альберт Николаевич Елсуков легко общался с молодыми. Здоровая доля хулиганства и авантюризма вызывала доверие у остальных, заряжала окружающих позитивной энергией. Общественные факультетские

мероприятия никогда не проходили без его непосредственного участия. У декана Елсукова двери кабинета всегда были открыты, и для студентов в том числе. Таким же открытым он был для любых проектов и предложений, даже на первый взгляд трудных и неподъемных.

Еще одно имманентно присущее ему качество, напрямую связанное с жизнелюбием – «активность во всем!». Воплощение этого почти девиза в реальном поведении А. Н. Елсукова служило позитивным образцом для молодых в общественной, научной, преподавательской жизни. Когда на определенном этапе работы над диссертационным проектом он стал моим научным руководителем, его активная позиция выполняла функцию «волшебного пендаля», заставляя преодолевать лень, успевать везде и стремиться к достижению поставленной цели. Альберт Николаевич обладал уникальным качеством не мешать творческому процессу тогда, когда это не нужно, и при этом незримо присутствовать и проявлять готовность помочь, посоветовать и поддержать тогда, когда это было нужно. Альберт Николаевич очень тонко чувствовал эту границу и умел с ювелирной точностью пользоваться этим чувством как инструментом управления поведением своих учеников. Большей силой стимулирования для меня, например, служило его доверие и вера в мои успехи. Именно эти качества Альберта Николаевича стимулировали у нас, его учеников, поэтапное движение вперед, несмотря на трудности. Количество диссертационных работ, защищенных под его научным руководством, – замечательное доказательство в пользу моей гипотезы.

Наверняка не меня одну А. Н. Елсуков как-то тепло и бережно потечески и по-дружески опекал. Он легко откликался не только тогда, когда помощи просили, но и тогда, когда он сам испытывал потребность помочь другому в трудной ситуации, даже если просьбы не было. Богатая эмоциональность, проницательность, романтичность, желание дышать полной грудью – из этого складывалась, вероятно, и потребность опекать. А неподдельная, искренняя радость Альберта Николаевича по поводу моих успехов для меня была, пожалуй, самым ценным результатом.

Уверена, что у многих выпускников есть подобные истории и эмоции, связанные с Альбертом Николаевичем. Для многих, чья жизненная траектория так или иначе связана с факультетом, когда-то созданным А. Н. Елсуковым, он был не только значимым ученым, талантливым преподавателем и первым деканом факультета, но также лидером, учителем и другом.

Р. С. Всякий раз на протяжении моего повествования употребление прошедшего времени приходится контролировать. Наверное потому, что описанный мной образ связан с настоящим, актуальным, современным восприятием. Это образ Альберта Николаевича, шагающего по подиуму. Именно такая фотография теперь висит в аудитории имени профессора А. Н. Елсукова на факультете философии и социальных наук БГУ, на факультете, который построил Елсуков... Учитель и друг...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. ЕЛСУКОВА

- 9 дек. 1936 г. родился в г. Архангельске Российской Федерации.
- 1940 г. Семья переезжает в Киев.
- 1941 г. Семья эвакуировалась в Челябинск, затем – в Ташкент.
- 1944 г. Семья переезжает в Брест, а затем – в Минск.
- 1951 г. Окончил вечернюю 7-летнюю школу № 33 г. Минска.
- 1955 г. Окончил Минскую профессионально-техническую школу мебельщиков-краснодеревцев Белпромсовета.
Работа столяром на Минской мебельной фабрике им. Димитрова.
- 1958 г. Поступление на исторический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина.
- 1963 г. Окончание философского отделения исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина и распределение учителем СШ п. Опса Браславского района Витебской области.
- 1963–1966 гг. Работа учителем СШ п. Опса Браславского района Витебской области.
- 1964 г. Свадьба в п. Опса.
- 1965 г. Рождение дочери Наташа.
- 1966–1969 гг. Учеба в аспирантуре философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.
- 1969 г. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Проблема объяснения в социально-историческом исследовании» (научный руководитель В. И. Швырев, оппоненты – Г. М. Андреева и В. И. Столяров).
- 1969–1973 гг. Возвращается в г. Минск на кафедру философии Белорусского политехнического института преподавателем, затем – доцентом.
- 1973 г. Переходит в Белорусский государственный университет на должность доцента кафедры марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов.

- 1974 г. Выходит монография А. Н. Елсукова «Методы научного познания» (в соавторстве с В. С. Стёпиным).
- 1981 г. Выходит монография А. Н. Елсукова «Эмпирическое познание и факты науки».
- 1984 г. Выходит монография А. Н. Елсукова «Познание и миф».
- 1985 г. Защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук по теме «Методологические проблемы формирования научного факта» (научный консультант – В. С. Стёпин, оппоненты – профессора А. Ф. Зотов, М. В. Попович и В. Ф. Берков).
- 1989 г. Выходит монография А. Н. Елсукова «Теория и эксперимент» (в соавторстве с В. Я. Воробьевым).
- 1989 г. Открытие философско-экономического факультета Белорусского государственного университета и утверждение А. Н. Елсукова деканом.
- 1989 г. Создание социологического отделения философско-экономического факультета Белорусского государственного университета и открытие кафедры социологии, избрание А. Н. Елсукова первым заведующим кафедрой социологии.
- 1993 г. Выходит учебное пособие «История социологии» под общей редакцией А. Н. Елсукова (2-е изд., переработанное и дополненное, 1997).
- 1999 г. Выходит учебное пособие «Социология» под общей редакцией А. Н. Елсукова.
- 1999 г. Выходит учебное пособие «Краткий курс теоретической социологии».
- 2003 г. Переходит на должность профессора кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.
- 2003г. Выходит учебное пособие «Методика преподавания социологии в высшей школе».
- 2006 г. Присвоение звания «Отличник образования Республики Беларусь».
- 2009 г. Выходит учебное пособие «Предыстория социологии» (в соавторстве с А. Н. Даниловым) (2-е изд. – 2011).
- 2009 г. Лауреат премии им. В. И. Пичеты Белорусского государственного университета.
- 2011 г. Заслуженный работник Белорусского государственного университета.
- 2011 г. Выходит книга «Философско-социологический бриколаж».
- 2012 г. Выходит учебное пособие «История социологии» (в соавторстве с А. Н. Даниловым).
- 2012 г. Выходит учебное пособие для системы профтехобразования «Основы социологии и политологии» (в соавторстве с А. Н. Даниловым) (2013, 2-е изд. 2015).

6 марта 2014 г. умер в г. Минске. Похоронен на Северном кладбище.

СОДЕРЖАНИЕ

MEMORIA ET GLORIA	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ (А. Н. Данилов, Д. К. Безнюк)	7
ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА А. Н. ЕЛСУКОВА.....	17
К вопросу о возникновении и основных этапах развития социологии.....	19
Контровский позитивизм и зарождение социологии.....	28
Был ли Спенсер позитивистом?	35
Новое обоснование объективности социологического познания в учении Э. Дюркгейма.....	46
Включение психологизма в методологию научного познания М. Вебером, его учение о «понимающей социологии»	54
История формирования понятия «факт» в качестве методологической категории	65
Социология критики	80
Стигматизация социально-духовных объектов в структурах коммуникативного действия.....	90
Социология в тени теоретических предрассудков.....	100
Социологический анализ отечественной истории (роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян и в формировании белорусской народности)	114
Правящие элиты и народные массы Восточной Европы в период утверждения княжеской власти (историко-социологический анализ)	131
Можно ли доверять маскам? Критико-методологический анализ теории социального взаимодействия Ирвина Гофмана.....	152
Диалектика или эклектика? К вопросу о теоретико-методологических новациях Вильфредо Парето	164
Процедуры выделения смысла в структурах коммуникации и их роль в омасовлении информации.....	175
Страх и политика: опыт историко-социологического анализа.....	184
Тезисы о парадоксах социального прогресса.....	194

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА	
А. Н. ЕЛСУКОВА.....	199
Библиография научного творчества и педагогической деятельности профессора А. Н. Елсукова	201
Литература о жизни и деятельности профессора А. Н. Елсукова, рецензии на его труды.....	201
Хронологический указатель научных трудов профессора А. Н. Елсукова.....	203
Монографии, учебные пособия, сборники, справочники, энциклопедические издания, брошюры (персональные и в соавторстве)...	203
Научные статьи в сборниках, периодических изданиях, тезисы докладов, рецензии	209
Докторские и кандидатские диссертации, выполненные и защищенные при научном консультировании профессора А. Н. Елсукова	218
ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕЧНОСТИ.....	221
Об уме, его достоинствах и недостатках.....	223
О правде, истине и заблуждении	226
О нравственных принципах и человеческих качествах.....	228
О трудовой деятельности и качествах руководителя.....	230
О жизни, старости и смерти	231
ИНТЕРВЬЮ И ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. Н. ЕЛСУКОВЕ	233
«...Пришло время говорить о белорусской социологии как о самостоятельной научной школе...» (интервью А. Н. Данилова)	235
<i>Ваганов С. Д.</i> И звездное небо над головой.....	245
<i>Елсукова Г. А.</i> Яичница с помидорами.....	251
<i>Слука О. Г.</i> Большая волна на Березине	257
<i>Ротман Д. Г.</i> Альберт Николаевич Елсуков – профессионал, которым мы должны гордиться... ..	263
<i>Бабосов Е. М.</i> Целеустремленность и чувство юмора – замечательные особенности А. Н. Елсукова.....	264
<i>Титаренко Л. Г.</i> «...Он заряжал своей энергией»	266
<i>Гуцаленко Л. А.</i> Эстафета знаний, идей и дел.....	269
<i>Соколова Г. Н.</i> В память об Альберте Николаевиче Елсукове.....	271
<i>Бурак Т. В.</i> Альберт Николаевич Елсуков – учитель, преподаватель и друг ...	273
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. ЕЛСУКОВА	276

Научное издание

Memoria et Gloria

ПАМЯТЬ И СЛАВА:

Альберт Николаевич Елсуков

К 80-летию со дня рождения

Ответственный за выпуск

Е. А. Логвинович

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*

Корректор *Л. С. Мануленко*

Подписано в печать 25.10.2016.

Формат 70×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,47 + 1,75 вкл.

Уч.-изд. л. 17,8 + 2,3 вкл.

Тираж 100 экз. Заказ 626.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».

Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.